

И. М. ПОПОВА

1989–1991 ДИАГНОЗ ВРЕМЕНИ

(Одесситы о себе и переменах в обществе)

Историко-социологические очерки

Одесса
«Астропринт»
2006

ББК 63.3(4Ук-4Од-20)

П 58

УДК 94(477.74-21):316.3“1989/1991”

Рецензенты:

О. Д. Куценко, д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой полит. социологии и социол. лаборатории ХНУ им. В. Н. Каразина;

Н. А. Победа, д-р филос. наук, профессор кафедры социологии ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова

Рекомендовано к печати Ученым советом Института социальных наук ОНУ им. И. И. Мечникова.

Протокол № 3 от 22 ноября 2005 г.

0503020902–102
П ————— Без объявл.
318–2006

ISBN 966–318–564–3

© И. М. Попова, 2006

*Моим коллегам, с которыми работала
в тяжелые для страны и всех нас годы
эта работа посвящается*

Содержание

<i>Предисловие</i>	6
I. 1989–1991 ГГ. КРИЗИС ПЕРЕСТРОЙКИ	11
1. События перестроечного времени	11
2. Прессовые опросы как свидетельство активности населения	25
3. Перестройка: ожидания перемен и оценка результатов	45
4. Что понимали под социальной справедливостью и как ее оценивали. «Справедливость» в 1989 и в 1998 гг.	57
II. ОПРОСЫ 1990–1991 ГОДОВ. УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА ПЕРЕСТРОЙКИ	87
1. Уровень материальной жизни населения и его оценка. Социально-экономические ориентации жителей региона. Социальная политика в официальных документах	88
2. Проблемы власти, демократии и государственного самоопределения в центре споров и дискуссий	112
3. Межнациональные отношения и культурно-языковая ситуация в преддверии независимости	135
4. Настроения, рост социальной напряженности	149
III. ДИАГНОЗ ВРЕМЕНИ (<i>Вместо заключения</i>)	157
<i>Литература</i>	184

Приложения

Приложение 1

Информация об обследовании общественного мнения газетой «Знамя коммунизма» и социологической группой Одесского университета	186
---	-----

Приложение 2

Характеристика основных массивов информации	189
---	-----

Приложение 3

Методика сбора объективных данных о деятельности трудовых коллективов	195
---	-----

Приложение 4

Методика контент-анализа официальных документов	203
---	-----

Приложение 5

Характеристика социально-экономической ситуации в Одесской области	211
--	-----

Приложение 6

Методика районирования сельских районов Одесской области по этническим показателям (с использованием материалов Всесоюзной переписи населения 1989 г.)	222
--	-----

Приложение 7

Список информационно-аналитических справок, представленных в органы управления	225
--	-----

Приложение 8

Список газетных публикаций по результатам опросов	227
---	-----

Эта публикация — дань совместной работе, которая в переломный для нашей страны период проводилась мною и моими коллегами. Материалы, здесь представленные, были подготовлены в значительной степени благодаря нашему энтузиазму, стремлению сделать как можно больше для того, чтобы в стране произошли необходимые для наших соотечественников преобразования.

Работа эта, включающая не только опросы, но и анализ статистических материалов и документов, не финансировалась во всем своем объеме и совмещалась с преподавательской и основной хозяйственной работой — исследованиями на предприятиях Министерства судостроительной промышленности СССР. В результате сотрудничества с данным Министерством, а также благодаря предшествующим исследованиям на судоремонтных предприятиях Министерства морского флота СССР¹ нашим коллективом был создан фонд методического обеспечения оперативной социологической работы, который представлял собой комплект, состоящий из 25 методик, прошедших апробацию на различных промышленных предприятиях.

Исследования общественно-политических проблем финансировались Министерством высшего образования УССР лишь частично (в связи с выполнением темы «Исследование общественного мнения населения области по актуальным социально-экономическим проблемам как средство привлечения различных социальных групп к управлению», а позже — «Этно-политические процессы в Южно-Украинском регионе»). Материалы этих исследований, и в частности, тех, которые в 1991 года проводились частично совместно с информационно-аналитическим центром «Пульс» (директор — А. В. Варламов), практически не представ-

¹ По материалам этих исследований подготовлены 2 коллективных монографии: «Проблемы социального регулирования на промышленных предприятиях» — К.: Наукова думка, 1973 и «Сознание и трудовая деятельность. Ценностные аспекты сознания, вербальное и фактическое поведение в сфере труда» — К.: Наукова думка, 1985 год; а также индивидуальная монография — *Попова И. М.* «Стимулирование трудовой деятельности как способ управления» — К.: Наукова думка, 1976 год.

лены в научных публикациях, хотя ценность их неоспорима, и они были в достаточной степени масштабными. Тогда, в отличие от теперешнего периода, хоть какие-то средства все же выделялись на проведение социологических исследований. Правда, это финансирование не окупало тех затрат физической и интеллектуальной энергии, которая расходовалась нами.

В эти годы социологической группой Одесского госуниверситета (И. Попова, В. Моин, М. Кунявский, Г. Бессокирная, Н. Тимофеева, О. Лычковская, Е. Князева, А. Панков, А. Худенко, Ю. Волков, С. Любомудров) было проведено 10 прессовых и 3 почтовых опроса, 2 репрезентативных опроса по месту работы трудящихся Одессы и 7 опросов по месту жительства, репрезентативных для Одесской области. Активность читателей в прессовых опросах, как правило, была очень высокой. Так, в обсуждении проекта украинского закона о выборах приняло участие 1355 человек, а в преддверии выборов в Верховный совет Украины в редакцию газеты было прислано 4000 анкет!

Это было время надежд и стремления быть полезными, желания довести до сознания людей всю ту информацию, которая давала возможность, как нам тогда казалось, понять происходящее. Только в газете «Знамя коммунизма» в течение 1988—1990 гг. было помещено 18 наших публикаций, посвященных результатам проведенных опросов. Были дни, когда различные статьи публиковались сразу в трех газетах! Мы хотели быть услышанными, и в ответ, кроме заполненных анкет, читатели присылали нам свои письма с благодарностью, с надеждой и искренним желанием помочь сделать наше общество лучше и человечнее. Мы были востребованы и наивно полагали, что наши знания и умения нужны, а главное, что мы можем повлиять на события.

Представленные здесь материалы, содержащиеся в различных отчетах, многочисленных справках и публикациях того периода, — свидетельство эпохи, знакомство с которыми, несомненно, полезно для оценки настоящего и понимания того, каким может оказаться будущее. Именно поэтому я сочла необходимым вернуться к этим материалам, извлечь из них то, что наиболее важно и значительно, учитывая последующее развитие событий. Оказалось, что многое из того, что нам неясно было тогда, прояснилось впоследствии. Причем практически каждый новый год дает возможность по-иному оценить то, что происходило в тот знаменательный пе-

риод. И эта переоценка помогает осмысливать происходящее теперь. Обращение к совсем недалекому прошлому — это не просто воспоминание, но попытка увидеть то, что не делается сегодня, понять суть тех ошибок, которые не только не исправлены, но которые не становятся предметом размышлений. Это ошибки, которые так и не стали уроком.

Работа выполнена в жанре историко-социологических очерков. Она представляет собой описание конкретной исторической ситуации, определенного периода прошлого, осуществленное средствами социологии. Преимущество такого описания состоит в том, что происходящее характеризуется не просто «событийно», но имеется возможность получить картину настроений и переживаний участников тех событий, выяснить их отношение и оценки происходящего, проследить изменение их настроений. Фактически именно это было в центре нашего внимания при исследовании событий, соучастниками которых мы также являлись. Именно это (общественное сознание) и было, как выражаются социологи, объектом наших исследований, которое интересовало нас в аспекте отношения к происходящим преобразованиям (предмет исследования). Этим объясняется и выбор подзаголовка работы: «Одеситы о себе и переменах в обществе». Характеристика событий, анализ статистических данных и официальных документов играли подчиненную роль. Все это осуществлялось нами скорее для того, чтобы лучше понять «живой дух» происходящего, ощутить степень адекватности мировосприятия наших соотечественников в тот ответственный и нестабильный период.

Жанр историко-социологических очерков, избранный мною, имеет еще и другой смысл: это и история социологической деятельности, характеристика наших представлений о возможностях и задачах социологии, которых мы придерживались в тот период. История о том, какие аспекты мироощущения происходящего для нас были важны и заслуживали, с нашей точки зрения, внимания, а также какие средства анализа мы считали целесообразным использовать для их изучения. Вот почему и в первом, и во втором разделе я максимально пыталась сохранить и стиль изложения, и даваемую в тот период характеристику полученных результатов, и тот уровень, на котором тогда осуществлялся нами анализ информации. Частично все это определялось и теми задачами, которые мы перед собой ставили, а также чрезвычайно большим объемом

работы и сжатыми сроками исполнения. Моя роль как автора данных разделов публикации состояла в следующем (если не считать то, что я была научным руководителем исследований, о которых идет речь): в отборе материала, его адекватном изложении, в расставленных акцентах и комментариях (выделенных курсивом), посредством которых я хотела бы привлечь внимание к тому, что считаю наиболее важным для понимания происходящего сегодня. Замечу также, что работа над прошлыми текстами помогла осознать не только наивность наших соотечественников, но и наивность социологов того периода. И наше «живописание» о том, как оценивали одесситы себя и происходящие изменения, это и «живописание» социологами своих собственных представлений, ибо мы были теми же одесситами, участниками тех же событий

Собственно мое авторство представлено в квалификации именно тех событий перестроечного времени, оценка которых, по моему мнению, особенно важна в восприятии произошедшего в последующем, а также в заключительной части работы, одноименной с работой в целом. Этот итоговый раздел я позволила себе выполнить не в соответствии с канонами заключений к научным работам. Заключение — самостоятельное повествование, представляющее собой мои размышления относительно анализируемого ранее периода. Они сделаны не только на основании изложенного в предшествующих разделах, но и с учетом различных других источников, а главное — под воздействием того, что произошло в дальнейшем, под влиянием свидетельств моего собственного жизненного опыта. Я призвала на помощь «социологическое воображение», являющееся, по мнению Р. Миллса, единством истории и биографии. Это, заключительное, повествование выполнено в жанре «диагноза времени». Но так я сочла возможным назвать и всю работу, имея в виду то, что она — диагноз вдвойне. С одной стороны, мнения и оценки населением происходящего (о чем повествуется в первых двух разделах) — это своеобразный диагноз социальной действительности того периода, важная составляющая его характеристики, хотя следует учитывать специфику и ограниченность такого диагноза социальной реальности. И все же оценки происходящего населением (поскольку в их поле зрения была именно «социальная реальность», которая являлась их жизненной средой, непосредственно затрагивала их интересы) правомерно рассматривать как своеобразные экспертные оценки, как диагноз,

который люди ставили социальной реальности, образующей среду их существования, условия их повседневной жизнедеятельности. С другой стороны, сами эти оценки и настроения населения, как известно, — необходимый компонент той «социальной реальности», которую исследует социолог, чтобы получить знания о ней. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда «...характерны специфические агломераты «реальности» и «знания», а изучение их взаимосвязей — предмет соответствующего социологического анализа»¹.

Мой социологический анализ, являющийся «агломератом «реальности» и «знания» и осуществленный в жанре «диагноза времени», содержащийся в заключительной части работы, представляет собой диагноз «второго порядка». В качестве объекта моего диагноза выступала и та «социальная реальность», которая конструировалась в тот период сознанием населения, а также та, которая представлена в оценках, выводах и рассуждениях, содержащихся в материалах, подготовленных нами в прошлом. Выводы и заключения, характеризующие диагноз прошлого, сделанный сегодня, отличается от прошлого диагноза. Мы знаем то, что не знали тогда. Да и мы сами вроде бы стали другими. Я не берусь судить, лучше или хуже. Нам кажется, что мы уже не такие наивные, как были прежде. Но время от времени всплеск наивности и неоправданного восторга опять сопровождает наши поступки и мешает принять правильное, соответствующее ситуации решение. Я хотела бы, чтобы, обернувшись на прошлое, мы поняли это и разумно преодолевали бы то, что мешает двигаться в направлении осуществления наших желаний.

В заключение хочу выразить признательность всем, с кем работала тогда, моим сотрудникам, благодаря труду и гражданственности которых я теперь имею возможность вернуться к тому знаменательному периоду и переосмыслить происходящее. Эту публикацию я рассматриваю как исполнение своего долга перед ними.

Я благодарю также моих коллег за ценные замечания, которые они сделали, прочитав мою рукопись.

И. Попова

Сентябрь 2005 года

¹ Бергер Питер, Лукман Томас. Социальное конструирование реальности. — М., 1995. — С. 12.

I. 1989 — 1991 ГОДА. КРИЗИС ПЕРЕСТРОЙКИ

«Прошлое — это зеркало, которое социолог должен поставить перед собой, чтобы, всматриваясь в него, лучше понимать настоящее».

Энтони Гидденс

«Мы судим прошлое. Слов нет, есть за что. Но мы-то, нынешние? Мы-то какими такими доблестями себя украсили? Навели порядок? Устранили несправедливость? Сделали окрыляющим труд? Так жизнь организовали, что слеза ребенка воспринимается как трагедия? Каждому, действительно, воздаем по уму и труду? Чтим старость, как она того заслуживает? Полноте! Мы как жили, так и продолжаем жить неподобающим образом».

Борис Дервянко

Наши представления, мнения, ориентации определяются обстоятельствами, в которых мы живем, событиями, которые происходят. Что предшествовало интересующему нас периоду и какие события происходили в годы, находящиеся в данный момент в центре нашего внимания? Какие события, являющиеся не просто «знаковыми», а теми, которые обусловили реальные социально-экономические изменения и социально-политические процессы, непосредственно предшествовали 1989 году? Изменения, которые в той или иной степени коснулись практически каждого нашего соотечественника. Этому будет посвящен следующий очерк.

1. СОБЫТИЯ ПЕРЕСТРОЕЧНОГО ВРЕМЕНИ

Прежде всего следует назвать именно те **преобразования, которые вели к демонтажу планового хозяйства и национализированной собственности**: образование в 80-х годах кооперативов «нового типа» и ликвидацию в 1988-89 годах государственной монополии внешней торговли. В государственном пятилетнем плане

на 1986—1990 годы об этом не было ни слова. Однако с 1 января 1987 года право осуществлять экспортно-импортные операции получили 20 министерств и 70 крупных предприятий. В 1988 году было ликвидировано Министерство внешней торговли, а вновь образованное Министерство внешнеэкономических связей лишь регистрировало те организации, которые вели экспортно-импортные операции. В соответствии с «Законом о кооперативах», принятом в 1988 году, право внешней торговли приобретали кооперативы. Закон 1990 года давал такое право и местным Советам. Используя значительную разницу «внутренних» и «внешних» цен, вновь организованные совместные предприятия, кооперативы и местные Советы вывозили за рубеж товары, предназначенные для внутреннего рынка. «По оценкам экспертов, в 1990 году была вывезена 1/3 потребительских товаров»¹. К этому следует добавить переориентацию предприятий с натуральных на денежные показатели, когда выгодно стало производить дорогостоящую продукцию, а также получение права устанавливать «договорные цены». *Все это привело к катастрофическому росту цен.* Относительно недорогие товары первой необходимости исчезли из продажи, вырос дефицит, который в той или иной степени всегда сопровождал советскую экономику.

Интересно то, что только 5 июля 1989 года была создана Государственная комиссия по экономической реформе при Совете министров СССР под руководством академика Абалкина, разрабатывавшая программу, в которой официально отказывались от социалистических догм и демонстрировали приверженность идеям рыночной экономики. А «процесс», как видим, «пошел» раньше и не совсем в том направлении как предполагалось. Как отмечается в социологической литературе, все эти, как и другие, перемены, носили противоречивый характер. Один из очерков, посвященных общей характеристике постсоциалистических перемен, российские социологи Л.А. Гордон и Э.В. Клопов так и назвали «Противоречивость перемен». Вообще их позиция — пример взвешенной неоднозначной оценки происходящих преобразований².

¹ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. От великой победы до наших дней. Книга вторая. — М., 2001. — С. 279.

² Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 1. — М., 2000. — С. 155—178.

С одной стороны, появилась возможность у некоторой части населения заработать больше, чем в советский период. Это было связано с разрешением совместительства, наличием различной сдельной работы, функционированием кооперативов, не говоря уже о доходах от различных форм спекулятивной деятельности. С другой стороны, «Закон о государственном предприятии (объединении)», вступивший в силу 1 января 1988 года, обусловил резкое увеличение денежной массы у населения, так как дал возможность *превращать безналичные деньги в наличные*.

«Закон о государственном предприятии (объединении)» давал возможность реализовать «третью» модель хозрасчета, предполагавшую сдачу государством в аренду трудовому коллективу предприятия. Как считалось тогда, закон этот освобождал предприятие от «пут административной системы». В результате ежегодный прирост денежных доходов населения в 1988–1990 гг. значительно превышал тот, который был в 1981–1987 гг. (66, 7 млрд. руб. в сравнении с 15, 7 млрд. руб.). А в первом полугодии 1991 года этот прирост составлял уже 95 млрд. руб. (при том, что зарплата в производстве выросла всего на 36%). С. Кара-Мурза, приводящий эти данные, интерпретирует их следующим образом: «средства перекачивались из накопления (инвестиций) в потребление — «продалось «будущее развитие и будущие рабочие места... Такой рост доходов при одновременном сокращении товарных запасов в торговле привел к краху потребительского рынка («товары сдуло с полок»)¹.

Следует обратить также внимание на противоречивые оценки в социологической литературе роли «новых» кооперативов. «Кооперативный механизм» хозяйствования, с одной стороны, имел ряд преимуществ перед государственно-административным². С другой, кооперативы «с момента своего возникновения развивались как форма частнопредпринимательской деятельности, безжалостно грабившая население посредством узаконенной спекуляции». Именно на кооперативных предприятиях отмывались и легализовались «теневые доходы», а также использовались «самые

¹ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. От великой победы до наших дней. Книга вторая. — М., 2001. — С. 280.

² Гимпельсон В.Е., Магун В.С. В ожидании перемен (рабочие о ситуации на промышленных предприятиях) // Социологические исследования. — 1990. — № 1. — С. 7.

грубые формы эксплуатации наемного труда»¹. Интересно то, что эти особенности «новых» кооперативов так или иначе «улавливались» населением, в чем мы убедились, выясняя отношение населения к кооперативному движению. Возможно, реальности кооперативного движения сказались и на отношении населения к «наемному труду» в целом. На общих оценках жизни не могла не сказаться также проводимая инфляционная политика, в ходе которой практиковалась небывалая по своим масштабам эмиссия: в 1990 г. объем бумажно-денежной эмиссии превысил ее размеры за 1981–85 годы.

Серьезные изменения в непосредственно предшествующие интересующему нас периоду годы претерпело советское государство. В фарватере этих изменений находилась так называемая «гласность», которая в значительной степени обусловила развенчание культурных символов и представлений советской эпохи, а в последующем явилась существенным фактором развенчания идеи социализма вообще. Переоценивались поступки героев (П. Морозова, З. Космодемьянской), жертв сталинских репрессий (маршала Тухачевского). В публикациях О. Лациса, в речи Ю.Н. Афанасьева на III Съезде народных депутатов был подвергнут жесткой критике В. И. Ленин, который, по их мнению, применял террор и насилие раньше Сталина. Обществу была нанесена, выражаясь языком известного польского социолога П. Штомпки, «культурная травма»², которая стала существенной составляющей общего кризиса советской системы. Гласность дала возможность оценить не только многие прошлые события, о которых население не было информировано и которые связывались именно с деятельностью советского государства, но и «свежие» проявления этой деятельности (например, кровопролитие в Тбилиси в 1989 году). *А все экономические просчеты конца 80-х также связывались с деятельностью советского государства, возглавляемого партией.*

Радикальное изменение всех подсистем советского государства началось с 1988 года, с момента проведения «конституционной реформы», предполагающей, в частности, учреждение, в конечном счете, и нового высшего избираемого органа — Съезда народных

¹ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. От великой победы до наших дней. Книга вторая. — М., 2001. — С. 127.

² Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе. (Статья вторая) // Социологические исследования. — 2001. — № 2.

депутатов. В 1988 году был принят закон «О выборах народных депутатов» и об изменениях в Конституции СССР, в марте 1990 года — закон об учреждении поста Президента и одновременно (на основании «законодательной инициативы» самого ЦК КПСС) была отменена 6 статья Конституции, по которой КПСС выступала как «ядро» политической системы СССР. Упразднена была номенклатура (номинально), что в свою очередь *освободило от контроля партии республиканские и местные элиты*. В 1990 году была учреждена Главная государственная налоговая инспекция, в 1991 году — Таможенный комитет СССР и утвержден Таможенный Кодекс. Самым важным событием, которое привело к *трансформации не только советской хозяйственной системы, но и всего общественно-го строя, было принятие в 1991 году закона «О разгосударствлении и приватизации промышленных предприятий»*.

В период с 1989 по 1991 гг. проходила работа всех пяти съездов народных депутатов (1-ый в июне 1989 года, 2-ой внеочередной, — в сентябре 1991 года), которые в значительной степени активизировали население. По сообщению секретариатов съездов, на них приходило от 20 до 25 тысяч писем и телеграмм. Особенно это относилось к 1-му и 2-му съездам. Трансляции с их заседаний слушали повсюду: на работе, дома, на прогулке. Выступления депутатов широко обсуждались в кругу семьи, знакомых, с коллегами по работе. Политизации населения способствовали и широкие избирательные кампании: в мае 1989 года — выборы депутатов Всесоюзного съезда народных депутатов, в 1990 году — выборы республиканских Верховных советов. Новый Верховный совет Украины, собравшийся в марте 1990 года, имел в своем составе 95 профессиональных партийных работников. Председателем Верховного Совета Украины стал Л.М. Кравчук (бывший секретарь ЦК КПУ по идеологии), в декабре 1991 избранный Президентом Украины. К этим событиям следует добавить также Всесоюзный референдум по поводу сохранения Союза, проведенный в марте 1991 года, а также судьбоносный Всеукраинский референдум 1 декабря 1991 года, определивший последующую судьбу Украины.

В эти годы активно стали оформляться общественные движения, выступающие под различными лозунгами, но приобретающие все в большей степени правозащитный либо откровенно политический характер. Так, в 1988 году в «Огоньке» был опубликован проект устава Историко-просветительного общества «Мемориал». Офор-

мившись в январе 1989 года в таком качестве, «Мемориал» в последующем взял на себя правозащитные функции и участвовал также в различных политических акциях. Определенную трансформацию претерпели самые различные общественные движения. Вначале они в той или иной степени выступали под общедемократическими лозунгами, имеющими антипартийную окраску, а на митингах и демонстрациях использовались плакаты «Вся власть Советам!». Очень скоро общественные движения стали консолидироваться под антисоциалистическими, «антиимперскими» и, фактически, антисоветскими лозунгами, а *«движение за демократию» уже в 1989 году приобретало явно националистический характер*. Возникли Народные фронты, которые возглавляли движения «за демократию», что в конечном счете явилось фактором суверенизации республик и способствовало распаду Союза. Различные события ускоряли этот процесс. В Грузии, например, на активизацию националистического движения существенно повлияли трагические события в апреле 1989 года, когда при разгоне митинга армией было расстреляно 19 человек, а также движение абхазской оппозиции. Трансформация Народных фронтов Прибалтики, созданных в 1988 году «в поддержку перестройки» и преобразованных в мае 1989 года в Балтийскую ассамблею (вставшую уже на антисоветские позиции), стимулировалась слушанием в январе 1990 года на II Съезде народных депутатов вопроса об оценке пакта Молотова-Рибентропа.

Народное движение Украины (кратко именуемое как РУХ) образовалось на Учредительном съезде в сентябре 1989. В результате опроса делегатов съезда, проведенного одной из украинских социологических служб, выяснилось, что половина делегатов были представителями Западных областей Украины, где проживало чуть больше 1/5 населения. Делегаты, представлявшие 8 центральных областей, составили 35% опрошенных, 5 южных — 9%, а восточные области, где проживало 25% населения — составляли лишь 6% опрошенных. Среди возможных направлений деятельности РУХа большинство опрошенных выбрали «содействие демократии и гласности» (75%) и «развитие национальной культуры и языка» (73%). Интерес представляет также тот факт, что членов КПСС среди делегатов конференции было в 2, 2 раза больше, чем среди взрослого населения республики. Но уже на II Съезде РУХа (октябрь 1990 года) жестко и однозначно определилась направлен-

ность на суверенизацию Украины и выход из состава СССР. «Була відкинута шкарлупа, тобто форма існування самої ідеї Руху, що називалася перебудовою»¹. Было заявлено также, что пребывание в РУХе несовместимо с пребыванием в КПСС. По мере того как в РУХе начинала преобладать националистическая тенденция², произошло и изменение «облика» РУХа, которое наш земляк Б.Ф. Деревянко характеризовал как «снижение интеллектуального уровня движения»³, его своеобразную «люмпенизацию»⁴.

В 1989 году на Украине активизировалось молодежное, главным образом студенческое движение. Так, в декабре 1989 года в Киеве состоялся учредительный съезд УСС (Украинский студенческий союз), который сыграл активную роль в организации студенческой голодовки на площади Октябрьской революции (впоследствии площадь Независимости). Начатая 2 октября 1990 года сорока студентами, она приобрела затем более массовый характер: через пять дней голодающих студентов из 24 городов Украины насчитывалось уже 160 человек. Студентов поддерживали киевляне. 15 октября стотысячная манифестация направилась к зданию Верховного Совета Украины и студенты предъявили Совету свои требования: в мае 1991 года провести выборы Верховного Совета на многопартийной основе, принять закон о национализации имущества ЦК КПСС и ВЛКСМ на территории Украины, отправить в отставку правительство В. Масола и др. Хотя депутаты 314 голосами приняли эти требования, выполнено было только одно — в отставку был отправлен Масол. Само же студенческое движение не получило в дальнейшем развития и не приобрело сколько-нибудь определенную общеукраинскую структуру.

Характеристика общественного движения на Украине будет неполной, если обойти тот резонанс, который здесь имело движение, возникшее в самой КПСС: речь идет о «Демократической платформе в КПСС». Вслед за проведением в январе 1990 года Всесоюзных клубов и партийных организаций, где было заявлено

¹ Гончарук Г. Народний РУХ України. — Одеса: Астропринт, 1997. — С. 7.

² Проявлением данной эволюции явилось, в частности, сотрудничество с откровенно националистическими движениями, устраивающими различные экстремистские акции (например, случай с бензовозом, пригнанным к зданию Верховного Совета).

³ Деревянко Борис. Хочу быть услышанным. Книга публицистической прозы. — Одесса, 2002. — С. 183.

⁴ Там же. — С. 197.

о создании в рамках КПСС такой платформы, сторонники ее собрались в Харькове и заявили о создании «Демплатформы в КПУ» (март 1990 года). В середине сентября 1991 года инициативной группой объединения «Демократические реформы Украины» было сделано заявление, в котором указывалось: «Первоочередной шаг к желанной свободе — преодоление цивилизованным путем подчинения Украины структурам бывшего Союза». Здесь же отмечалось следующее: «Считаем, что в нынешней ситуации распада бывшего Союза необходимо создание содружества независимых государств, а именно — новой эффективной коллективной системы военно-стратегического, экономического, научно-технического, экологического и культурного сотрудничества независимых государств, субъектов бывшего Союза, на добровольной, договорной, взаимовыгодной основе». Это заявление было подписано видными общественными и хозяйственными деятелями, представителями научно-технической и культурной интеллигенции Украины. Всего было 20 подписей и среди них: Н. Амосова, В. Гетьмана, А. Гончара, В. Гринева, И. Плюща, Л. Кучмы, Ю. Щербака, И. Юхновского. Заявление было подписано и известным в Украине социологом Валерием Хмелько, бывшим в этот период сопредседателем координационного совета Партии демократического возрождения Украины.

Нужно сказать, что «Демплатформа» находила отклик со стороны рядовых членов КПСС, в чем мы смогли убедиться на одном из общих партийных собраний в Одесском госуниверситете. Это собрание, по замыслу его устроителей, как раз и должно было осудить «Демплатформу». Но, устроив в перерыве анонимный опрос членов парторганизации и быстро подсчитав результаты, члены нашей социологической группы выступили при обсуждении проекта решения и привели данные, свидетельствующие о том, что подавляющее большинство участников собрания поддерживает основные положения «Демплатформы». В «Демплатформе» руководство партии усмотрело угрозу ее единству, и в апреле 1990 года наиболее активные ее члены — сторонники создания социал-демократической фракции — были исключены из рядов КПСС.

Различные общественные движения создавались и в Одессе. Так, в 1988 году здесь был образован «Народный фронт». Организация эта (определившая в качестве цели своей деятельности «борьбу за перестройку в стране и городе, разоблачение Центросоюза как

организации, занимающейся «экономическими диверсиями»: незаконным повышением цен, нарушениями в жилищном строительстве и др.»)¹ не сыграла сколько-нибудь заметной роли в жизни города. Большой резонанс имела деятельность одесского «Мемориала» и одесской организации РУХа. Идея организации Одесского общества «Мемориал» была озвучена впервые в 1989 году на заседании Одесского отделения Философского общества, а Учредительное собрание одесского общества «Мемориал» состоялось в июне 1990 года. Учредительное собрание одесского РУХа прошло в августе 1990 года в Кишиневе, т. к. помещение для проведения собрания в Одессе не было предоставлено. Проведение учредительного собрания в Кишиневе одесские сторонники РУХа рассматривали и как акцию поддержки Народного фронта Молдавии.

Значительная часть членов общества «Мемориал» вошла в одесскую краевую организацию РУХа. Эти организации были основными инициаторами проводимых в Одессе в 1990—1991 году массовых оппозиционных мероприятий: демонстраций и митингов в Парке Ильича, на Преображенской площади, в Парке им. Шевченко. Официальные структуры устраивали ответные акции. Так, весной 1990 года на стадионе «Спартак» под эгидой Одесского обкома КПУ был проведен митинг, на котором клеймили всех смутьянов и прежде всего «руховцев». «Мемориал», выступавший в начале вместе с РУХом, не утратил своей самостоятельности. Более того, по мере преобладания в РУХе националистических тенденций многие члены РУХа, его покинувшие, продолжали работу в одесском «Мемориале». РУХ же впоследствии организовал свой собственный «Мемориал», назвав его именем Василя Стуса.

Фактором, активизирующим население, было обсуждение Союзного договора. Идея заключения такого договора, как известно, была озвучена в декабре 1990 года на IV съезде народных депутатов, где путем поименного голосования было принято решение о сохранении федеративного государства с тем же, что и было, названием — Союз Советских Социалистических республик. В 1990 году, хотя приняты были Декларации о суверенитете рядом республик (и, в первую очередь, прибалтийских), объявление суверенитета не означало выхода из состава Советского Союза. Народные де-

¹ Центр документации «Народный архив». — М., 1998. — С. 154.

путаты республик продолжали участвовать в работе Верховного Совета СССР и работе Съезда народных депутатов. Острота обсуждения договора была связана с тем, что в июне—октябре 1990 года на Съезде народных депутатов РСФСР и на заседании Верховного Совета РСФСР было принято ряд актов, направленных на суверенизацию РСФСР, понимаемую как *признание верховенства республиканских законов над законами СССР* (Декларация о суверенитете, «О действии актов Союза СССР на территории РСФСР» и др.). Впоследствии эти акции были охарактеризованы как «российский сепаратизм», который стал одной из главных сил, разрушивших Советский Союз»¹.

Однако вплоть до августа 1991 года вопрос о независимости, понимаемой как выход из Союза, никем не ставился. Проект «Договора о союзе суверенных государств» 18 июня 1991 года был направлен в Верховный Совет СССР и ВС республик, а 23 июля обсуждался на совещании руководителей республик. «Доработка» различных вариантов проекта, прерванная августовским путчем, а потом продолжавшаяся вплоть до ноября 1991 года, свидетельствовала о том, что движение шло от федерации к *конфедеративному устройству Союзного государства*. Первоначальная договоренность была о том, чтобы подписать договор в сентябре—октябре 1991 года. 29–30 июля состоялась закрытая встреча Горбачева, Ельцина и Назарбаева, где решено было сделать это раньше — 20 августа. Августовский путч, таким образом, лишь на один день опередил эту акцию.

После августовского путча первыми о своей независимости и выходе из состава Союза заявили республики Прибалтики. 24 августа 1991 года Б. Ельцин подписал указ о признании Российской Федерацией независимости Литвы, Латвии и Эстонии. Но от идеи о Союзном договоре не отказались полностью. «Акт провозглашения независимости Украины» был обнародован до референдума на заседании Верховного Совета Украинской ССР сразу же после августовского путча. В нем было указано: «Отныне на территории Украины вступают в силу исключительно конституция и законы Украины. Этот акт вступает в действие с момента его принятия». В это же время на Внеочередном съезде народных депутатов СССР

¹ Медведев Рой. Советский Союз: последний год жизни. — М., 2003. — С. 260.

было сделано «Заявление Президента СССР и высших руководителей союзных республик», с которым по уполномочию Президента СССР выступил Н.А. Назарбаев. В заявлении указывалось на необходимость подготовки и подписания «Договора о союзе суверенных государств», а также на целесообразность создания единого экономического пространства: «Обратиться ко всем республикам, — гласил пункт 2, — независимо от декларируемого ими статуса с предложением безотлагательно заключить экономический союз с целью взаимодействия в рамках единого экономического пространства и для нормального функционирования народного хозяйства и обеспечения населения, ускоренного проведения радикальных экономических реформ». Это заявление было подписано и представителями Украины. Как известно, предложения об экономическом союзе не были реализованы в дальнейшем, что существенным образом обусловило последующий развал экономик независимых государств.

1 октября 1991 года руководители делегаций от 12 республик парафировали, а затем (11 членов) подписали «Договор об экономическом сообществе», в котором заявлялось, что «основой подъема экономики является частная собственность, свобода предпринимательства и конкуренция». 14 ноября главы уже только 7 республик (России, Белоруссии, Кыргызстана, Казахстана, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана) договорились до конца года подписать соглашение о *едином конфедеративном государстве*. **Украина не подписала договор об экономическом сообществе и не принимала участие в совещании 14 ноября.** Не было Украины и на заседании Государственного совета СССР 25 ноября, на котором руководители 7 союзных республик должны были парафировать Союзный договор, по которому в новом Союзе суверенных государств должны быть единый парламент, правительство, армия и высшее должностное лицо — президент, избирающийся гражданами республик, входящих в Союз. Активную роль Украина сыграла в принятии 8 декабря 1991 года так называемого Беловежского соглашения, по которому СССР как «геополитическая реальность» прекращает свое существование. На встрече «Высоких Договаривающихся Сторон» от Украины присутствовали Л. Кравчук и В. Фокин.

Годы, непосредственно предшествующие интересующему нас периоду, были и временем **активизации социологической деятель-**

ности, причем востребована была именно практическая функция социологии. К 1987 году Социологическую ассоциацию СССР уже возглавляла академик Т. И. Заславская, являющаяся одновременно заведующей отделом социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР. В 1987 году, давая интервью корреспонденту газеты «Аргументы и факты», Т. И. Заславская на вопрос о том, что ее как ученого сейчас более всего волнует, ответила: «Меня тревожит то обстоятельство, что экономическая и социологическая науки не дают достаточно надежных ответов на многие выдвигаемые временем вопросы». («Аргументы и факты» 21–27 марта 1987 года). В предшествующий период социологи были востребованы в связи с так называемыми «планами социального развития». Были поставлены проблемы (и определены направления их решения), относящиеся к сфере социологии труда и, более конкретно, промышленной социологии. Обоснование необходимости «перестройки» в значительной степени было связано с этими исследованиями.

В дальнейшем (особенно под влиянием провозглашенной «гласности») *социологи сосредоточили внимание на изучении общественного мнения*. В конце 1987 года при ВЦСПС и Госкомтруда СССР создается Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), руководителем которого становится академик Т. И. Заславская. К концу 1989 года были проведены опросы населения по важнейшим проблемам, по которым велись острые дебаты, жаркие споры практически везде: в Верховном Совете, на многочисленных совещаниях и конференциях, на заседаниях Круглых столов и теледиспутах. Выборность руководителей, оплата труда, отношение к разным формам собственности, межнациональные отношения и, наконец, отношение населения к институтам власти и к различным формам собственности — вот далеко не полный перечень Всесоюзных опросов населения, проведенных ВЦИОМом в 1988–1989 годах. Создаются и другие Центры изучения общественного мнения, например, при Институте социологии АН СССР, Академии общественных наук при ЦК КПСС, при Ленинградском отделении Института социально-экономических проблем (ИСЭП) АН СССР. Результаты опросов публикуются в печати, обсуждаются населением.

В 1988 году принимается Постановление ЦК КПСС «О повы-

шении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества», в котором был подтвержден официальный статус социологии и признана ее значительная роль в «перестроечных» процессах. Видные советские социологи (Т. И. Заславская, В. А. Ядов, Ю. А. Левада) *постоянно выступают в печати по актуальным проблемам общественного развития*, создавая одновременно «имидж» социологии как науки, которая необходима для понимания и грамотного регулирования происходящих процессов. Статьи по вопросам социологии наиболее активно печатались в таких газетах всесоюзного значения, как «Известия», «Литературная газета», «Советская Россия» и др. Публикации эти имели немалый общественный резонанс. Так, квалификация Т.И. Заславской *«перестройки» как социальной революции* («Известия» 4 июня 1988 года) вызвала поток писем читающей публики: их было прислано более полутора тысяч. В этих письмах были поставлены серьезные вопросы, на которые академику Заславской пришлось отвечать особо («Известия» 24 декабря 1988 года).

Одесские социологи также постепенно приобщались к широкому кругу проблем, обсуждаемых в преддверии и в ходе перестройки. Социологическая группа кафедры философии гуманитарных факультетов Одесского государственного университета, начавшая свою работу в 70-х годах с исследований на промышленных предприятиях («Автогенмаш», судоремонтные заводы региона и страны в целом), с 1983 года по просьбе главного редактора газеты «Знамя коммунизма» Ю.М. Мазура стала проводить зондаж общественного мнения по вопросам бытового обслуживания, проведения свободного времени, организации сменного режима труда и др. С 1987 года практически все проводимые для газеты опросы были так или иначе связаны с проблемами перестройки (отношение к ней в целом, мнение о выборности руководителей, оценка перестройки народного образования: «Школа, какой вы ее видите?». Выяснялось также отношение к решениям XIX партийной конференции и Тезисам ЦК КПСС, мнение о работе съездов народных депутатов и принимаемых на них проектах законов. В течение 1988–1990 года социологическая группа кафедры философии гуманитарных факультетов ОГУ выполняла также научно-исследовательскую работу по теме «Исследование общественного мнения населения области по актуальным социально-эко-

номическим проблемам как средство привлечения различных социальных групп к управлению», финансируемое Министерством высшего образования Украины. В этот период этой группой было проведено 22 опроса, охвативших 13 559 человек. Наряду с опросами по месту жительства использовались прессовые опросы, опросы на предприятиях, почтовые опросы, опросы экспертов, а также участников митингов. *По результатам опросов составлялись справки*, которые направлялись в официальные органы и общественные организации, руководству общественных движений, а также в Институт социологии АН СССР.

В ответ на обращение к читателям с просьбой заполнить анкеты, присылались также подробные письма. Позже, уже в 1996 году, под руководством О. Р. Лычковской студенты-социологи осуществили контент-анализ (качественно-количественный анализ содержания) этих писем. Такому анализу были подвергнуты 116 писем. В информации, которая присутствовала в текстах писем, преобладал отрицательный знак (84% в сравнении с 22% положительного). Граждане, приславшие письма, в основном были *озабочены состоянием публичной сферы*: 31% информации относился к обществу, стране в целом; 18% — к предприятию, учреждению, организации; 14% — к области или городу и только 9% к конкретному официальному лицу и 7% — к своему непосредственному окружению. В письмах преобладала информация, содержащая *и факты, и оценки* (в сравнении с той, которая содержала *только* факты либо *только* оценки). В письмах в одинаковой степени присутствовали как абстрактные, *обобщающие рассуждения*, так и *конкретные сведения*. Информация, сообщаемая в письмах, относилась к реальным событиям, происходившим в прошлом либо в настоящем. И хотя окрашена она была преимущественно в пессимистический тон, *40% высказываний содержали конкретные предложения о том, как улучшить ситуацию, а 62% содержали не только стереотипные суждения, но и собственные, нестандартные размышления*.

Наиболее распространенными элементами содержания писем была деятельность советских и правоохранительных органов, организаций коммунистической партии, а также так называемая «теневая экономика» — спекуляция, мафия и взяточничество. В целом анализ данных писем, как впрочем, и многолетняя наша работа по характеристике и анализу результатов опросов населения

свидетельствовали о том, что не так уж он был прост, наш «простой советский человек»: *оценки и предложения характеризовались разумностью и проницательностью, а главное — заботой об «общественном благе», пониманием того, что значит «общественный интерес».*

Сейчас, когда наша жизнь уподобляется стилю жизни так называемого «атомизированного» общества, когда все наше внимание сосредоточивается на личных, индивидуальных интересах, экскурс в не такое уж далекое прошлое дает возможность понять не только что мы приобрели, но и то, что мы потеряли. А главное — продолжаем терять и сейчас, о чем свидетельствуют самые последние события. Что же мы теряем? Мы теряем активность и социальное творчество людей, не понимая того, что только то общество может развиваться успешно, в котором разумно используется энергии масс и направляется в нужное для развития страны русло.

2. ПРЕССОВЫЕ ОПРОСЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ*

Начну с **общей характеристики** прессовых опросов, которые проводила социологическая группа Одесского государственного университета в «доперестроечное» и в «перестроечное» время. Однако именно пафос перестройки вдохновлял и рождал желание обратиться к населению с вопросами, ответы на которые были в определенном смысле судьбоносными и позволяли сверять соответствие происходящих преобразований позициям наиболее активной, заинтересованной части населения. Лаконичные, но емкие анкеты публиковались, как правило, в газете «Знамя коммунизма», а также в «Вечерней Одессе» и заполненные читателями опускались в почтовый ящик и передавались (по согласованию с почтовым ведомством) редакции газет. Однако многие читатели в дополнение к заполненным анкетам присылали подробные письма, в которых высказывали свои соображения по многим вопро-

* Этот очерк посвящается Юлию Марковичу Мазуру, который долгое время, включая «перестроечный» период, был главным редактором газеты «Знамя коммунизма» и по инициативе которого совместно с социологами Одесского государственного университета активно проводились прессовые опросы.

сам, давали советы, рекомендации, остро критиковали различные стороны советской действительности. Порой обращались и с просьбами, просили о помощи в решении тех или иных вопросов, спрашивали совета.

Прессовые опросы — широко используемый метод изучения общественного мнения, один из каналов его выражения. В сравнении с другими способами изучения общественного мнения прессовый опрос имеет и преимущества, и недостатки. К *преимуществам* следует отнести оперативность, экономичность, отсутствие эффекта воздействия интервьюера, воздействия самой ситуации опроса. Можно назвать также и другие достоинства этого метода: возможность для респондента продумать ответы, заполнить анкету в удобное для него время, гарантия анонимности, добровольность участия и др. Привлекательным для респондента может быть также и факт обращения (хоть и анонимно) к большой аудитории, т. к. результаты опросов публиковались в газете. Поскольку участие в таких опросах абсолютно добровольно, сам факт участия можно рассматривать и как свидетельство специфики интересов разных групп, а также как показатель отношения читателей к изучаемым проблемам.

Основным *недостатком* прессовых опросов является то, что в результате мы получаем информацию лишь о некоторой части населения, по большей мере, о читающей, заинтересованной в решении тех или иных проблем публике. Однако *выявление мнений заинтересованной (и потому активной) группы читателей имеет самостоятельную ценность*. Есть основание также считать, что активные, заинтересованные члены общества являются своеобразными «лидерами общественного мнения», оказывающими, в свою очередь, влияние на окружающих.

Прессовые опросы, проведенные в перестроечное время, дали возможность убедиться в том, насколько *динамичными тогда были мнения и настроения, как менялись они в течение одного года*: до XIX партконференции и после нее, до и после I Съезда народных депутатов. Удалось также определить специфику настроений одеситов в сравнении с мнениями населения других регионов, республик, страны в целом, т. к. аналогичные прессовые опросы проводились практически повсеместно.

В прессовых опросах, проведенных в период перестройки, принимали участие *самые различные группы и слои населения*: рабочие,

колхозники, рабочие совхозов, рядовые работники сферы обслуживания, специалисты (инженеры, врачи), преподаватели, руководители первичных трудовых коллективов (бригады, звеньевые, мастера), руководители среднего звена (цеха, отдела), руководители высшего звена (предприятия, организации, учреждения), работники партийно-государственного аппарата, учащиеся, пенсионеры. Такое «социальное разнообразие» наших респондентов свидетельствовало об активизации общественного сознания в тот период, о том, что «желание высказаться» было характерно для самых различных людей. *И это желание, представляющее собой одну из форм выражения «народной воли», и было самой большой социальной ценностью, которая впоследствии, как мы убедились, была утрачена.*

Сравнение результатов наших опросов с теми, которые были проведены в других регионах страны, показало, что существуют общие тенденции в оценках населением происходящего: были выявлены *критичность и радикализм, которые возрастали с ростом образования, с переходом от сельской глубинки к райцентрам и областным городам*

Далее приведу основные результаты двух прессовых опросов, проведенных в мае 1989 года до I Съезда народных депутатов (анкеты прислали 730 человек) и в июне этого же года (после съезда, 1120 анкет). Итак, как изменилось настроение за такой сравнительно короткий период, насыщенный, однако, «съездовскими» событиями? Что оно собой представляло? Как выглядели наши земляки в сравнении со своими соотечественниками, проживающими в других регионах страны?

Происходило нарастание процесса политизации массового сознания. В относительно короткий период (в значительной степени под воздействием происходящего съезда народных депутатов) возрос интерес населения к социально-политическим проблемам. Так, число участников предсъездовского опроса в сравнении с опросом, проведенным после съезда, увеличилось более чем на 30%. При этом возросла и доля молодежи, принявшей участие в опросах (с 10% до 14%).

Политическая позиция масс становилась более определенной. В послесъездовском опросе в сравнении с предсъездовским более чем в два раза уменьшилось количество людей, мнение которых было неопределенным (доля выбравших вариант «затрудняюсь ответить» составляла соответственно 14% и 6%).

И предсездовскую избирательную кампанию, и результаты работы съезда население оценивало критично. Об этом свидетельствовали следующие данные:

— лишь четверть опрошенных сочли возможным признать выборы полностью отвечающими духу демократии и гласности;

— только 10% считали, что съезд принял важные для судеб страны решения, 6% — что он определил пути решения экономических проблем, 18% — что он стал важным шагом в создании правового, демократического государства;

— только 11% согласились с тем, что «съезд избрал компетентный и работоспособный Верховный Совет»;

— лишь 14% ответивших считало, что верховная власть принадлежит Съезду народных депутатов или Верховному Совету и его рабочим органам, а 71% ответили, что верховная власть в руках партийно-государственного аппарата (причем 48% считало, что власть принадлежит Политбюро ЦК КПСС).

Радикализация общественного мнения выражалась в популярности различных политических деятелей. В частности, выяснялось, чьи выступления на съезде понравились более всего. К таким были отнесены выступления Г. Попова (33%), Б. Ельцина (30%), А. Сахарова (28%), Н. Шмелева (25%), Е. Евтушенко (21%), Ю. Афанасьева (20%), Ю. Власова (18%), Ю. Черниченко (14%). Выступления руководителей партии и правительства (М.С. Горбачева и Н.И. Рыжкова) назвали лишь 3% читателей.

Одесситы оказались более критичными в своих оценках, чем читатели других регионов или страны в целом. Например, они ниже, чем днепропетровцы (данные опроса газеты «Днепр Вечерний»), оценивали успехи, достигнутые за последнее время в области демократизации и гласности (53% в сравнении с 68%), в области экономики (соответственно 21% и 25%) и в повышении жизненного уровня (6% и 18%). Читатели газеты «Знамя коммунизма» более критично, чем читатели газеты «Комсомольская правда», оценили результаты выборов народных депутатов. (В частности, 27% первых в сравнении с 12% вторых считали, что «выборы не принесли ничего нового».)

О нарастании критичности и неудовлетворенности происходящими процессами свидетельствовали следующие данные:

— увеличивалось количество неуверенных в завтрашнем дне (если сравнить результаты прессовых опросов, проведенных в декабре

1988 г., мае 1989 г. и июне 1989 г., то оказывалось, что процент уверенных падал, а процент неуверенных неуклонно возрастал — с 56% до 74%);

— уменьшались надежды на положительные результаты работы съезда (например, в мае 1989 года «надеявшихся» было 41%, а скептиков — 23%, а в июне 1989 года уже первых было только 23%, а вторых — 56%).

Наблюдалось значительное расхождение между официальными оценками и оценками населения. Так, высокую оценку на пленуме ЦК КПУ (16 мая 1989 года) получили действия Одесского обкома КПУ по организации выборов, тогда как около 50% читателей считали, что выборы народных депутатов не отвечали полностью духу демократии и гласности. Особенно обращали на себя внимание низкие оценки, которые дали избирательной кампании колхозники: 82% из ответивших читателей этой группы признали несоответствие выборов духу демократии и гласности.

Критичность и радикальность были характерны для всех групп населения. Мнения рабочих практически не отличались от мнений интеллигенции и руководства. Даже среди работников партийного и государственного аппарата каждый четвертый считал, что выборы народных депутатов не отвечали полностью духу демократии и гласности. Представители этой же группы наиболее скептически оценили успехи съезда по обеспечении власти Советов (таких было 81% в сравнении с 69% всех принявших участие в опросе скептиков). Обращало на себя внимание и отрицательное отношение всех групп опрошенных к совмещению должностей секретаря партийного комитета и председателя совета (81% всех опрошенных были против такого совмещения). При этом наиболее отрицательно (91%) к такому совмещению отнеслись руководители предприятий, организаций и работники партийного и государственного аппарата.

На некоторых результатах прессовых опросов следует остановиться подробнее. Начну с характеристики данных, свидетельствующих об **отношении населения к «новым» кооперативам.** Опрос на данную тему был проведен в августе 1989 года. Он не вызвал такого интереса, как предыдущие опросы: анкеты прислали всего 327 человек в сравнении с 1120 «послесъездовского» и 1355 анкетами опроса, посвященного закону о выборах. Это можно объяснить, как мне кажется, незначительной вовлеченностью на-

селения в этот процесс, не затрагивающий интересы большинства. Но опрос об отношении к кооперативам давал все же представление о том, как оцениваются населением «новые кооперативы»¹.

Напомним, что кооперативы получили распространение после принятия в 1987 году «Закона о государственном предприятии (объединении)». В настоящее время, как отмечалось ранее, обращается внимание на противоречивую роль, которую сыграли «новые» кооперативы в судьбе нашего хозяйствования. Но в «те годы» в экономической литературе на «новые» кооперативы возлагали большие надежды. Более того, организация кооперативов рассматривалась как своеобразное *общественное* движение, свидетельство желаемого продвижения общества к рынку. Соответственно, результаты опроса были для нас неожиданными: все индексы, характеризующие отношение к кооперативам, были отрицательными. (Рис. 1.1).

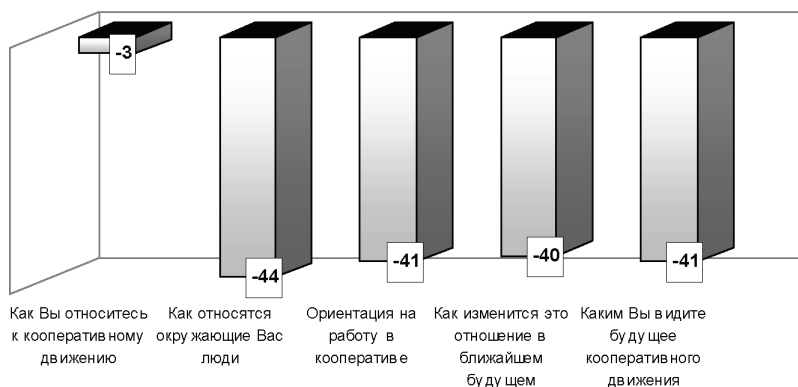

Рис. 1.1. Отношение читателей к кооперативному движению (индексы)*

Приславшие анкеты писали о том, что необходимость обращения к услугам кооперативов обусловлена отсутствием соответствующим

¹ Средний возраст опрошенных — 47 лет. Среди опрошенных 17% составляла молодежь до 17 лет.

* Здесь и далее индекс рассматривался как показатель баланса положительных и отрицательных ответов. Он рассчитывался как разница % тех и других ответов. 0 — означал их баланс, положительное значение — преобладание положительных ответов, отрицательное — преобладание отрицательных ответов.

ющих товаров и услуг в государственной сфере. При этом выражалось недовольство прежде всего высокими ценами на продукцию кооперативов, а также на низкое ее качество. Обращала на себя внимание низкая удовлетворенность трудом работников, занятых на кооперативных предприятиях, а также то, что всего пятая часть приславших анкеты выразила желание работать на кооперативных предприятиях. И все это при том, что допускалась правомерность существования новых форм собственности. Однако *практика реализации данных прав, функционирование новых форм в конкретных условиях население не устраивала.*

Замечу, что тогда такая оценка кооперативов нас удивила. Сейчас ясно, что здравый смысл обусловил оценку кооперативов не как общественно-политического движения, а как важный экономический ресурс, который был бы значим не только как средство совершенствования трудовых отношений (повышения заинтересованности работника в труде), но и как фактор повышения уровня благосостояния (преодоление дефицита и насыщение рынка доступными товарами и услугами). Но именно с этими функциями «новые» кооперативы не справлялись, став преимущественно средством обогащения «верхов».

Далее остановлюсь подробнее **на различных аспектах политической ситуации**, которые были представлены в прессовых опросах*. Начну с характеристики таких аспектов политической жизни, как **мнение населения о совмещении партийных и государственных должностей.**

Начиная с XIX партконференции вопрос о совмещении партийных и государственных должностей (секретаря партийного комитета и председателя Совета) привлекал к себе самое пристальное внимание общественности. С самого начала в общественном мнении сложилось резко отрицательное отношение к такого рода совместительству, о чем свидетельствуют результаты телефонного опроса, проведенного Институтом социологии АН СССР в различных городах Советского Союза в мае 1989 года, а также прессового опроса газеты «Знамя коммунизма» — июнь 1989 года. (Рис. 1.2)

Характерно, что у населения Одесской области существовало редкое единодушие по этому вопросу (коэффициент качествен-

* Используются результаты анализа, осуществленного в 1990 году В. Б. Моиным.

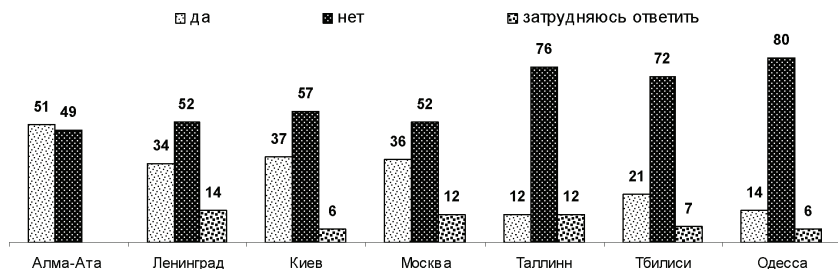

Рис. 1.2. Мнение читателей о совмещении партийных и государственных должностей (в %)

ной вариации относительно невелик). Вместе с тем информация ИС АН СССР свидетельствовала о заметной дифференциации позиций населения в разных городах. Если в качестве одного из показателей «радикализма» позиций населения взять мнения по вопросу о совмещении партийных и советских должностей (и отрицательное мнение считать признаком радикализма), то исследуемые регионы следующим образом расположатся на шкале «радикализма» (рис 1.3):

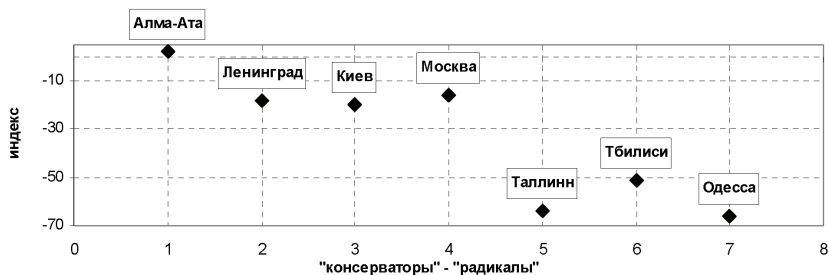

Рис. 1.3. Отношение к совмещению партийных и государственных должностей (индексы)

Как видим, население г. Одессы (и даже сельское население области) занимало в сравнении с другими городами наиболее радикальную позицию. Конечно, в данном случае могло в принципе сказаться влияние различий во времени опроса (до съезда и после), а также метода сбора информации (телефонный опрос проведен ИС АН СССР, а в Одессе использовался пресловутый опрос). Сама по себе имеющаяся информация по этому вопросу позво-

ляла сформулировать лишь предположения, нуждающиеся в проверке. Это предположение, однако, впоследствии подтвердилось. Важно заметить также, что против совмещения партийных и государственных должностей высказалось большинство опрошенных абсолютно во всех социальных группах. Причем наиболее резкую позицию в этом вопросе занимали руководители предприятий, организаций и работники партийного и государственного аппарата — 91%. Даже среди членов партии подавляющее большинство (79%) — было против совмещения.

Об отрицательном отношении населения к совмещению должностей говорил и огромный поток писем в редакцию газеты, направляемых респондентами вместе с анкетой. Суть аргументов населения сводилась к следующему. Во-первых, «Нельзя давать власть в одни руки», «Сосредоточение власти в одних руках всегда порождает культ личности...», «Возникает монополия власти, к чему это приводит — хорошо известно», «Это не разделение власти, а сосредоточение ее в одних руках. Как хочу, так и верчу». Во-вторых, это «приведет к диктату партийных органов». «Это резко ограничивает возможности для талантливых беспартийных руководителей». В-третьих, некоторые читатели полагали, что такое совмещение не будет способствовать росту авторитета Советов, так как сама партия, по их мнению, в настоящее время утратила свой былой авторитет. «Сейчас должна идти речь о восстановлении, обновлении авторитета партии», — пишет один из читателей. В-четвертых, такое совмещение «не позволит руководителю успешно справляться со своими обязанностями».

Заслуживают особого внимания результаты опроса (август 1989 года), посвященного **обсуждению проекта законов о выборах**. В газету было прислано 1355 анкет! Участие в этом опросе представляло собой открытое проявление гражданской позиции читателей. Некоторые коллективы (Белгород-Днестровский завод «Тира», Одесский политехнический институт и др.) по собственной инициативе провели аналогичные опросы. В целом большинство участников опроса придерживались демократических позиций по наиболее острым, спорным вопросам проекта законов о выборах. (Таблица 1.1.)

Большинство приславших анкеты выступило против прямого представительства общественных организаций. Однако в этом опросе часть опрошенных придерживалась прямо противополож-

Таблица 1.1

**Мнения читателей об основных положениях
проектов законов о выборах**

Предложения к проекту законов	Да (%)	Нет (%)	Индекс
1. Необходимо сохранить прямое представительство общественных организаций	13	85	- 72
2. Общественные организации могут выдвигать своих кандидатов, но избираться они должны на общих основаниях по избирательным округам	89	9	80
3. Все коллективы, независимо от их численности, должны иметь право выдвижения кандидатов	79	17	62
4. Выдвижение кандидатов в депутаты должно зависеть от их места жительства и работы	62	35	27
5. Необходимы прямые выборы председателей Советов	89	9	80
6. Недопустимо проведение безальтернативных выборов	91	8	83
7. Содержание законопроектов требует доработки	86	6	80

ных точек зрения: они были и за то, чтобы сохранилось прямое представительство общественных организаций, и вместе с тем считали, что общественные организации «могут только выдвигать своих кандидатов, но избираться они должны на общих основаниях по избирательным округам». Зафиксированная в тот период времени позиция избирателей в отношении к различным системам выборов характеризует противоречие, с которым сталкиваются и в настоящее время при определении отношения к мажоритарной или пропорциональной системе выборов. Действительно, кандидат сделает больше, если опирается на силу организации, но с другой стороны, люди хотят знать, кого именно (какую личность) они избирают. В тот период времени многие уяснили, что в случае прямых выборов от общественных организаций выборы будут неравными и «непрозрачными». Подавляющее большинство опрошенных высказалось за прямые выборы председателей Советов.

Единодушие по поводу прямых выборов было выявлено тогда и в прессовых опросах, проведенных в других регионах страны. Так, 17 мая 1989 года «Литературная газета» и Ленинградский центр изучения общественного мнения опубликовали анкету, вопросы которой были связаны с действующей в тот период

избирательной системой. Из 20 тыс. человек, заполнивших анкету, 94% считало, что «необходимы прямые выборы председателей Верховного Совета СССР, республиканских, краевых, областных, городских и районных Советов». В целом, почти все участники «одесского» прессового опроса, посвященного законам о выборах, выразили неудовлетворенность проектами республиканских законов.

Обратим внимание на такую характеристику общественного мнения, выраженную в прессовых опросах, как **дефицит социального оптимизма**. Об этом дефиците свидетельствовали оценки существующего положения, а также такие показатели социального настроения, как удовлетворенность жизнью и уверенность в завтрашнем дне. Эта тенденция прослеживалась в различных населенных пунктах, но особенно резко она была выражена в Одессе. (Рисунки 1.4 и 1.5.)

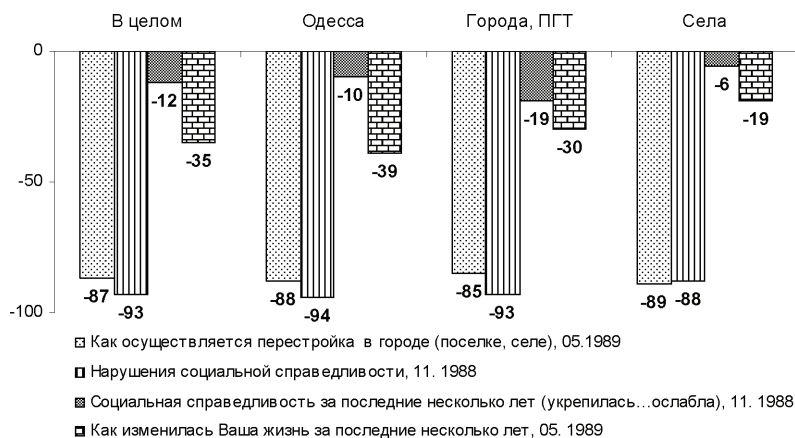

Рис. 1.4. Оценка читателями существующего положения (индексы)

Как показал анализ, проведенный О.Р. Лычковской, уверенность в завтрашнем дне занимала центральное место в совокупности всех других представлений, являлась наиболее информативной в сравнении с другими рассмотренными переменными. Большинство других признаков были связаны с этой переменной более тесно, чем с другими признаками, о чем свидетельствовал ориентированный граф связи. «Уверенность в завтрашнем дне», согласно не-

симметричным показателям связи, в большей степени влияла на другие признаки, чем зависела от них. (См. рис. 1.6.)

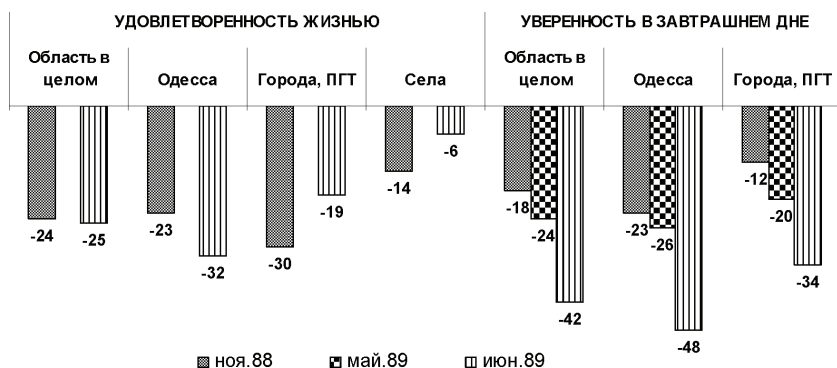

Рис. 1.5. Удовлетворенность жизнью и уверенность в завтрашнем дне в поселениях различного типа (индексы)

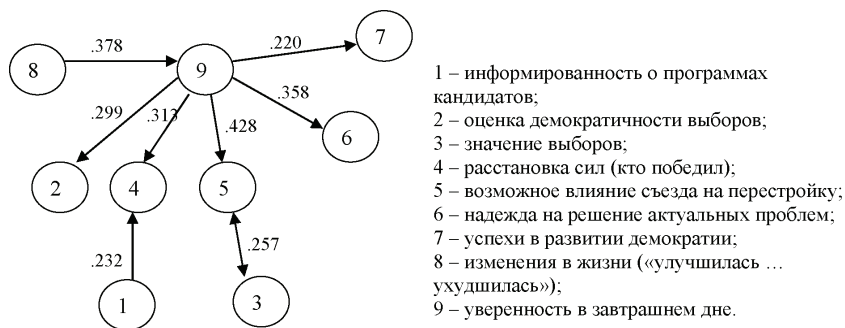

Рис. 1.6. Ориентированный граф связи социальных представлений

Как видим, уверенность в завтрашнем дне оказывала наиболее сильное влияние на 5 из 9 исследуемых переменных, и вместе с тем сама уверенность в завтрашнем дне зависела, прежде всего, от представлений респондентов об изменении их жизненного уровня. Об остром дефиците социального оптимизма свидетельствовали тогда и многочисленные письма читателей, направленные в редакцию вместе с заполненными анкетами. «Я в перестройку мышления власть имущих не верю. Социальная справедли-

вость — это мечта», «Никогда у нас при рабской психологии ничего не изменится». «Я не борец, знаю, чем все это кончится», «... честный труд у нас нынче не в моде и потому и в перестройку не верю».

«Если сохранить существующие безобразия, социальной справедливости нам не видать, а страна будет превращена в пустыню, она погибает от бесхозяйственности, казнокрадства и т. п.» ...Список высказываний подобного рода можно было бы продолжить.

Существенное значение для понимания происходящего имела характеристика **популярности различных политических деятелей и приписывания ответственности**¹. Как выяснилось, оценка популярности политических деятелей, а также мнение о том, *кто несет основную ответственность за происходящее*, занимали важное место в системе социальных представлений массового сознания. Это — своего рода персонификация представлений о «добре — зле», «хорошем — плохом» в политической жизни. И популярность, и приписывание ответственности определяются далеко не всегда рациональным образом на основе осознаваемых критериев. Во многом они обусловлены степенью совпадения взглядов, общего мировосприятия, приписываемого себе и другим.

Опрашиваемые, как оказалось, весьма слабо были информированы (по самооценкам) о платформах и личных качествах народных депутатов от Одесской области. И, тем не менее, они давали им вполне дифференцированную оценку. Согласно ответам читателей на вопрос о том, кого из депутатов от Одесской области они хотели бы видеть в составе Верховного Совета страны, была построена «шкала популярности». Эта шкала затем была сопоставлена с результатами выборов: по данным окружной избирательной комиссии рассчитывался удельный вес избирателей, отдавших голоса за того или иного кандидата. (Таблица 1.2.)

Как можно предположить, различия популярности и результатов выборов обусловлены прежде всего характером участников прессовых опросов, о чем писалось ранее: это, как мы считали тогда, наиболее активная, заинтересованная часть населения. Возможно, существовали и другие факторы, которые не были нам

¹ Идея исследования «приписывания ответственности» и ее реализация принадлежат В. Б. Моину.

Таблица 1.2

**Мнения читателей о популярности депутатов
от Одесской области (в %)**

Народные депутаты СССР	Данные опроса	Результаты выборов*
Деревянко Б.Ф., редактор газеты «Вечерняя Одесса»	48	76,3
Зелинский И.П., ректор Одесского госуниверситета	19	65,5
Андронати С.А., директор физико-химического института	14	50,3
Крючков Г.К., первый секретарь обкома	13	56,3
Ястребцов С.В., капитан, командир роты	7	70,5
Решетников А.С., гл. агроном колхоза «Дружба»	6	51,2
Герман Н.Ф., бригадир совхоза-завода «Шабо»	2	55,4
Коломиец Ю.А., председатель Госагропрома УССР	2	65,6

* В % к числу избирателей, принявших участие в голосовании.

доступны (например, так называемый «административный ресурс»). Для того чтобы выявить доступными исследователям способами, чем руководствовались респонденты, отдавая предпочтение тому или иному депутату, сравнивались мнения о выборах (прессовый опрос в мае 1989 года) трех групп опрошенных: I — отдали предпочтение первому секретарю обкома Г. К. Крючкову; II — редактору газеты «Вечерняя Одесса» Б. Ф. Деревянко, он символизировал некую «оппозицию» по отношению к официальным властям, его кандидатура активно поддерживалась неформальными организациями; III — никому из кандидатов не отдали предпочтения. (Таблица 1.3.)

Таблица 1.3

Мнения разных групп респондентов о выборах (индексы)

	Кто наиболее популярен	Демо- крати- чность выборов	Резуль- таты выборов (кто победил)	Возможность решения актуальных проблем	Уверен- ность в завтраш- нем дне
I	Партийные работники	16	39	5	5
II	«Оппозиционер»	-25	18	-32	-23
III	Никто	-69	-21	-42	-47
	Дельта	80	60	47	52

Из таблицы видно, что прослеживалась вполне определенная тенденция: чем более критично воспринимали респонденты социальную действительность, тем больше вероятность их негативного отношения не только к депутатам, представляющим официальные органы власти, но и, что интересно, к так называемой «опозиции». *Возможно, в данном случае сказывался и «дефицит социального оптимизма», который предполагал также и общее недоверие к любой власти и «руководителям», к любым людям, претендующим на лидерство. Этот общий скептицизм обуславливал и критическое отношение к самой действительности и определял отношение к депутату любой ориентации.*

Использовался также и другой способ установления природы популярности: с учетом того, какие выступления на съезде понравились более всего (послесъездовский прессовый опрос в июне 1989 года). При помощи экспертных оценок все упоминавшиеся депутаты по своим политическим взглядам были разделены на 3 группы: «левые» (их назвало 87% опрошенных), «центр» (7%), «правые» (6%). Оказалось, что привлекательность той или иной группы депутатов существенным образом дифференцировало население по широкому кругу мнений и оценок и могло служить в качестве одного из критериев эмпирической типологизации. (Таблица 1.4.)

Таблица 1.4

Зависимость мнений читателей
о I Съезде народных депутатов от оценок

Мнения о съезде	«левые»	«центр»	«правые»
Сумел взять власть в свои руки	-74	17	-07
Избрал компетентный Верховный Совет	-50	45	06
Укрепил авторитет М. Горбачева	-16	78	39
Носил демократичный характер	-13	63	40
Общая оценка результатов работы	-24	25	04
Носил конструктивный характер	-35	37	-08
Принял важные решения	-34	60	18
Окажет влияние на ускорение перестройки	-51	26	0
Удовлетворены работой съезда	-45	45	8
Уверены в завтрашнем дне	-58	31	-21

Как видим, наиболее критичные (низкие) оценки съезду дали те, кого привлекают «левые» депутаты, а самые высокие — сторонники центристов. «Правых» съезд тоже не удовлетворял. По данным прессового опроса июня 1989 года (N = 1120), популяр-

ность различных групп депутатов составляла: «левые» — 88%, «центр» — 7%, правые — 55% (не ответило — 12%).

Эти данные весьма интересны: они могут свидетельствовать о том, как воспринималось происходящее на съезде, как квалифицировалась его деятельность.

Судя по всему, съезду приписывалась некоторая степень умеренности, которая устраивала «центристов», но отрицательно воспринималась теми, кто придерживался «полярных», а особенно «левых» взглядов.

Представляет интерес анализ такого явления, как **приписывание (атрибуция) ответственности**, осуществленный В. Б. Моиным в основном по результатам прессовых опросов, а также при исследовании социальной справедливости (о чем речь будет идти в одном из следующих очерков).

Неудовлетворенность людей существующим положением дел, растущая социальная напряженность побуждали их к поиску причин такого положения, определению ответственных, виновных за происходящее. В общественном сознании того периода можно было выделить: *фокусированную* атрибуцию, когда вина возлагалась на те или иные социальные силы, группы; *безличностную* — ответственность приписывалась среде, обстоятельствам, природе человека; *персонифицированную* — ответственность возлагалась на конкретных лиц; и *диффузную* — ответственность в той или иной степени приписывалась всем.

В каждом конкретном случае особенности приписывания ответственности, соотношение различных её видов существенным образом зависели от (1) позиции респондентов, степени актуальных для них защитных механизмов; (2) объекта приписывания (за что ответственны: судьбу перестройки, социальную справедливость и т. д.); (3) а также уровня общности рассмотрения проблемы (общество, коллектив, личность).

Характерно в этой связи приписывание ответственности за судьбу перестройки (по результатам прессового опроса, проведенного в августе 1988 года, накануне XIX партконференции, N = 700 — Таблица 1.5).

Существенное влияние на ответы на этот вопрос оказал личный статус опрашиваемых, тенденция некоторой части как бы делегировать, перенести свою ответственность на других. Например, среди партийных и советских работников наиболее распространенный ответ — «успехи перестройки в равной степени зависят от всех». Так

Таблица 1.5

Приписывание ответственности за судьбу перестройки

Ответственность за судьбу перестройки	%
<i>Фокусированная</i>	72
Партийные органы	54
Министерство, ведомство	9
Советы	5
Руководство организаций, предприятий	4
<i>Диффузная (сами коллективы)</i>	12
Затрудняюсь ответить	16

ответило 37% представителей этой группы, далее, по их мнению, перестройка в наибольшей степени зависит от самих трудовых коллективов (22%) и в значительно меньшей степени, от местных (14%) и центральных (14%) партийных органов. Для сравнения: с тем, что успехи перестройки в первую очередь зависят от позиции центральных и местных партийных органов, согласились 76% руководителей предприятий и организаций; 57% работников образования, культуры, науки; 53% — ИТР, промышленности и специалистов сельского хозяйства; 46% — рабочих.

Тот факт, что в общественном сознании трудности перестройки связывались прежде всего с позицией руководства, бюрократизмом, коррупцией, проникшими в партийные ряды, подтверждался и другими данными. Большая часть опрошенных (80%) считали основным препятствием в реализации программы перестройки те или иные пороки в системе руководства: бюрократизм, коррупцию и администрирование, скрытое сопротивление перестройке. Этот печальный факт частью респондентов (относящихся, как правило, к «руководящему составу») нередко принимался в штыки, расценивался как клевета и очернительство.

И все же: как бы ни отличались мнения опрошенных об ответственности и вине, в оценках просматривалась определенная тенденция — основная вина возлагалась на руководство. Поляризация представлений о вине и ответственности происходила, в основном, в контексте оппозиции «руководитель — подчиненный». Рядовые работники вину приписывали, в основном, руководителям; руководители, в свою очередь, — своим руководителям и подчиненным. Многие руководители сетовали на инертность, пассивность, безразличие рядовых работников, их недобросовестное отношение к труду.

Позицию тех и других можно проиллюстрировать наиболее характерными выдержками из присланных в то время писем. «Много сейчас говорят и пишут о том, что у перестройки есть тормоз. Сначала партия должна доверие к себе вернуть, очиститься от балласта, а пока она и есть тормоз...» «Перестройка пока не коснулась партийных и советских органов, а начинать надо с них». «Не верю в перестройку. Подумать только, на смену старой партийной бюрократии приходят новые партийные кадры, но действуют так же само». «Крайне негативно оцениваю деятельность местных партийных и советских органов...» «Местное руководство занимает активные антиперестроечные позиции, опасаясь за свои привилегии». «Видим, что перестройка идет не так, как хотелось бы, еще много на ее пути помех от средних и верхних эшелонов власти».

Другую точку зрения выразил один из работников партийного аппарата, принявший участие в опросе: основным препятствием в реализации перестройки он считал «митинговый демократизм, искаженное понимание основной массой населения демократии, разгильдяйство и разболтанность, говорильню, разрыв между словом и делом». Претензии, как видим, обоюдны: «массы» критикуют «руководителей», «руководители» критикуют «массы». Качественного различия в адресате критики и приписывания ответственности за происходящее фактически не было. Да и мы тогда склонны были возлагать ответственность в одинаковой степени на тех и других.

Думаю, что при таком подходе игнорировалось то, что мера ответственности находится в прямой зависимости от возможностей разных групп воздействовать на ход событий. Без сомнения, у руководителя и рядового исполнителя были разные возможности — чем выше должность, тем шире возможности, соответственно, тем больше ответственность. Сейчас, когда подводятся более чем десятилетние итоги постсоветского реформирования, ясно, как никогда, что ответственность за происходящее в стране не только качественная, как писали мы об этом в 1990 году, но и количественная характеристика. Соответственно мера ответственности за удачи и неудачи реформирования, определяемая диапазоном имеющихся возможностей, различна у разных социальных групп и личностей. Каждый человек ответственен за то, в какой степени он использовал имеющиеся возможности для совершения того или иного поступка. Эти возможности обуславливаются временем, условиями жизнеде-

тельности группы, к которой личность принадлежит, и множеством других факторов, определение которых входит в задачу социологов.

Следует охарактеризовать также отношение населения к участию в прессовых опросах, которое рассматривалось нами как показатель активности населения. Тогда мы считали, что в целом активность все же не является высокой. Действительно, среднее число участников прессовых опросов, проведенных социологами госуниверситета совместно с газетой «Знамя коммунизма» в течение 1988–1989 годов, составляло 800 человек. Но только подписчиков газеты и, соответственно, потенциальных респондентов было 200 тыс. Даже при обсуждении наиболее злободневных и острых вопросов откликалась на анкеты сравнительно незначительная часть читателей. *Вопрос, однако, состоял в том, следует ли рассматривать читателей, заполнявших анкеты, как наиболее активную часть населения, заинтересованную в судьбе перестройки.*

Тогда мы положительно отвечали на этот вопрос, и некоторые основания для этого у нас имелись. Действительно, в прессовых опросах довольно определенно выражалась степень заинтересованности в решении конкретных проблем, именно эта заинтересованность определяла участие в опросе тех или иных групп. Так, в опросах по проблемам свободного времени более половины опрошенных составляла молодежь, каждый третий участник опроса — житель села. Доля молодежи была наиболее высокой также среди участников опроса по проблемам кооперативного движения; самой низкой — в опросе по оценкам результатов XIX партконференции. В обследовании по проблемам образования, свободного времени школьников преобладали женщины. Участие в опросе, таким образом, **было проявлением заинтересованности и, соответственно, свидетельством активности.** Однако было еще одно обстоятельство, которое мы недостаточно учитывали в тот период времени: писали главным образом те, кто считал это целесообразным, кто сохранил хоть какую-то долю наивной веры в то, что его услышат и его голос будет иметь хоть какое-то значение. Свидетельства на этот счет, кстати, у нас тоже имелись.

В ноябре 1989 года посредством почтового опроса была сделана попытка выяснить, как сами читатели объясняют свое неучастие в опросах¹. (Результаты отражены на рис. 1.7.)

¹ Письма с анкетами были посланы по 270 адресам читателей, проживающих в поселениях различного типа.

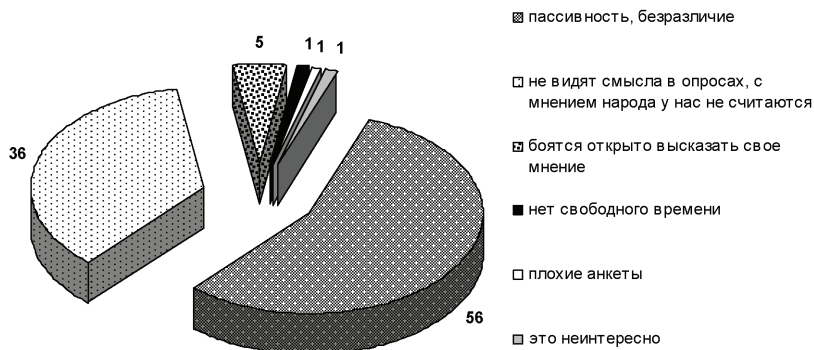

Рис. 1.7. Мнение населения о причинах неучастия в опросах (в %)

Как видим, значительная часть наших респондентов необращение в газету связывала с *неверием в практическую эффективность данной акции. Но немало неверующих было и среди тех, кто присылал нам письма.* Приведу типичное высказывание из письма одного из читателей: «Товарищи социологи! Ваша работа должна служить делу, а не словам. От ваших исследований легче русскому мужику не будет».

В целом, ответ на вопрос, можно ли участие в прессовых опросах рассматривать как свидетельство активности, заинтересованности населения в происходящем, должен быть положительным. Важно также иметь в виду, что активность эта существенно колебалась в зависимости от тематики и времени проведения опросов. Изменение в составе участников опроса (по полу, возрасту, роду занятости) говорило о различном отношении к затронутым проблемам. Люди откликались, таким образом, на ту информацию, которая затрагивала их интересы, и с той степенью активности, которая соответствовала их вере в то, что их голос будет услышан.

3. ПЕРЕСТРОЙКА: ОЖИДАНИЯ ПЕРЕМЕН И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ*

«Перестройка». Это слово было своеобразным символом тех преобразований, необходимость которых была заявлена в 1985 году. Отношение к перестройке стало одним из основных критериев, определяющих позицию различных групп и слоев общества в течение 1985–1989 годов. А оценки ее хода, мнение об успехах и неудачах — важным показателем общественных настроений того периода.

Какой смысл в понятие «перестройка» вкладывали обыкновенные люди? Что под ним понимали? Как показали прессовые опросы, проведенные в Одессе в июле 1987 г., для большинства читателей (72%) перестройка означала, в первую очередь, *изменения в сфере социально-политических отношений: гласность, демократия, развитие самоуправления, соблюдение социалистической законности и справедливости.*

Читатели ратовали за «гласность беспощадную, невзирая на лица и положение», требовали «поднять правду на такой уровень, когда все можно сказать и ничего не страшно», предать «гласности статистику как негативных, так и позитивных явлений», добиться выборности руководителей и т. п.

Гораздо в меньшей степени перестройка связывалась в сознании читателей с изменениями в сфере производства, его техническим перевооружением, совершенствованием механизмов хозяйствования. Такая трактовка перестройки характерна была лишь для 12% опрошенных. Столько же читателей считали, что перестройка — это прежде всего изменения в сфере потребления, развитие социальной инфраструктуры (рост заработка, обеспечение жильем, товарами широкого потребления, развитие системы здравоохранения и т. д.) Связывая перестройку прежде всего с социально-политическими изменениями, *наиболее актуальной проблемой, которая должна решаться в процессе перестройки, большинство населения, тем не менее, считало повышение уровня жизни, благосостояния людей.*

Сторонники и противники перестройки. В прессовом опросе 1987 г. об отношении к перестройке мы судили косвенным образом. В анкете не было прямого вопроса о том, поддерживают ли читатели перестройку или нет. Мы исходили из частоты чтения пуб-

* По материалам, подготовленным в 1991 году В. Б. Моиным.

ликаций о перестройке и из количества присланных анкет. Но таким образом мы могли выяснить лишь *наличие либо отсутствие интереса к перестройке*. Эти публикации читали все принявшие участие в опросе. Более того, около трети указывали, что в газете уделяется слишком мало внимания волнующей всех теме. По тому, кто прислал анкеты, можно было судить и о том, интересы каких групп перестройка затрагивала более всего.

Обобщенный портрет читателей, наиболее заинтересованных в судьбе перестройки, выглядел таким образом: в основном — это были мужчины, жители городов, большинство имело специальное или высшее образование. Как правило, им было за 30 лет, примерно *каждый второй — член КПСС*. Наиболее полно среди них были представлены следующие социально-профессиональные группы: служащие, ИТР промышленности, специалисты, рабочие, работники образования, культуры, науки. Однако за общим интересом к перестройке скрывались, порой, *полярные позиции*, о чем можно было судить по письмам, присланным вместе с анкетами.

Во многих письмах часто повторялась одна и та же фраза: «Мы все за перестройку». Но встречались, правда, редко, и высказывания другого рода: «Категорическое неприятие в народе встретило само слово «перестройка»... рождено оно, это слово, не в народе и даже не в научной лаборатории, а в воспаленном мозгу душевно больного человека...». И далее: «Следует открыто признать, что выход из тупика один — назад... А то ведь дошли, в угоду заокеанским «борцам» за права человека, до того, что чуть не проповедуем религию». Другой читатель писал: «Обливание грязью тов. Сталина считаю предательством, потому что это есть и одновременное обливание грязью всей партии, социализма и коммунистических идей. Это разъединяет народ и коммунистов».

В прессовых опросах 1988 г. был задан уже прямой вопрос об отношении к перестройке. Оказалось, что 52% приславших анкеты «разделяют идеи перестройки и активно участвуют в их реализации», 39% «перестройку поддерживают, но участия в ней не принимают», 4% «занимают нейтральную позицию», 2% «конкретные цели и пути перестройки не разделяют», 1% «не приемлет перестройку и по возможности препятствует ее осуществлению» и 2% затруднились ответить на поставленный вопрос¹.

¹ Опрос проводился в июне 1988 года. Анкеты прислали 700 человек.

Отношение к перестройке определялось тем, в какой степени ее задачи связывались с личными интересами читателей. Как известно, согласование личных и общественных интересов — одно из важных условий развития общества, успешности проведения тех или иных реформ. Об этом свидетельствуют и прессовые опросы, проводимые в «перестроечный» период. По мере того как люди теряли веру в возможность улучшения своей жизни благодаря перестройке, наступало и разочарование в ней, терялось желание активно в ней участвовать.

О том, что существовала прямая связь между личной заинтересованностью, определяемой посредством самооценки, и активной позицией населения, свидетельствовали следующие данные: среди тех, кто связывал перестройку с личными интересами и верил, что она приведет к улучшению их жизни, 63% участвовали в ней, по их словам, активно; а среди тех, кто личного интереса в ней не видел, активного участия в перестройке принимало вдвое меньше. Характерно, что признание «личной» заинтересованности в перестройке практически не зависело от пола, места жительства, партийности, рода занятий.

Дело, однако, в том, что, по мнению населения, предполагаемые выгоды не подтверждались пусть малыми, но реальными успехами, о чем свидетельствовало, в частности, сравнение данных двух прессовых опросов, проведенных в июне 1988 года и в мае 1989 года:

Сравнение данных опросов 1988 и 1989 годов:			
Как вы полагаете, приведет ли перестройка к улучшению вашей жизни (1988)		Как в целом изменилась ваша жизнь за прошедший год (1989)	
Да	40%	улучшилась	5%
Нет	33%	не изменилась	54%
Затрудняюсь ответить	27%	ухудшилась	39%
		затрудняюсь ответить	2%

Как видим, через год не только стало значительно меньше оптимистических ответов, но и заметно сократилось число колеблющихся (от 27% до 2%). Неоправдывающиеся надежды, бесспорно, сказывались на оценке перестройки. «О перестройке судят по формуле: так было — так стало. Если между ними знак равенства, то это минус перестройки», — написал один из участников опроса. Эти настроения, в конечном счете, и были одним из важных факторов, обуславливающих общественную пассивность большинства населения и определивших общую оценку ее хода.

Оценки хода перестройки. В целом ответы читателей свидетельствовали об общей неудовлетворенности ходом перестройки. «Судя по нашей печати, перестройка в нашем городе и стране началась, но сдвигов в лучшую сторону нет. Поэтому я в перестройку не верю», — пишет один из читателей. Приведем еще несколько более категоричных высказываний из других писем. «Вообще никакой перестройки нет и не будет. Одна пустая говорильня. Нужны конкретные меры», «К сожалению, перестройку я вижу по телевидению, радио, прессе и только...»

Оценки приславших ответы были весьма строгими: в мае 1989 года лишь 0,3% считало, что перестройка осуществляется успешно; большинство же (87%) отметило, что либо вообще никаких изменений нет, либо они происходят крайне медленно, с большими трудностями. Успехи перестройки в отдельных сферах жизни оценивались следующим образом (рис.1.8).

Характерно, что эти оценки оказались довольно устойчивыми. Признавая положительные сдвиги в области развития демократии, в общей моральной атмосфере в обществе, *люди, как правило, отрицали наличие сколько-нибудь заметных положительных результатов в развитии экономики, в положении дел в трудовых коллективах, повышении жизненного уровня.*

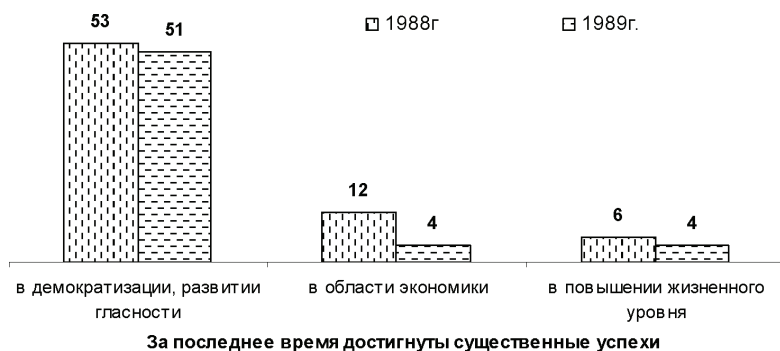

Рис. 1.8. Мнение населения о ходе перестройки (в %)

Относительно хода перестройки в Одессе и Одесской области было высказано много резких критических замечаний в письмах. Вот несколько характерных выдержек: «Спрашиваете, как идет перестройка в нашей области? — из рук вон плохо», «Считаю, пе-

рестройка в Одесской области еще не началась. Есть элементы подстройки под перестройку, в большей степени организовано ей сопротивление», «Что касается Одессы, перестройка у нас еще не началась, за последние три года в городе во всех отношениях положение ухудшилось».

Отрицательное отношение к перестройке становилось все более определенным по мере того, как происходили события, которые были для того периода, как принято говорить, «знаковыми». Сравнив настроения «до» и «после», можно было судить о той степени разочарования, которое охватывало население каждый раз, когда оно убеждалось в том, что власть неспособна предпринять эффективные и необходимые шаги *для решения проблем, волнующих население.*

Из общего потока событий, которыми была насыщены жизнь в те тяжелые годы, были выбраны два знаменательных события: XIX Всесоюзная партконференция и I Съезд депутатов СССР. Во-первых, и на партконференции, и на съезде обсуждался, по сути, весь круг наиболее острых, актуальных проблем социально-экономического развития общества. И социальные ожидания, надежды населения, связанные с партконференцией и съездом, а также оценка их результатов, в значительной степени выражали отношение населения к различным проблемам, представление о необходимости преобразования тех или иных сторон жизни. Во-вторых, восприятие и оценка этих событий населением определялись не только их реальной значимостью, а отражали общую социально-психологическую атмосферу, характерную для того периода. Прессовые опросы, на которых базировались последующие рассуждения, проводились «до» и «после» конференции и съезда и охватили 2170 человек.

XIX партконференция: «до» и «после». Как показали данные опроса, перед конференцией наблюдалась значительная активизация общественного сознания, повышение интереса к общегосударственным проблемам. Надежды и тревоги читателей по поводу судьбы перестройки были самым тесным образом связаны с их оценками предстоящей партконференции. Те, кто высказывал сомнения в радикальности, бескомпромиссности, изложенной в Тезисах программы, возможности ее полной реализации, были, как правило, не уверены и в победе перестройки. Напротив, те, кто возлагал большие надежды на партконференцию, оказывались

оптимистами и верили в победу перестройки. Это свидетельствовало о том большом значении, которое общественное сознание придавало партконференции в решении проблем углубления и ускорения перестройки, как много надежд было связано с ее работой.

Пристальное внимание населения к партконференции проявилось, в частности, и в том, что практически все участники пресового опроса, проведенного накануне этого события, были в той или иной степени знакомы с Тезисами ЦК КПСС к XIX партконференции. Вместе с тем *в оценке, изложенной в Тезисах программы ускорения и углубления перестройки, их мнения существенным образом различались*. Позиция многих была скорее сдержанной, нежели оптимистической. И эта позиция была характерна для всех групп опрошенных.

И еще одна важная деталь. Ответы на разные вопросы, касающиеся оценки Тезисов, оказались теснейшим образом связанными между собой. При этом нельзя было выделить главные вопросы, ответы на которые предопределяли бы ответы на другие вопросы. Тогда мы предположили, что существует внешний фактор, неучтенный в ходе опроса и обусловивший некоторое пессимистическое «единообразие». Анализ писем читателей подтвердил это предположение. Таким фактором, определявшим в значительной степени отношение и к Тезисам, и к самой партконференции, явились *выборы делегатов на XIX партконференцию*. Негативная оценка выбора делегатов содержалась в каждом четвертом письме, полученном вместе с анкетами, не говоря уже о той многочисленной почте, которую получала редакция.

В доказательство этого приведу некоторые выдержки из писем. «Первым поражением перестройки является проведенный выбор делегатов», «Возлагать надежды на успех XIX партконференции безнадежно, поскольку делегаты не избраны народом», «Анализируя по материалам печати и собственным наблюдениям ход подготовки к XIX партконференции, «выборы» (не зря беру это слово в кавычки) делегатов, к сожалению, пришел к выводу, что конференция существенного влияния на ускорение развития и углубление перестройки не окажет». «Выборы делегатов прошли поспешно, не демократично». «Это была инсценировка выборов», «нет никакого смысла писать, т. к. толку от наших избранных на конференцию не будет никакого», «бюрократ и здесь взял верх», «если

судить по делам области, города, то ни секретари обкомов, ни председатель облисполкома не должны быть делегатами». Что же, надо признать, что высказывания крайне резкие, жесткие, но продиктованы они были искренним беспокойством за судьбу необходимых стране преобразований.

Итак, социальные ожидания населения накануне XIX Всесоюзной конференции были весьма сдержанными, настороженными, не отличались особым оптимизмом. И связано это было не столько с недостатками программы, изложенной в Тезисах, сколько с мнением о том, что выборы делегатов на конференцию не были демократичными.

Сама конференция привлекла к себе пристальное внимание. Подавляющее большинство опрошенных хорошо были знакомы с ее материалами. После конференции наблюдался некоторый спад общественной активности. Это выразилось, в частности, в отношении к опросу, который был проведен после конференции: более чем в три раза уменьшилось число участников (в сравнении с тем, который проводился «до»). Особенно заметен спад интереса среди молодежи и читателей в возрасте до 40 лет.

Сопоставление данных опросов общественного мнения, проведенных до и после конференции, свидетельствует, что *в основном она не оправдала ожидания населения.* Так, до конференции 93 процента опрошенных высказались за возвращение всей полноты власти Советам. Однако лишь 30 процентов считали, что конференция наметила меры для обеспечения полновластия Советов. 78 процентов полагали, что конференция должна ограничить функции, полномочия партии в обществе. Но после конференции 57 процентов отметили, что ее решения будут способствовать повышению руководящей роли партии в обществе. До начала конференции 29 процентов опрошенных считали, что программа, изложенная в Тезисах, может быть полностью реализована. Вместе с тем уверенность в том, что решения конференции будут полностью реализованы, выразили лишь 10 процентов читателей. *Этот разрыв между ожиданиями и реализацией не мог не сказаться на обеспокоенности дальнейшей судьбой перестройки. Он обернулся, в конечном счете, усилением социальной напряженности, общим негативным фоном социальных настроений.*

І Съезд народных депутатов: надежды и разочарования. Согласно данным прессового опроса, проведенного в мае 1989 года (707

человек), социально-психологическая обстановка в области накануне открытия I Съезда народных депутатов характеризовалась, с одной стороны, весьма устойчивой и растущей социальной напряженностью и неудовлетворенностью, с другой — довольно смутными и противоречивыми надеждами и ожиданиями.

Чего же ждали от съезда в первую очередь, на что надеялись?! *Большинство опрошенных считало, что съезд должен уделить наибольшее внимание проблеме повышения народного благосостояния.* «В первую очередь, — писал один из читателей, — следует решать вопросы, связанные с благом народа». При этом на первом месте была продовольственная проблема. Об этом, подчас в очень резкой форме, писали многие читатели. «Если не будет решена продовольственная проблема, ликвидирован дефицит на потребительские товары, народ окончательно потеряет надежду в реальность перестройки». Указывалось на низкую оплату труда: «Пора понять, что если человеку от того, что он производит, ничего не остается, он и производить не станет». И еще одна выдержка из письма: «Не хочется верить, что такая богатая страна, как наша, не была в состоянии обеспечить высокий жизненный уровень своего народа. Значит, что-то не так мы делаем, не так торгуем, не так планируем, неумело распределяем и т. д. Издавна хорошим хозяином считался тот, кто, обеспечив свою семью и хозяйство всем необходимым, излишки пускал в торговлю, так давайте будем хорошими хозяевами». И далее: «Нам нужен такой Совет, который повернулся бы лицом к своему народу».

Что думали насчет того, окажет ли съезд существенное влияние на ускорение и углубление перестройки или нет? *Отнюдь не все занимали в этом вопросе оптимистическую позицию.* На то, что съезд окажет существенное влияние на ускорение и углубление перестройки, указали 41% опрошенных. Наиболее скептическое отношение к воздействию съезда народных депутатов на ход перестройки было у двух групп: ИТР, специалистов и творческой интеллигенции, с одной стороны, и работников партийного и государственного аппарата, с другой. Остальные группы в большей степени выражали сдержанные надежды на эффективность работы съезда.

Опрос, проведенный *после* I Съезда народных депутатов СССР, свидетельствовал о *росте интереса населения Одесской области к социально-политическому процессу, происходящему в стране, о про-*

исходящей политизации массового сознания. В той или иной степени за работой съезда следили 94% приславших анкеты. Число добровольных участников опроса, который был проведен после съезда (в июне 1989 года) по сравнению с предшествующим съезду опросом, проведенным в мае этого же года, увеличилось более чем на 30% (1120 присланных анкет в сравнении с 707). Заметим, что после XIX партконференции в опросе приняло участие в 3 раза меньше читателей, чем перед ее открытием. И еще одна примечательная деталь — среди участников послесъездовского опроса несколько возросла доля молодежи и уменьшилось число пенсионеров.

Не требовалось никаких особых аргументов для доказательства того, что работа съезда была совершенно новой, гораздо более высокой ступенью в пробуждении массового сознания, в пробуждении активности населения по сравнению с XIX партконференцией, и, возможно, поэтому оценки его результатов были более строгими. Строже оценили, например, влияние съезда на демократизацию жизни общества. То, что XIX партконференция способствовала глубокой демократизации жизни общества, признавали 36% опрошенных в 1988 г. и лишь 1% отрицали это влияние. Аналогичные взгляды в отношении воздействия съезда на демократизацию жизни общества разделяли уже 19% («способствовал демократизации»), и 34% опрошенных в 1989 г. отрицали это. Индексы соответственно равны 23 и -25. Показательны также надежды и оценки влияния съезда на укрепление и углубление перестройки. (Рис. 1.9.)

Рис. 1.9. Мнение населения о влиянии съезда на перестройку (в %)

И еще по одному критерию — конкретность, конструктивность работы — съезд по сравнению с партконференцией оценен в общественном мнении более критично. Так, конкретный, конст-

руктивный характер работы партконференции признавали 29% опрошенных в 1988 г., и лишь 18% — отрицали (остальные заняли промежуточную позицию). В отношении съезда аналогичной точки зрения придерживались соответственно 9% и 47%. Иными словами, примерно каждый второй считал, что *работа съезда не носила конкретный, конструктивный характер*. Позитивной стороной в работе съезда было признано то, что на нем четко проявились позиции различных групп. Самый большой недостаток, по мнению опрошенных, — съезд не взял власть в свои руки, не обеспечил полномочия Советов.

Отсутствие существенного продвижения в решении этих основных, глобальных проблем и определило, в основном, общую оценку эффективности работы съезда: лишь 8% ответили, что работа съезда была «вполне успешной, продуктивной», 55% — «напряженной, но малорезультативной», 29% — «в основном непродуктивной», 6% — «совершенно непродуктивной». Характерно, что в мнениях о съезде общие и частные оценки в целом согласовывались (и те, и другие были довольно низкими), тогда как в оценках XIX партконференции, как уже отмечалось, такой согласованности не было (относительно высокими были общие, интегральные и низкими — частные).

Большинство опрошенных (67%) в той или иной степени выразили неудовлетворенность результатами съезда, и лишь 7% были «вполне удовлетворены» его работой. Самой многочисленной (модальной) группой оказались умеренно неудовлетворенные — 47% избрали ответ «скорее неудовлетворен, чем удовлетворен». Насколько тесно эти оценки связаны с мнением об эффективности работы съезда, свидетельствуют следующие данные: из числа тех, кто признал работу съезда «успешной, продуктивной», удовлетворены его результатами 62%, а из тех, кто считал ее «непродуктивной», лишь 1%. Оказалось также, что удовлетворенность результатами съезда связана и с чувством социальной стабильности, уверенности в завтрашнем дне. Среди «вполне удовлетворенных» результатами работы 73% в той или иной степени выразили уверенность в завтрашнем дне, а среди тех, кто «совершенно неудовлетворен», — лишь 2%. *Влияние съезда на общественные настроения, уверенность в завтрашнем дне было бесспорным. Но эта уверенность после съезда несколько снизилась.*

Важно отметить также, что «отрицательное» настроение (неудов-

летворенность, неуверенность в будущем) преобладало во всех группах. Лишь в отдельных группах удельный вес показателей «отрицательного» настроения несколько колебался. И в прессовых опросах в Одессе, и в тех, которые были проведены в тот период ВЦИОМом, выявился ряд тенденций. *Во-первых*, с ростом образования увеличивается требовательность и критичность оценок. Так, среди опрошенных с начальным и неоконченным средним образованием были недовольны работой съезда 48%, неуверены в завтрашнем дне — 63%. А среди лиц с высшим образованием таких было соответственно 12% и 77%. *Во-вторых*, относительно более высокие оценки работе съезда давали пенсионеры и наиболее молодые читатели (в возрасте до 20 лет). В-третьих, чем дальше населенные пункты были расположены от областного центра, тем в целом выше их жители давали оценки работе съезда.

Однако в целом преобладали критические оценки результатов работы съезда (все индексы, за исключением характеризующих оценки жителей села, были отрицательными). А индекс оценки по такому параметру, как «оказал ли съезд влияние на ускорение и углубление перестройки», был отрицательным повсеместно. *Тем не менее сам съезд сыграл значительную активизирующую роль, всколыхнул общественное мнение, о чем свидетельствовало, в частности, количество откликнувшихся на нашу анкету после съезда. Во-обще количество присланных нам анкет, как мне кажется, можно было рассматривать как своеобразный барометр, свидетельствующий о настроениях населения, сменяющих друг друга периодов возрастания надежд и разочарований.* (См. рис. 1.10.)

Итак, результаты изучения общественного мнения по данным прессовых опросов 1988–1989 гг., выяснение влияния на общественное мнение XIX партконференции и I Съезда народных депутатов СССР дали возможность выявить некоторых важные тенденции изменения общественного мнения, которые *наиболее определенно обозначились к середине 1989 года, а точнее, после I Съезда народных депутатов.*

Во-первых, происходило ускорение процесса политизации массового сознания, повышение роста интереса к социально-политическим событиям.

Во-вторых, определялись, кристаллизировались позиции и мнения («затрудняющихся» ответить на тот или иной вопрос становилось все меньше).

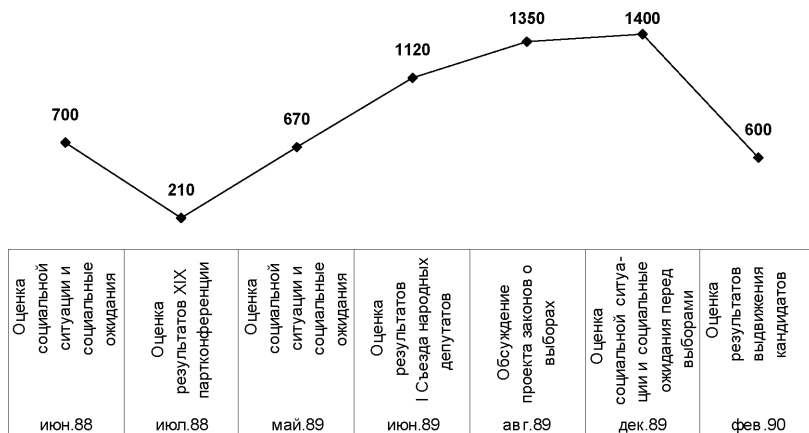

Рис. 1.10. Участие населения в прессовых опросах
(кол-во участников)

В-третьих, усилилась дифференциация, поляризация мнений. Единодушие в оценках встречается крайне редко. Плюрализм мнений, различие позиций становятся характерной чертой массового сознания.

В-четвертых, обозначился процесс ослабления жестких связей между социальной принадлежностью (рабочий, служащий и т. д.) и мнениями, оценками людей. Критерий дифференциации мнений все в большей степени определялся личной, мировоззренческой позицией, нежели социальным положением. Дифференциация мнений, оценок внутри тех или иных социальных групп была, как правило, гораздо сильнее, нежели между различными группами.

В-пятых, намного возросла критичность оценок, суждений. Об этом, в частности, свидетельствовали более строгие оценки съезда в сравнении с оценками конференции. Причина была не в большей успешности конференции, а в том, что за прошедший после работы конференции год политическая сознательность масс значительно возросла, и планка критичности массового сознания поднималась значительно выше, оценки стали намного строже.

И, наконец, главное. *Перестройку понимали как демократизацию и гласность, надеялись на то, что она принесет освобождение от произвола и всеилия бюрократии. Но все это неразрывно связывали*

с тем, что на самом деле было наиболее желаемым — улучшением социально-экономического положения, расширением возможностей для реализации трудовой активности, проявлением инициативы и, соответственно, более высокими заработками. Тот факт, что именно в этом отношении ничего не менялось к лучшему, более того, положение ухудшалось, определил общую неудовлетворенность населения ходом перестройки, ее кризис, четко обозначившийся в 1989 году.

4. ЧТО ПОНИМАЛИ ПОД СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ И КАК ЕЕ ОЦЕНИВАЛИ.

«СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В 1989 И В 1998 ГГ.

В мае—сентябре 1989 года на 20 предприятиях Одессы по заданию ЦК КПУ социологической группой Одесского госуниверситета было проведено исследование представлений о социальной справедливости¹. Параллельно с опросом на предприятиях был проведен репрезентативный опрос населения г. Одессы, а также осуществлен статистический анализ данных о 20 трудовых коллективах г. Одессы (демографический состав работников, текучесть кадров, показатели экономической эффективности работы предприятий и др.). Статистические данные сопоставлялись с мнением трудящихся о социальной справедливости на разных уровнях (общества, города, производственного коллектива, личности). Ранее, в 1988 году, по проблемам социальной справедливости был проведен прессовый опрос. По результатам исследований была составлена справка², которая была направлена в Институт социологии АН СССР, ВЦИОМ, в ЦК КПУ, Одесскому обкому и горкому КПУ; а также подготовлен раздел отчета³ по теме «Исследование общественного мнения населения Одесской области». Приведенные здесь результаты исследования социальной справедливости в основном содержат данные, относящиеся к трудовым коллективам. В некоторых сюжетах (понимание ситуации различными социально-профессиональными группами и др.) приводятся результаты

¹ Описание массива дано в Приложении 2.

² Справка в 1990 году была составлена Поповой И.М. по материалам, подготовленным Г.П. Бессокирной, М.Б. Кунявским, А.А. Панковым, Н.И. Тимофеевой.

³ Имеется в виду раздел «Социальная справедливость», написанный И.М. Поповой и Г.П. Бессокирной.

опроса населения города. Используются также данные В. Моина о приписывании ответственности за нарушение справедливости.

Как отмечалось при характеристике результатов прессовых опросов, мы рассматривали оценку социальной справедливости как интегральный показатель отношения населения к происходящим социально-экономическим и социально-политическим процессам. Мы исходили также из того, что социальная справедливость, как и свобода, равенство, относится к числу наиболее важных жизненных идеалов наших соотечественников. Справедливость является важным критерием оценки не только экономического, но и социально-политического строя общества, уровня его нравственного развития. *Идеи справедливости приобретают, как правило, особую значимость в переломные периоды и становятся фактором, объединяющим самые различные силы для изменения действительности.* Осознание несправедливости существующих отношений формирует неудовлетворенность сложившимся положением дел, является необходимой предпосылкой непримиримости к недостаткам, важным условием перехода к активным действиям в борьбе с несправедливостью. Поэтому ощущение несправедливости несет в себе и важный позитивный заряд, выражает неприятие действительности, стремление к ее изменению.

Понимание социальной справедливости. В общественном сознании обычно складываются относительно общие для разных социальных групп представления о справедливом обществе. Эти представления дают возможность определить то, что понимают под социальной справедливостью («Справедливо то общество, в котором...»). Как показали результаты исследования, в 1989 году *большинство трудящихся понимали социальную справедливость прежде всего как участие в обсуждении, выработке и принятии решений по важнейшим вопросам жизни общества.* На втором и третьем местах — «наличие равных условий для реализации способностей» и «соответствие общечеловеческой морали, нравственности». Уравнительные настроения в системе общих представлений уже тогда не были популярны: «отсутствие существенных различий в уровне жизни, благосостоянии людей» в качестве признака справедливого общества выбрали менее одного процента опрошенных.

Прежде всего обратим внимание на то, что наше *мнение о значимости представления о социальной справедливости для наших*

соотечественников подтвердилось: 77% опрошенных выбрали позицию «Лично для меня социальная справедливость имеет очень большое значение»; а 74% указали на то, что глубоко переживают любые проявления несправедливости даже тогда, когда лично их это не касается. Что касается понимания социальной справедливости, то обращали на себя внимание следующие обстоятельства:

– понимание справедливости как «соответствие установленным законам» значительно уступало пониманию ее как «соответствие принципам морали» (индексы соответственно равны 9 и 66);

– представления о социальной справедливости были, по существу, сходны во всех массовых социально-профессиональных группах.

Таковы были декларируемые ценностные представления. Однако они не вполне согласовывались с оценками общества по тем же критериям. Более того, наблюдалась четкая зависимость: *чем значимее для общественного мнения было то или иное понимание справедливости, тем ниже оценивалось состояние дел в обществе именно в этом отношении.* При этом тенденция эта была характерна для всех социально-профессиональных групп. Несоответствие понимания справедливости оценке «состояния дел» в данном отношении рассматривалось как представление о дефиците обстоятельств, необходимых для того, чтобы признать общество справедливым. Степень несоответствия значимости того или иного критерия справедливости оценке по данному критерию состояния общества (измеряемая величиной дельты) была принята за меру неудовлетворенности и социальной напряженности. Как оказалось, *наибольшую озабоченность вызывали тогда отсутствие равных условий для реализации способностей* (дельта = 131) и невозможность участвовать в обсуждении, выработке и принятии решений по важным вопросам (дельта = 113), а также зависимость различий уровня жизни только от трудового вклада (дельта = 110). Несоблюдение принципов общечеловеческой морали, которой придавали большее значение, чем соблюдению законности, вызывало несколько меньшую тревогу (Рис. 1.11).

Мнение о нарушениях социальной справедливости. *Преобладающей являлась точка зрения, что нарушения справедливости в обществе носят массовый характер и встречаются на самых разных уровнях.* (Рис. 1.12.)

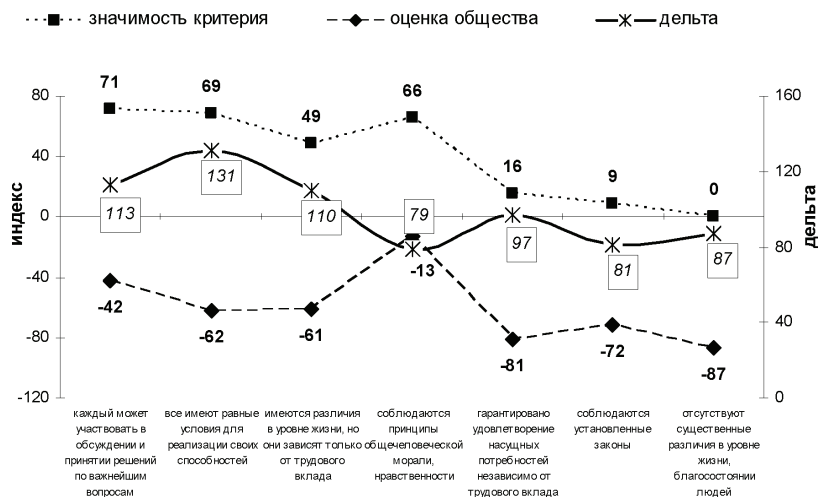

Рис. 1.11. Представление населения о справедливом обществе (индексы)

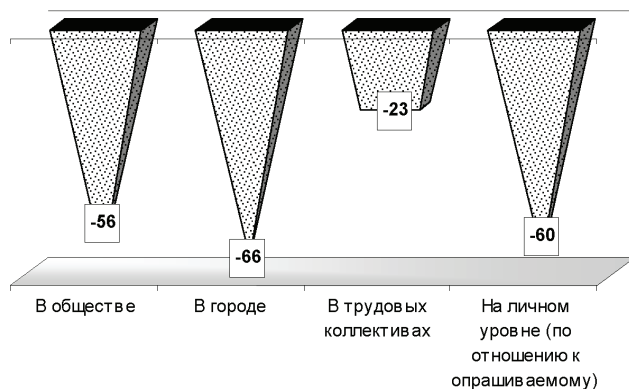

Рис. 1.12. Мнения населения о нарушениях социальной справедливости (индексы)

Как свидетельствовали опросы, имелись различия в оценках состояния социальной справедливости, даваемой представителями разных социальных групп: так, ниже других групп справедливость в обществе и городе оценивали специалисты (инженеры, учителя, врачи). В этой же группе наиболее часто фиксировалось на-

рушение социальной справедливости по отношению к самим опрашиваемым. Возможно, в данном случае имели значение более высокие притязания. Рабочие и рядовые работники сферы обслуживания, в сравнении с другими группами, давали более низкие оценки справедливости в трудовых коллективах.

По мнению большинства, никаких положительных сдвигов за последнее время не произошло; *после пяти лет перестройки многие считали, что положение дел «за последние несколько лет» либо не изменилось, либо даже ухудшилось.* (Рис. 1.13.)

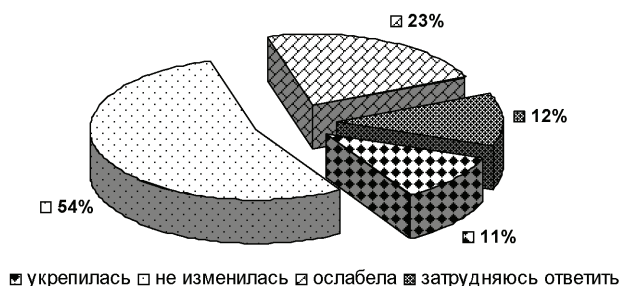

Рис. 1.13. Мнение трудящихся об изменении состояния социальной справедливости в обществе за последние несколько лет (в %)

Во всех социальных группах большинство опрошенных не только не видели положительных «сдвигов» в укреплении справедливости за годы перестройки, но и крайне скептически оценивали перспективы ее укрепления в дальнейшем. (Рис. 1.14.)

Обращают на себя внимание оценки двух групп, условно относимых обычно к «интеллигенции»: специалистов и руководителей низшего звена. Их мнение о том, укреплится ли справедливость в ближайшие годы, наиболее пессимистическое, оценки будущего заметно ниже средней для всех опрошенных.

Результаты опроса по проблемам социальной справедливости, проведенного в Одессе в 1989 году, не являлись чем-то исключительным, из ряда вон выходящим. Они характеризовали типичные особенности массового сознания периода кризиса перестройки. Об этом свидетельствовали аналогичные исследования, проводимые в тот период ЦК КПУ в ряде областей республики. Так, считали, что за последние несколько лет не произошло никаких изменений и со-

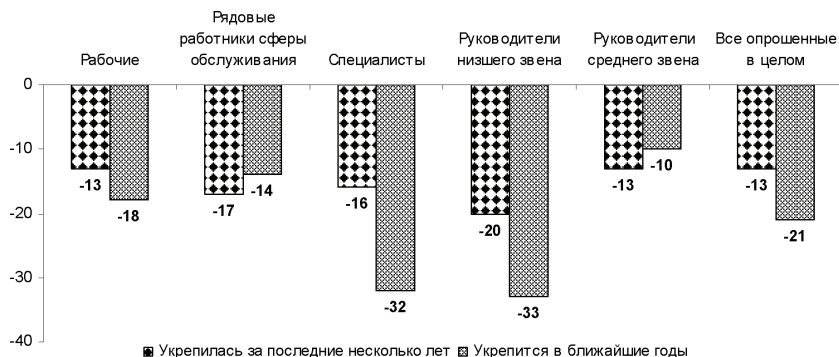

Рис. 1.14. Мнение представителей разных социальных групп об укреплении социальной справедливости в обществе (индексы)

циальная справедливость не изменилась 64% опрошенных в Одесской области, 69% — в Николаевской, 67% — в Полтавской, 66% — в Запорожской. На массовое распространение социальной несправедливости в обществе ссылались 86% опрошенных в Одесской области, 78% — в Николаевской, 79% — в Полтавской. Получают от общества меньше, чем дают, согласно собственной оценке, 47% участников опроса в Одесской области, 53% — в Николаевской и 41% — в Полтавской.

Нарушение справедливости в различных сферах. Согласно данным опроса трудящихся в 1989 году, нарушения справедливости охватили все сферы жизни общества и прежде всего распределительные отношения. Чаше всего указывали на то, что *нарушения встречаются при распределении элементарных жизненных благ и прежде всего — в обеспечении продуктами питания и жильем* (Рис. 1.15).

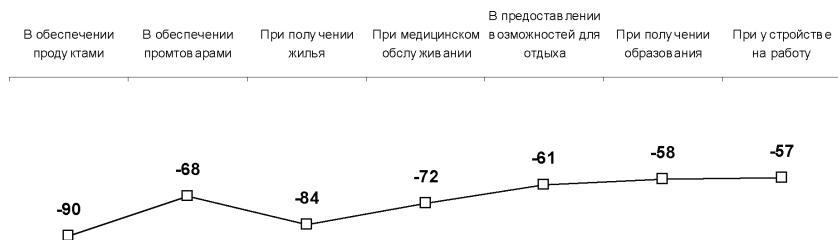

Рис. 1.15. Мнение о нарушении социальной справедливости в различных сферах (индексы)

Нарушения справедливости, по мнению трудящихся, как уже отмечалось, имели место на всех уровнях, в том числе в трудовых коллективах — такой точки зрения придерживались 61% опрошенных по месту работы. Считая, что нарушения социальной справедливости проявляются в трудовом коллективе самым различным образом, но более всего в оплате труда (рис. 1.16), каждый третий выражал *обеспокоенность тем, что руководству предприятия (организации) станет известно о содержании его ответов.*

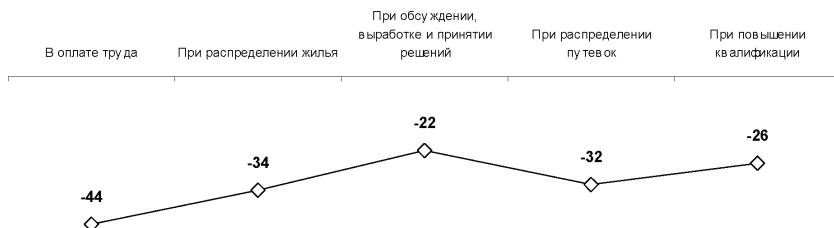

Рис. 1.16. Мнение о нарушении социальной справедливости в трудовых коллективах (индексы)

Как видим, наиболее чувствительны опрошенные к несправедливости оплаты труда (индекс оценки самый низкий). Обращало на себя внимание и то, что не было соответствия между декларируемой ценностью участия в управлении, обсуждении и принятии управленческих решений и оценкой реальной ситуации. Оказалось также, что в целом *между оценками уровня жизни и представлениями о справедливости имела тесная связь: чем ниже уровень жизни, тем более несправедливым считают общество, ситуацию в городе, в трудовом коллективе.* (Рис. 1.17.)

О том, что представления о справедливости общества в тот период определялись прежде всего оценкой уровня жизни, свидетельствовали и многочисленные письма участников прессового опроса по проблемам социальной справедливости, проведенного в 1988 году. В целом для многих несправедливость заключалась в основном в низком жизненном уровне, отсутствии возможностей для удовлетворения элементарных человеческих потребностей — в жилье, продуктах питания, одежде. «Социальная справедливость, по-моему, это та справедливость, при которой рабочий человек или интеллигент, вносящий свой вклад в *общее дело*, будет материально обеспечен», — писал рабочий Александр Семенов. А так как,

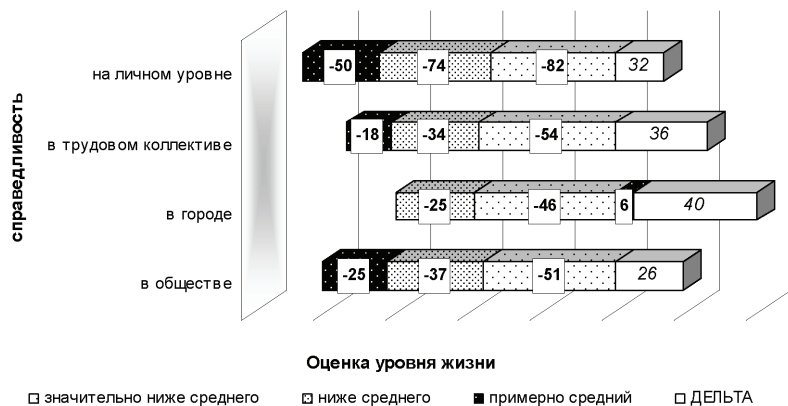

Рис. 1.17. Зависимость представлений о справедливости от оценок уровня жизни (индексы)

по мысли автора письма, человеку труда «в плане материального обеспечения невозможно соревноваться со взяточниками, казнокрадами и прочей нечистью, то и говорить о социальной справедливости преждевременно». В низком жизненном уровне, дефиците основных товаров потребления, жилья виделась тогда прежде всего основа сохранения несправедливости. «О какой социальной справедливости может идти речь, если все в дефиците... — пишет один из участников опроса. — Пока не поднимется жизненный уровень населения, пока не исчезнет дефицит самого необходимого — будут сохраняться глубинные корни несправедливости, и призывы к справедливости останутся в основном лишь благими пожеланиями».

Представления о социальной справедливости в моноэтнических и полиэтнических трудовых коллективах*. Позже, в связи с исследованием в 1990—1991 годах этнополитических процессов, была поставлена задача выяснить, существует ли связь между представлениями о социальной справедливости с различным этническим составом трудовых коллективов. При вторичном анализе массива 1989 года были выделены трудовые коллективы различного типа, причем тип коллектива определялся долей украинцев в составе трудового коллектива:

* Использованы материалы, подготовленные в 1990 году А.В. Худенко.

1-й тип — коллективы, в составе которых украинцев менее 49%;
2-й тип — коллективы, где украинцев от 49% до 65%;
3-й тип — коллективы, в составе которых более 65% работников украинской национальности.

Сравнивались преимущественно полярные коллективы, которые условно были приняты за «полиэтнические» (первый тип) и «моноэтнические» (третий тип). Представления о социальной справедливости в коллективах этих типов различались. В коллективах третьего типа, например, под справедливостью, в большей степени, понимали соответствие закону, чем в коллективах первого типа (индексы, соответственно, равны 19 и минус 4), что свидетельствовало о большей их (работников коллективов третьего типа) «законопослушности»; в меньшей степени переживалось (а потому выше оценивалось) нарушение справедливости при повышении разряда, должностном продвижении (индексы, соответственно, равны 3 и минус 15) и при обсуждении, выработке и принятии решений по важнейшим вопросам жизни коллектива (индексы равны 3 и минус 22).

Работники коллективов третьего типа считали себя менее информированными о нарушениях социальной справедливости, чем работники коллективов первого типа (индексы, соответственно, равны минус 20 и минус 3). При этом первые (работники коллективов третьего типа) склонны были доверять официальным источникам информации более, чем вторые (работники коллективов первого типа). Определяя наиболее эффективные пути в борьбе с несправедливостью, коллективы с преимущественно украинским национальным составом (третий тип) в большей степени, чем в трудовых коллективах первого типа, указывали на укрепление порядка и дисциплины (33% и 25%), но в меньшей степени на развитие демократии (13% и 21%). Работников трудовых коллективов первого типа больше беспокоило то, что руководству станет известно содержание их ответов. Но они были больше уверены в поддержке товарищей в случае конфликта с администрацией и более оптимистично оценивали успешность действий против несправедливости. Оказалось также, что у коллективов третьего типа относительно конформистские, менее критичные представления. Для этих коллективов была характерна также меньшая информированность, большая ориентация на материальное благополучие, чем на профессиональное совершенство.

Проведенный анализ, однако, дал основание предположить, что *различие представлений работников трудовых коллективах первого и третьего типов были обусловлены не спецификой этнической среды, а разными объективными характеристиками трудовых коллективов*. Действительно, данные коллективы в значительной степени различались по ряду объективных признаков: половозрастному и социально-профессиональному составу, принадлежали к разным отраслям хозяйства, а также характеризовались различными объективными показателями (текучестью кадров, экономическими показателями деятельности). *Сравнение трудовых коллективов по сходным объективным характеристикам, но различающимися лишь по национальному составу, показало, что зависимость содержания основополагающих социальных представлений от национального состава являлась крайне слабой*.

Все это дало возможность заключить, что *этническая среда практически не оказывала влияние на содержание представлений работников, оценку ими социальной действительности в аспекте справедливости*. Различие же в представлениях и объективных характеристиках трудовых коллективах разных типов было обусловлено скорее другими факторами. Например, тем, что в коллективах, состоящих преимущественно из украинцев, было больше выходцев из сельской местности, соответственно был более низким квалификационный и образовательный уровень работников.

Экономическая эффективность деятельности трудовых коллективов и мнение о социальной справедливости*. Одной из задач социологического исследования социальной справедливости, проведенного в 1989 году, являлось выяснение взаимосвязи между обобщающими показателями экономической эффективности деятельности трудовых коллективов (рост производительности труда, прибыль) и оценками социальной справедливости, даваемыми членами данного коллектива. В период, предшествующий опросу, фонды экономического стимулирования находились в прямой зависимости от темпов роста производительности труда, а в новых условиях хозяйствования — от объема прибыли. В исследовании была предпринята попытка определить, насколько чувствительны оценки социальной справедливости к существующей дифференциации в возможностях стимулирования труда, создания фонда

* По материалам, подготовленным в 1990 году Г.П. Бессокирной.

социального развития за счет роста экономической эффективности деятельности трудовых коллективов. Показатели экономической эффективности сопоставлялись с общей оценкой социальной справедливости в трудовом коллективе («В какой степени распространены в настоящее время нарушения социальной справедливости в вашем коллективе?») и оценками социальной справедливости в отдельных сферах производственной и внепроизводственной деятельности трудовых коллективов («Часто ли в вашем коллективе нарушается справедливость?»).

Была установлена тесная прямая связь между темпами роста производительности труда и оценками социальной справедливости при обсуждении, выработке и принятии решений по наиболее важным вопросам жизни коллектива и в оплате труда: чем больше темпы роста производительности труда, тем выше оценки социальной справедливости данных элементов производственной ситуации. Тесная связь имела место и между общей оценкой социальной справедливости и оценками справедливости при распределении путевок в санатории и дома отдыха, распределении жилья. Однако выше оценки были только в тех трудовых коллективах, где рост производительности труда превысил 111% (таблица 1.6).

Таблица 1.6

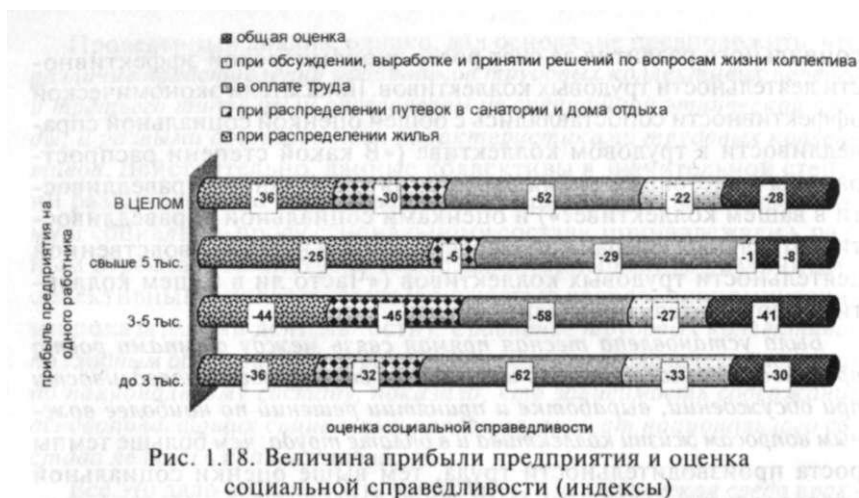
Показатели производительности труда и оценки социальной справедливости

Оценки справедливости (индексы)	Рост (снижение) производительности труда			
	снижение	99-111%	св. 111%	В целом
При обсуждении решений	-39	-25	-6	-20
В оплате труда	-67	-51	-37	-49
При распределении путевок	-40	-40	-10	-29
При распределении жилья	-41	-40	-24	-34
Общая оценка	-35	-34	-10	-25

* Данные по 15 промышленным предприятиям

Общая оценка социальной справедливости и все оценки отдельных сторон производственной и внепроизводственной ситуации были выше только на тех промышленных предприятиях, где прибыль (на 1 работника) превышала в новых условиях хозяйствования (первая модель хозрасчета) 5 тыс.руб. (Рис 1.18.)

Как показал проделанный в 1989 году анализ, увеличение абсолютного размера прибыли, направляемой в фонды предприятия

тия (на 1 человека), а также прибыли, направляемой в фонд материального поощрения (на 1 человека), не приводил к повышению оценок социальной справедливости. Напротив, на тех промышленных предприятиях, где эти суммы максимальные (соответственно, свыше 2,1 тыс. руб. и свыше 660 руб.), оценки справедливости самые низкие. (Таблицы 1.7 и 1.8.)

Таблица 1.7

Прибыль, направляемая в фонды предприятия,
и оценки социальной справедливости (индексы)

Оценки справедливости	Прибыль (на 1 чел.), направляемая в фонды предприятия			
	До 900 руб.	900-2100	св. 2100 р.	В целом
В оплате труда	-62	-31	-68	-52
При распределении путевок в санатории и дома отдыха	-32	- 11	-56	-30
При распределении жилья	-36	- 18	-64	-36
Общая оценка	-30	- 17	-43	-28

В то же время оценки социальной справедливости в коллективе в целом и оценки справедливости при распределении путевок и жилья были выше на тех промышленных предприятиях, где был больший абсолютный размер прибыли, направляемый в фонд социального развития (на 1 человека), т. е. свыше 470рублей (таблица 1.9).

Таблица 1.8

**Прибыль, направляемая в фонд материального поощрения,
и оценки социальной справедливости (индексы)**

Оценки справедливости	Прибыль, направляемая в фонды материального поощрения (на 1 чел.)			
	До 370 руб.	370-660 р.	св. 660 р.	В целом
В оплате труда	-62	-9	-66	-52
Общая оценка	-30	3	-43	-28

Таблица 1.9

Прибыль, направляемая в фонд социального развития (индексы)

Оценки справедливости	Прибыль, направляемая в фонд социального развития (на 1 чел.)			
	До 160 руб.	160-470 р.	Св. 470 р.	В целом
При распределении путевок в санатории и дома отдыха	-32	-45	-5	-30
При распределении жилья	-36	-44	-25	-36
Общая оценка	-30	-41	-8	-28

Итак, оценки социальной справедливости в сложившейся тогда социально-экономической ситуации были выше, как правило, лишь в тех трудовых коллективах, где показатели экономической эффективности деятельности превышали «норму»:

- темпы роста производительности труда были 111% и выше,
- прибыль на 1 человека составляла сумму, большую 5 тыс. рублей,
- абсолютная величина прибыли, направляемой в фонд социального развития (на 1 человека), составляла 470 руб. и выше.

Сами по себе экономические показатели не оказывали существенного воздействия на оценку социальной справедливости. Даже в лучших (по показателям экономической эффективности) трудовых коллективах работники отрицательно оценивали социальную справедливость в различных сферах производственной и внепроизводственной деятельности, а также в целом социальную справедливость в коллективе. Более низкие оценки социальной справедливости при большем размере прибыли, направляемой в фонды предприятия (в т. ч. в фонд материального поощрения), свидетельствовали, как считала тогда Г.П. Бессокирная, об отсутствии эффек-

тивного механизма оценки вклада каждого работника в конечные результаты деятельности трудового коллектива в новых для того времени условиях хозяйствования. Главное же состояло в том, что эти данные свидетельствовали об *относительной самостоятельности социальной сферы экономической деятельности, о том, что социальная эффективность не тождественна экономической**.

Укажу на чрезвычайно важное обстоятельство, обнаруженное тогда нами: оценки социальной справедливости достаточно адекватно отражали реальное состояние социальной сферы. Тот факт, что большему размеру прибыли, направляемой в фонд социального развития, соответствовали относительно высокие оценки социальной справедливости отдельных сторон внепроизводственной деятельности и общая оценка социальной справедливости, явился основанием для рекомендации, которая не теряет свою злободневность и в настоящее время: при распределении прибыли по экономическим фондам целесообразно увеличивать долю прибыли, направляемую в фонд социального развития. Актуальным и в настоящее время является и другое заключение: существовала тесная прямая связь между темпами роста производительности труда и оценками социальной справедливости при обсуждении, выработке и принятии решений по наиболее важным вопросам жизни коллектива и, в частности, оплаты труда.

Борьба с нарушениями социальной справедливости. В исследовании выявилось почти поголовное осуждение нарушений социальной справедливости в трудовых коллективах, с одной стороны, и пассивность, свойственная значительной части опрошенных, с другой. На то, что члены коллектива выступают против любых проявлений несправедливости, указало лишь 10% трудящихся. Даже в тех случаях, когда несправедливость была допущена

* Прочитав рукопись, мой коллега А.В. Худенко сделал следующее примечание к данному абзацу, которое привожу дословно: «Представляется, что это один из важнейших выводов. Реформы Гайдара-Пинзенька предполагали, что главным является преодоление экономического кризиса и стабильный рост. Мол, экономика все вытянет. Социальные факторы обновления системы не принимались в расчет. Кажется, в критике данной позиции был пафос возражений Т. Заславской и Р. Рывкиной в адрес проводимых реформ. Технократизм «чикагских мальчиков», вера в современность как проект исключительно технологический окончательно «слома» системы. Опыт России-Украины здесь не единственный. Валлерстайн писал, что во имя обновления системы мы должны отказаться от «современности технологии»; именно с этим связана его критика либерализма и констатация его краха».

на непосредственно по отношению к тому или иному работнику, он, как правило, не защищает свои интересы. Так, 74% опрошенных трудящихся отметили случаи несправедливого отношения к ним со стороны официальных лиц и организаций! Вместе с тем активно выступают против любых проявлений несправедливости, допущенных непосредственно к ним, лишь 22%. Несколько больше тех, кто пытается противодействовать лишь «вопиющим проявлениям несправедливости» (35%). Остальные не пытались защитить даже собственные интересы.

Возможно, эта пассивность определялась, во-первых, представлением большинства опрошенных о бесперспективности борьбы за справедливость, отсутствием реальных шансов одержать победу. Во-вторых, отсутствием солидарности, надежды на поддержку товарищей в борьбе за справедливость. Так, уверенность, что в большинстве случаев борьба с несправедливостью будет успешной, выразили лишь 7% опрошенных, и, что их поддержат товарищи предположила лишь пятая часть членов трудовых коллективов, участвующих в опросе. И все же *надежда на активизацию и на то, что ресурсы для активной борьбы все же есть, поддерживалась следующим обстоятельством*: построенная шкала активности¹ дала возможность установить, что активных членов трудового коллектива более всех других (47% в сравнении с 10% «пассивных», 11% «эгоистов», 25% «альтруистов»)¹.

Подводя итоги опросов по проблемам социальной справедливости, а также изучив экономические показатели деятельности предприятий города, мы сделали следующие заключения:

1. Подавляющее большинство опрошенных социальную справедливость понимали прежде всего как участие в обсуждении, выработке и принятии решений по важнейшим вопросам. На втором и третьем местах — наличие равных условий для реализации способностей и соответствие общечеловеческой морали, нравственности. Уравнительные представления уже тогда не были популярны. Соответствие принятым законам более половины трудящихся не связывали с представлением о социальной справедливости.

¹ 4-членная шкала активности («пассивные» — не участвуют в борьбе ; «эгоисты» — борются, если только затронуты личные интересы; «альтруисты» — защищают интересы других, но не свои; «активные» — борются и за свои интересы, и за других).

2. Большинство опрошенных негативно оценивали состояние социальной справедливости на уровне общества, города, трудовых коллективов, указывали на распространенность нарушений социальной справедливости по отношению к ним со стороны официальных лиц и организаций.

3. Негативные оценки преобладали и при выражении мнений об изменении «за последние несколько лет» состояния социальной справедливости, а также о перспективах ее укрепления.

4. По мнению опрошиваемых, наиболее частые нарушения справедливости в городе состояли в обеспечении продуктами питания и при получении жилья; в трудовых коллективах — в оплате труда, при распределении жилья, путевок в санатории и дома отдыха.

5. Существует тесная зависимость между оценками социальной справедливости и некоторыми показателями экономической эффективности деятельности, но именно теми, которые имеют социальную направленность и обуславливают социальную эффективность деятельности трудового коллектива.

6. Основную ответственность за нарушение социальной справедливости в обществе население возлагало прежде всего на общественное устройство, партийные и советские органы, а также на самих себя («все мы»). Выделяя группы, которые чаще всего нарушали социальную справедливость, указывали на работников партийных, советских, комсомольских, профсоюзных органов управления.

7. Наиболее эффективным путем борьбы за укрепление социальной справедливости считали коренную экономическую реформу, а также укрепление дисциплины и порядка.

8. Низко оценивалась и собственная активность в борьбе против нарушения социальной справедливости, усилия, которые предпринимались в этом направлении, считались неэффективными

9. Атмосфера в трудовых коллективах не была достаточно демократичной, о чем свидетельствовала озабоченность одной трети опрошиваемых трудящихся тем, что администрации будет известно содержание их ответов. Не вполне было развито чувство солидарности трудящихся в борьбе с нарушениями социальной справедливости. Большинство опрошиваемых были неудовлетворены своей жизнью, не чувствовали уверенности в завтрашнем дне.

И все же тогда мы считали, что около 50% «активных» (тех, кто готов бороться за торжество социальной справедливости) —

это немало. Это — значительный ресурс, используя который можно было двигаться вперед. Однако, как показали последующие события, эта активность не была востребована, а условия для ее реализации и развития не были созданы. Об этом, в частности, свидетельствует сравнение результатов прессовых опросов 1988 и 1998 гг.

«Социальная справедливость». Мнение читателей в 1988 и 1998 годах. Осенью 1988 года в газетах «Вечерняя Одесса» и «Знамя коммунизма» были опубликованы анкеты: «Социальная справедливость. Ваше мнение?» Прессовый опрос проводился совместно с членами нашей социологической группы, которые проанализировали полученные ответы и результаты опроса опубликовали на страницах газет в декабре 1988 года. 10 лет спустя возникла идея повторить опрос и сделать сравнительный анализ данных двух опросов. Сравнение двух опросов, в частности, дает представление, как изменилась активность читателей и их состав за 10 лет.

Публикации в газете «Вечерняя Одесса» сравнительных результатов двух опросов были предпосланы выдержки из писем, полученных вместе с анкетами читателей. Приведу некоторые из них, весьма, на мой взгляд, выразительно характеризующие типичные настроения:

— «О какой социальной справедливости может идти речь в нашем сегодняшнем государстве. Потому как основная масса людей лишена возможности приносить пользу государству и соответственно получать от него пропорционально вложенного труда».

— «У народа забрали право на труд, на отдых, на образование, на медицинское обслуживание, право на жизнь». (Из писем 1998 года.)

— «Никогда у нас при нашей рабской психологии ничего не изменится».

— «Я не борец, знаю, чем все это кончится». (Из писем 1988 года.)

Далее с некоторыми сокращениями привожу текст публикации моей статьи в газете «Вечерняя Одесса» 16 и 18 марта 1999 года*.

Мы благодарны всем тем, кто откликнулся на нашу анкету. Таких оказалось значительно меньше, чем 10 лет назад: тогда на вопросы анкеты ответило 829 человек, сейчас — 160. Мы, однако, помним, что 10 лет назад и условия опроса были иными: была до

* Параллельно по материалам аналогичного опроса 26 и 30 марта в газете «Юг» под названием «Социальная справедливость. Ваше мнение» была опубликована статья М.Б. Кунявского.

говоренность с почтовыми отделениями, и заполненную анкету можно было послать без конверта, бесплатно. Не забываем и о том, что то время было временем общественного подъема и надежд. И то, что сейчас, дорогие наши соотечественники, вы смогли сделать над собой усилие: размышляли над вопросами, заполнили анкету (а многие и написали письма), возможно, на последние гроши приобрели конверт и опустили его в ящик — все это говорит о том, что еще не все потеряно, и мы все-таки поднимемся и заживем нормальной человеческой жизнью.

Ваше отношение к нашей просьбе налагает и определенную ответственность на нас. Во многих письмах просят непременно опубликовать результаты. Один из читателей в дополнение к анкете пишет: «Подводите итоги честно, без обмана. Не так, как у нас организовывались выборы всех мастей». Мы обещаем вам говорить правду и только правду. Ту именно правду, которую вы сообщили нам.

10 лет назад средний возраст активных читателей (ответивших на вопросы анкеты) был 47 лет. Основная доля ответивших приходилась на возрастные группы, относящиеся к трудоспособному населению и имевшие в той или иной степени опыт практической жизни и трудовой деятельности: 67% читателей, приславших анкеты, были в возрасте от 30 до 60 лет. В 1998 таких оказалось только 42%, а *средний возраст ответивших — 58 лет.* Как видим, активные читатели, остро переживающие проблемы социальной справедливости, стали старше. Но *все же почти половина из них — не пенсионного возраста.*

Мужчин среди приславших анкеты, как и 10 лет назад, больше, чем женщин: в 1988 году на 34%, в 1998 на 42%. *Как и «тогда» наиболее активными оказались читатели с высшим и незаконченным высшим образованием (54% в 1988 году и 73% сейчас).* Доля имеющих начальное и неполное среднее образование и ранее, и теперь незначительна (6% и 2% соответственно). И хотя число работающих в последнем опросе превышает число неработающих пенсионеров, последних среди приславших анкеты все же значительно больше, чем было 10 лет назад. *Среди работающих наиболее активны (как прежде, так и теперь) ИТР, работники образования, здравоохранения и культуры* (ранее их анкеты составляли 45% присланных, сейчас — 36%). Но анкет рабочих в 1988 году было в 3 раза больше, чем в 1998.

Есть среди приславших анкеты учащиеся и безработные, руководители предприятий и предприниматели, хотя их количество (всех вместе) незначительно. *Жители села, как прежде, так и теперь, оказались наименее активны.* Анкеты присланы преимущественно одесситами (83% в сравнении с 67% в 1998). Жители других городов и поселков городского типа в этот раз оказались менее активными, их анкет оказалось в 3 раза меньше, чем 10 лет назад. Для того, чтобы можно было сравнивать два *различающихся по ряду характеристик массива*, мы прибегли к процедуре «перевзвешивания», которая дает возможность как бы уравнивать массивы. Благодаря этой процедуре мы убедились, что *различие состава опрошенных в данном случае не влияет* существенным образом на результаты опроса.

Среди приславших анкеты были и те, кто участвовал в опросе и в прошлый раз. Тем не менее *налицо явное изменение количества и состава корреспондентов.* Эти изменения объясняются многими обстоятельствами: *сокращением и изменением состава читательской аудитории, наличием либо отсутствием веры в то, что предпринятая акция имеет хоть какой-то смысл, а также уровнем активности населения, т. к. в газеты пишет преимущественно активная его часть, острее всего переживающая соответствующие проблемы.*

Что дает информация о социальной справедливости? Такой вопрос задал один из читателей, приславших письмо в газету в 1988 году. Ответить на него можно, если задуматься над тем, какую роль в нашей жизни играет представление о социальной справедливости. Выясняя представление населения о социальной справедливости, мы рассматривали его как один из интегральных показателей отношения населения к происходящим социально-экономическим и социально-политическим процессам. *Являясь основой нравственной оценки общественных явлений и человеческих поступков, представление о социальной справедливости существенным образом определяет наши настроения, удовлетворенность жизнью, уверенность в будущем. Об этом свидетельствуют и данные самого опроса.* Например, по данным опроса 1988 года среди тех, кто считает, что за последние несколько лет количество нарушений социальной справедливости увеличилось, «совершенно неудовлетворен» жизнью 81%, а среди тех, кто думает, что нарушений столько же («ситуация не изменилась»), совершенно неудовлетворенных только 16%.

Четко просматривалась и связь оценок справедливости с «уверенностью в завтрашнем дне»: из тех, кто «довольно часто сталкивается с несправедливостью», 76% совершенно не уверены в будущем, среди тех, кто сталкивается с нарушениями «только иногда», совершенно неуверенных 20%, а среди тех, кто практически никогда с нею не сталкивается, совершенно неуверенных только 2%. *Острота переживания нами трудностей, таким образом, обусловлена нашими представлениями о справедливости.*

Как оценивали 10 лет назад *положение дел в городе (поселке, селе)* и как оценивают его сейчас? Оказывается и прежде подавляющее большинство читателей, приславших анкеты, считали, что нарушения «весьма распространены»: таких ответов было 87%. Сейчас их стало 96%! А вот как характеризовали и характеризуют «изменение ситуации за последние несколько лет» (рис. 1.19):

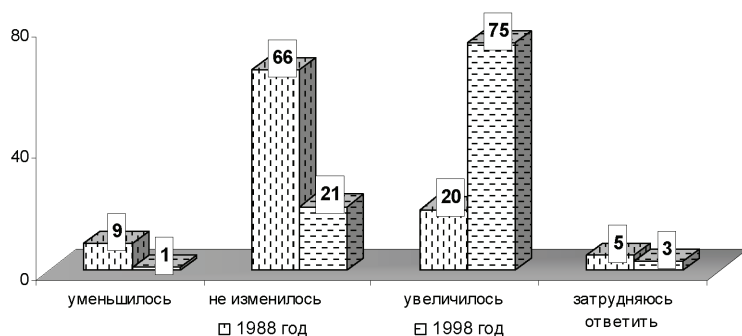

Рис. 1.19. Мнение читателей об изменении числа нарушений социальной справедливости (в %)

Увеличилось и количество тех, кому «довольно часто» приходилось сталкиваться со случаями проявления социальной несправедливости непосредственно по отношению к нему: с 53% в 1988 году до 67% в 1998 году. Как видим, *оценки справедливости свидетельствуют об ухудшении настроений, нарастании отрицательного отношения к окружающему.* И все же сравнение показывает, что и 10 лет назад мы были «не на высоте», о чем сейчас иногда забываем, идеализируя прошлое. Например, тех, кому *так или иначе* («довольно часто» или «иногда») приходилось сталкиваться с проявлениями несправедливости непосредственно по отношению к

нему, в 1988 году было 94%, а в 1998 году — 97%. Как видим, мы от плохого пришли к худшему.

Изменились представления о характере нарушения социальной справедливости. Ранее (в 1988 году) эти нарушения видели прежде всего в обеспечении продуктами питания (83% отметили позицию «часто») и промтоварами (76%), в получении жилья (78%). Сейчас наиболее остро переживаются нарушения, связанные с оплатой труда (86%), медицинским обслуживанием (85%), пенсионным обеспечением (78%) и устройством на работу (74%). Реже всего люди сталкиваются (и в 1988, и в 1998 году) с нарушением социальной справедливости в национальных отношениях. Национальные мотивы практически отсутствуют и при ответе на все другие вопросы, что радует и укрепляет позиции Одессы как этнически благополучного города.

На вопросы, относящиеся к проявлениям справедливости/несправедливости в коллективах организаций, предприятий, учреждений отвечали только работающие или учащиеся. 93% из них считают, что в их коллективе встречаются нарушения справедливости («часто» или «иногда»). Столько же читателей отмечало нарушения справедливости в коллективе и в 1988 году, но в 1998 году ответы смещаются в сторону «часто» (66% в сравнении с 59% в 1988 году). Иначе в 1988 году представляли себе и «изменение ситуации в коллективе за последние несколько лет». Тогда было в 7 раз больше, чем сейчас, тех, кто считал, что число нарушений уменьшилось, и в 4 раза меньше тех, кто отметил увеличение числа нарушения социальной справедливости «за последние несколько лет». Таким образом, изменение состояния справедливости, которое происходило в производственных коллективах в течение нескольких лет перед 1988 годом, оценивали как более благоприятное, чем то, которое произошло в годы, предшествующие 1998-му. Соотношение числа отметивших уменьшение нарушений социальной справедливости к числу указавших на их увеличение в 1988 году было 13 к 15. В 1998 году это отношение составило 2 к 57!

Отвечая на вопрос о том, в чем наиболее часто проявляются нарушения социальной справедливости в коллективе, прежде всего отмечают невыплату и задержку зарплаты, а также произвол руководства, бесправие на работе. И хотя первое — «невыплата зарплаты» — не имеет ни объяснения, ни оправдания, наиболее симптоматично — последнее. Тем более, что первое (невыплата, за-

держка), с нашей точки зрения, есть следствие второго. Тема *произвола и бесправия* (и у работающих, и у неработающих читателей) повторяется в различных вариантах. Характеризуя отношение людей к нарушениям социальной справедливости в коллективе в дополнение к имеющимся в анкете вариантам чаще всего дописывали *бессилие, страх потерять работу*. На боязнь *потерять работу, страх перед увольнением* преимущественно указывали и при оценке того, что «прежде всего мешает успешной борьбе с проявлениями социальной несправедливости в коллективе».

Анализ оценок состояния справедливости в производственных коллективах свидетельствует о том, что *тяжелое экономическое положение работающих в настоящее время сочетается с абсолютным пренебрежением элементарными принципами производственной демократии — вот, пожалуй, наиболее впечатляющий итог десятилетнего «реформирования» сферы труда*.

Отвечая на вопрос «Какие конституционные права и свободы чаще всего нарушаются в нашем обществе», чаще всего указывали на *право на труд, трудоустройство и оплату труда* (39%). Значительной оказалась и доля людей, которые считают, что нарушаются *все без исключения права* (28%). Что касается других конкретных прав, то в большей степени ссылались на образование и медицинское обслуживание и в меньшей — на отдых и жилье. В некоторых письмах обращали внимание на следующие статьи Конституции: 23, 24, 34, 43, 46, 49, 53, 56, 64, относящиеся к разделу II «Права, свободы и обязанности гражданина и человека». В указанных статьях определяются права на труд, развитие личности, охрану здоровья и медицинское обслуживание и др.

Два вопроса анкеты давали возможность выявить отношение к различным группам населения: спрашивалось, какие группы населения получают от общества значительно больше, чем дают, а какие — меньше. Соразмерность/несоразмерность получаемых от общества благ производимому вкладу в общественное дело — одно из важнейших проявлений справедливости/несправедливости. Уже в 1988 году четко обнаружилось «противостояние» «руководства» различного рода и уровня, с одной стороны, и «рядовых тружеников», с другой. На первом месте среди тех, кто получает от общества блага несоразмерно своему вкладу, находились «работники партаппарата», затем следовало «руководство, начальство вообще», работники советских органов (все вместе они набирали 67%), ра-

ботники торговли и сферы общественного питания (31%), кооператоры (9%) и пр.¹

В 1998 году представителей власти различного уровня (включая Президента и Кабинет Министров, депутатов), правоохранные органы и милицию, руководителей предприятий и организаций (включая жилкоммунхозы) называет подавляющее большинство читателей (85%), считая, что эти группы получают от общества больше, чем дают. За ними со значительным отрывом следуют бизнесмены, предприниматели и коммерсанты. Все они (иногда в письмах их называют «новыми украинцами») упоминаются значительно реже, чем представители власти и «руководство» (18%). 5% набирает «криминалитет» и только 3% — работники торговли.

Мнение людей о несоразмерности получаемых благ общественному вкладу преимущественно представителями власти и руководством организаций и предприятий обусловлено, как можно предположить, с одной стороны, *представлением об отсутствии каких-либо положительно влияющих на жизнь основной массы населения успехов руководства*. В присланных в редакцию письмах преобладает мотив «развала» и «разрухи», до которого довели «власти и руководство». С другой стороны, руководители различного уровня даже вполне официально (без учета коррупции и мздоимства) обеспечивают себя значительно лучше, чем раньше. Ссылаясь на особые экономические трудности и призывая население «потерпеть», представители власти и различные «руководящие работники» (включая депутатов) не адресуют эти призывы себе: даже их (включая депутатов) вполне официальные оклады и пенсии — стали значительно более высокими, чем раньше. Значительно увеличились и многообразные возможности обогащения, которых ранее не было. В данных обстоятельствах вполне уместен был бы лозунг: «Начни с себя» — и это как раз и было бы справедливо. *Двойной стандарт — это именно то, что имеет в данной ситуации решающее значение и обуславливает остроту восприятия несправедливости происходящего*. Этим объясняется тот факт, что в самых различных вариантах (как убедимся в этом и в дальнейшем) *несправедливость ассоциируется именно с представителями власти, руководством, начальством*.

¹ Сумма не равна 100%, т. к. можно было указывать на несколько групп.

Соответственно, на вопрос о том, «какие группы населения получают от общества меньше, чем дают», гораздо чаще, чем 10 лет назад, давали обобщающие ответы: «*все труженики*», «*все рядовые работники*», «*все, кроме руководителей*», «*все, кроме начальства*». Что касается конкретных групп, которые называются в этой связи, то это практически те же, что и 10 лет назад: рабочие и крестьяне, ИТР и специалисты сельского хозяйства, работники здравоохранения и образования. В 1998 году к ним добавились «*ученые*».

Несоразмерность затрат получаемым благам подтверждается и личным опытом приславших анкеты. Тех, кто считает, что получает от общества меньше, чем дает, в 1998 году стало значительно больше, чем в 1988. (Рис. 1.20.)

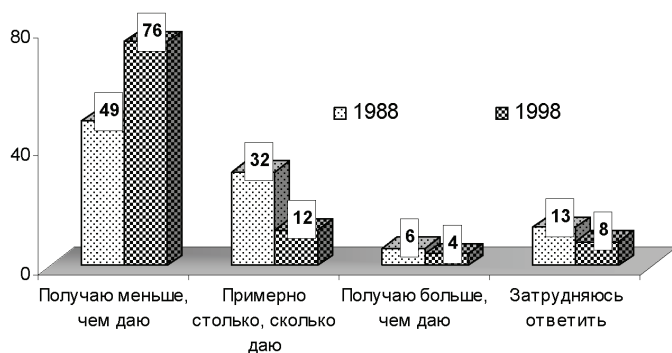

Рис. 1.20. Соответствует ли то, что вы получаете от общества, тому, что вы даете? (в %)

В некоторых письмах по поводу этого вопроса было сделано справедливое замечание. Пишут о том, что в формулировке вопроса должно значиться не только, что *даете*, но и что *давали*. Есть еще более радикальные замечания. Один из читателей пишет, что «...вопрос надо было сформулировать иначе: получают значительно меньше, чем давали и могли бы еще дать». Идея *невостребованности трудовых усилий и способностей* выражена наиболее определенно именно сейчас. В 1988 году речь шла в большей степени об *оплате труда*. В настоящее время, по мнению людей, нарушается прежде всего *право на труд*. Эта идея наиболее четко выражена в одном из писем: «Вопрос не учитывает один аспект проблемы, —

пишет читатель, — невозможность вполне реализовать свои возможности дать обществу что-либо. Вынужденно безработный не может получить потому, что не может дать».

Нарушители социальной справедливости — это преимущественно те же группы, которые получают от общества несправедливо много. На тех, с кем связывают нарушение социальной справедливости чаще всего, возлагают и *ответственность за ее нарушение*: на органы власти в этой связи указало 73% приславших анкеты. Во вторую очередь ответственность возлагают на «общественное устройство» (48%), на 3-м месте — правоохранительные органы (19%). Значительно меньшее число читателей считает, что за нарушения справедливости ответственны «в равной степени все люди» и еще меньшее число людей отметило: «только конкретный виновник нарушения» (2%). *Таким образом, ответственность за нарушения справедливости возлагается преимущественно на группы, находящиеся у власти и осуществляющие руководство: кому больше дано, с того и больше спрашивают.* В данном случае мы опять сталкиваемся с критическим отношением, общим недоверием к власти и «руководству» в любых его ипостасях.

Обратная сторона этого недоверия — пассивность людей. По мнению читателей, люди преимущественно пассивно относятся к нарушениям социальной справедливости. Оценивая *отношение людей к нарушениям справедливости в коллективах*, и ранее (в 1988 году), и теперь чаще всего указывали на позицию: «осуждают несправедливость лишь в разговорах с товарищами, открыто против нее не выступают». На такое отношение к нарушениям справедливости в 1988 году указало 47% читателей, а в 1998 году — 59%. 10 лет назад 41% ответивших на данный вопрос считали, что люди так или иначе *противодействуют* нарушениям (в какой-то степени проявляют активность), 59% указывали на *пассивное* отношение к нарушениям социальной справедливости в производственных коллективах. В 1998 году отношение активных — 29 к 68 пассивных.

Складывалась казалось бы странная, противоречивая ситуация: *с одной стороны, признают, что несправедливость все более распространяется, количество нарушений увеличивается, с другой стороны, констатируют, что противодействуют этому нарушению все меньшее число людей.* Оказывается также, что характеристика поведения *других* отличается от оценки *своего* поведения. Отвечая в 1998 году на вопрос «Как вы ведете себя в случаях проявления со-

циальной несправедливости по отношению к вам?», на *активное* поведение указало 65%, на *пассивное* — 32%. И точно так же ответили на этот вопрос 10 лет назад! Тогда соотношение *активных* и *пассивных* было 65 к 33. Это говорит о том, что в сознании людей *непротиводействие нарушениям справедливости не одобряется, пассивность порицается*, а именно порицаемое мы в большей степени склонны приписывать другим, чем себе. И этот стереотип сознания (порицание пассивности), к счастью, довольно стоек, что объясняет сходство оценок, сделанных 10 лет назад и теперь.

Незначительно отличаются (при сравнении результатов опросов 1988 и 1998 годов) и ответы на вопрос «Успешны ли были ваши действия против социальной несправедливости, допускаемой по отношению к вам?». Когда же оценивают борьбу с несправедливостью «других» (в коллективе), то она оказывается, *во-первых*, менее успешной, чем личная борьба. *Во-вторых*, увеличение в направлении безуспешности выражено здесь более определенно, чем в случае личного опыта: на безуспешность борьбы в производственных коллективах в 1998 году указало на 14% больше, чем в 1988, а на безуспешность личной борьбы только на 6% (рис. 1.21).

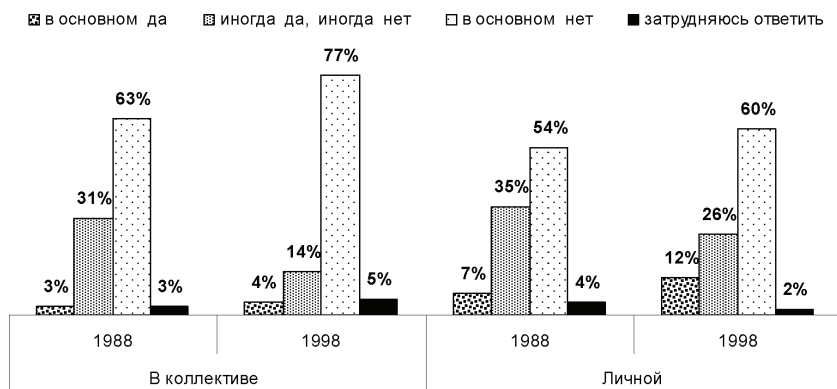

Рис. 1.21. Успешность борьбы против несправедливости (в %)

Что же, по мнению читателей, прежде всего мешает бороться с несправедливостью, которая допускается по отношению к ним лично? На первом месте здесь опять-таки представители власти, чиновники, руководство — *их вседозволенность, алчность, коррумпированность, безнаказанность, круговая порука и безразличие к*

людям — все это главные препятствия для успешной борьбы с несправедливостью (45%). Но что примечательно: читатели признают, что их собственные недостатки и пороки окружающих их людей (как следует полагать, «простых», «рядовых») мешают в борьбе с несправедливостью даже в большей степени, чем общественное устройство, система хозяйствования, отсутствие четкого законодательства и другие объективные причины (30% в сравнении с 23%).

Многие отрицательные качества людей (часто их самокритично относят к своим собственным) мешают борьбе с несправедливостью: *равнодушие, пассивность, инертность, рабское самосознание, холопство, подхалимство, трусость, страх*. Среди препятствий особое место занимают *неорганизованность и разобщенность*. В некоторых письмах пытаются объяснить происхождение пассивности, ссылаясь на тяжелейшее материальное положение, на то, что все силы уходят на борьбу за выживание. Участник Отечественной войны, который 50 лет «трудился на заводе», пишет следующее: «Суровая борьба с бедностью убила у меня смелость и способность выступать за пределы этой борьбы». Но, как можно предположить, страх и боязнь проявить себя — это и наследие тоталитарного прошлого. Не случайно некоторые читатели не указывают свой адрес и фамилию, а среди тех, кто это делает, есть и те, которые просят их фамилии не называть.

Мнение людей о том, что мешает в борьбе с несправедливостью, как и другие данные, о которых писалось выше (кто прежде всего нарушает справедливость, в чем эти нарушения состоят, кто получает от общества больше, чем дает, и кто меньше, кто несет основную ответственность за нарушения социальной справедливости), свидетельствуют, с нашей точки зрения, о следующем: *на фоне четко выраженного противопоставления «верхов» и «низов» широкое распространение получило состояние безысходности и бесперспективности, сознание того, что от усилий и активности рядовых («простых») людей ничего не зависит*.

Тема «верхов» (их произвола и привилегий) и «низов» (дефицит благ безотносительно трудовому вкладу) четко обозначилась уже 10 лет назад. Однако тогда не столь широко было распространено чувство безысходности и бессилия. Хотя и в 1988 году в письмах встречались неутешительные пророчества (некоторые из них приведены в эпиграфе к статье). И все же 10 лет назад у значительной части людей была надежда, что ситуация, когда «честный труд не

в моде» (из письма тех лет), со временем будет преодолена. *Теперешнее состояние бесперспективности — результат не только экономической разрухи, но и свидетельство именно того, что наши «демократические завоевания» весьма сомнительны.* Демократия ведь не просто «говорение» (говорю, что хочу), а *необходимые условия для того, чтобы воздействовать на то, что происходит вокруг нас* (как минимум на работе или в домах и дворах, в которых мы живем). *Демократия — это и практические условия для реализации элементарных человеческих прав.* Но с этим, как считают читатели и в чем убеждается практически каждый из нас, дело обстоит как раз хуже всего.

Как свидетельствуют ответы на вопросы анкеты, а также при-
сланные письма, дело не только в экономических трудностях и бедствиях. Главное в *несправедливости лишений, порожденных произволом и беззаконием, безответственностью, безнравственностью и глупостью руководства.* Именно это порождает чувство бесперспективности и бессилия.

В письмах приводятся многочисленные *примеры беззакония и произвола, за которые никто не несет ответственность.* Моряк теплохода «Глобал Винд», рассказывая о несправедливости, которую пришлось испытать экипажу теплохода, заключает: «Мы стали белыми рабами». Читательница Бурдейная Г.М. пишет о разрекламированном в государственных газетах, по радио и телевидению пенсионном фонде «Оберіг», «который окончательно догребил пенсионеров и скрылся в неизвестном направлении». Другая читательница подробно описывает, как трагически повлияло на жизнь всех членов ее семьи плохое медицинское обслуживание. «В настоящее время оно таково, — пишет она, — что можно с уверенностью сказать: против народа Украины ведется геноцид». Многие читатели рассказывают о бесчинствах жилкоммунхозов, которые поощряют всевозможные незаконные строения во дворах, не считаются с жильцами, игнорируют их интересы. Имея в виду плохое качество коммунальных услуг и, в частности, теплоснабжения, один из читателей пишет: «Где та организация, в которую можно обратиться по подобным вопросам, и она будет заниматься изучением проблемы и облегчения положения в части защиты рядовых граждан?». Рассказывается и о грубом обращении с пенсионерами чиновников из облсобеса и Овидиопольского собеса (приводятся конкретные имена). Письма

наших соотечественников невозможно читать без боли и тяжких раздумий.

«Что надо еще от нас, чтобы нам всем было хорошо?» Такой вопрос задает один из читателей. Замечу, читатель пишет: что нужно *от нас*. Анализ ответов и писем свидетельствует о том, что люди не только признаются в своей пассивности и бессилии, но и испытывают неловкость от этого, стыдятся своей пассивности. Не случайно они достаточно самокритично ответили на вопрос, что мешает бороться с несправедливостью. И все же преимущественно винят руководство, его произвол и безнаказанность, с чем трудно не согласиться. Но не от нас ли в конечном счете зависит и то, какое у нас руководство и куда оно нас ведет?

Размышляя над вопросом, который задал читатель (что надо *от нас*), вспоминаешь притчу о лягушках, попавших в кувшин с молоком. Одна сложила лапки и утонула. Другая активно работала лапами, усиленно барахталась, взбила масло и спаслась. Но и то верно: не из каждого молока получается масло, и любых усилий может оказаться недостаточно. И, тем не менее, пассивность и отчаяние не приведут нас к лучшей жизни — это уж точно.

Так я писала в 1998 году. В 2005 — я уже усомнилась в том, что из нашего «молока» получится «масло». Особо хотелось бы обратить внимание на значимость заключения, которое было сделано в тот период нашими респондентами, диагностирующими происходящее: положительные результаты вряд ли достижимы из-за неорганизованности и разобщенности людей. Обращалось внимание на симптомы этой «болезни» и указывалось на то, чем она порождена: люди поглощены борьбой за выживание. Эта ситуация постоянно воспроизводится, ибо важным фактором ее поддержания является произвол власти, ее безразличие к нуждам людей, незаинтересованность в том, чтобы основная масса населения имела благоприятные условия для организованного отстаивания своих интересов.

Приведу в связи с этим заключение справки, разосланной нами тогда в различные организации: «Считаем, что результаты прессовых опросов не должны оставаться без внимания — их необходимо учитывать в партийно-хозяйственной и идеологической работе. Целесообразно результаты прессовых опросов обсуждать с партийно-хозяйственным активом. Необходимо создать в городе дискуссионный клуб «Общественное мнение», на заседаниях которого обсуждать и анализировать результаты опросов, определять

практические меры по реализации (или нейтрализации) оценок и суждений, выраженных в опросах. Особое значение работа эта приобретает в период подготовки и проведения избирательной кампании по выборам в местные Советы».

*Такой клуб не был создан ни тогда, ни позже. Нет его и сейчас, как и нет опросов, которые давали бы информацию об оценке населением складывающихся **социально-экономических отношений, особенно трудовых и тех, которые направлены на обеспечение необходимых условий жизнедеятельности населения.** Опросов, результаты которых широко обсуждались бы, а главное — учитывались в государственной политике. Но если ситуация повторяется вновь и вновь, то возникает вопрос: случайно ли это?*

II. ОПРОСЫ 1990–1991 ГГ. УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА ПЕРЕСТРОЙКИ

Подводя в начале 1990 года общие итоги проведенных ранее опросов, мы сделали следующее заключение: «Насколько устойчивыми окажутся выявленные тенденции и, в частности, пессимистические оценки происходящего, покажет время. Не исключено, что они носят ситуативный характер и обусловлены, прежде всего, эмоциональным и интеллектуальным воздействием тех или иных событий. Не исключено также, что со временем будет происходить «угасание» этих тенденций. Ведь общественное мнение, настроение крайне динамичны, зачастую неустойчивы, постоянно меняются под воздействием различных обстоятельств. И тем более важно постоянно следить за пульсом общественного мнения, динамикой настроений».

Однако выявленные тенденции оказались довольно-таки устойчивыми, а мнения и настроения не «сиюминутными», а постоянно воспроизводимыми, свидетельствующими о дальнейшем углублении кризиса так называемой «перестройки». Именно такое заключение следует из анализа результатов репрезентативных опросов, проводимых уже по месту жительства в Одессе и Одесской области в 1990–1991 годах.

Регулярные репрезентативные опросы по месту жительства социологическая группа Одесского госуниверситета начала проводить с конца 1989 года. Опросы 1990–1991 годов, как правило, проводились по области, поэтому была возможность сравнить оценки и ориентации жителей Одессы, малых городов и поселков городского типа, а также жителей села. Первый опрос был проведен в самом конце 1989 — начале 1990 года. Далее он везде представлен как опрос января 1990 года. В этом же году репрезентативные опросы были проведены в феврале и в мае. 1991 год был годом, когда опросы оказались наиболее востребованными и проводились совместными усилиями сотрудников социологической группы Одесского госуниверситета и вновь образованного исследовательского социологического центра «Пульс».*

Социологическая группа университета имела госбюджетное финансирование. По заказу Минвуза УССР в 1990 году выполня-

* Описание массивов см. в Приложении 2.

лась НИР «Исследование общественного мнения населения области по актуальным социально-экономическим проблемам как средство привлечения различных социальных групп к управлению», а в 1991 году — «Этно-политические процессы в Южно-Украинском регионе». Именно в рамках этих двух тем в этот период анализировались статистические данные и документы, проводились опросы, которые давали представление о складывающейся в области ситуации, а также об отношении населения к происходящим процессам. Тогда научная работа социологов еще финансировалась государством, и была, таким образом, возможность собрать необходимый материал и осуществить научный его анализ.

1. УРОВЕНЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ОЦЕНКА. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Материальный уровень жизни как показатель благосостояния.*

Если под благосостоянием понимается обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными благами, т. е. предметами, услугами и условиями, удовлетворяющими определенные человеческие потребности, то степень этой обеспеченности обычно обозначается понятием «уровень жизни». Уровень жизни характеризуется системой количественных и качественных показателей: объемом реальных доходов на душу населения, уровнем и структурой потребления продовольственных, непродовольственных товаров и услуг, уровнем и динамикой цен на основные предметы потребления, размером квартирной платы, тарифов коммунальных и транспортных услуг, продолжительностью рабочего дня и рабочей недели, жилищными условиями, уровнем образования, медицинского обслуживания, средней продолжительностью жизни, в интересующем нас периоде — объемами выплат и льгот из общественных фондов потребления — и др.

Для характеристики уровня жизни в государственной статистике прежде использовался такой показатель, как среднедушевой

* Использованы материалы, подготовленные в 1990 году Г.П. Бессокирной и Н.И. Тимофеевой.

совокупный доход населения. Это синтетический показатель, в состав которого в 1989–1990 гг. входили заработная плата, пенсии, стипендии, доходы от личного подсобного хозяйства, а также выплаты и льготы из общественных фондов потребления (ОФП). Но в связи с тем, что выплаты и льготы из ОФП были не только трудноучитываемой частью дохода, но и крайне непропорционально распределялись между отдельными группами общества (о чем, в частности, свидетельствовали многие проведенные в тот период специальные социологические исследования), в 1990 году для характеристики уровня жизни мы использовали величину среднемесячного денежного дохода на одного члена семьи. Он получался путем деления суммы всех зарплат, пенсий, стипендий, пособий, доходов от личного подсобного хозяйства и других дополнительных заработков, получаемых семьей, на число членов семьи.

Материальное вознаграждение в виде заработков для основной массы населения было в тот период основным средством поддержания определенного уровня жизни. По оценкам экономистов того времени доход более чем на две трети состоял из заработков.

Уровень жизни населения выяснялся на основе анализа статотчетности, характеризующей социальную ситуацию в области, а также посредством проведенных опросов.

Статистические данные о социальной ситуации в регионе. Состояние социальной ситуации анализировалось с использованием относительных показателей, т. е. были приведены данные в расчете на душу населения или определенное число жителей (например 1000 или 10000 человек). Все показатели сопоставлялись с аналогичными показателями для УССР и СССР. При наличии соответствующих данных определялось место (ранг) Одесской области среди 25 областей Украины и место (ранг) Одессы среди 30 городов-столиц союзных республик и городов-миллионеров СССР. В ряде случаев осуществлялось сравнение сложившейся ситуации с имеющимися нормативами развития социальной сферы (подробнее см. Приложение 5).

Демографические характеристики и расселение в регионе. (Краткая справка.) Численность населения Одесской области на начало 1990 года составляла 2642 тыс. человек (5,1% населения республики).

В Одесской области (особенно в Одессе) была относительно благоприятная ситуация с обеспеченностью трудовыми ресурсами. Показатель «удельный вес населения в трудоспособном возрасте» был

выше, а показатели «удельный вес населения старше трудоспособного возраста», «число пенсионеров» — ниже аналогичных показателей для СССР.

Рождаемость в Одесской области в 1989 году была практически такой же, как в Украине, но ниже, чем в СССР в целом. Низкой была рождаемость в Одессе: если Одесская область находилась по естественному приросту населения примерно «в середине» среди 25 областей УССР, то Одесса с 1986 года занимала по данному показателю предпоследнее место среди 30 городов — столиц союзных республик и миллионеров (на последнем была Москва).

Одесская область была самой большой по территории областью Украины с плотностью населения (число человек на 1 кв. км) более низкой, чем в Украине в целом. Городское население составляло 66%. Большинство населения проживало в сельской местности (34%) и поселках городского типа, малых и средних городах (24%). В единственном крупнейшем городе — Одессе проживало 42% населения области.

Занятость, оплата труда, доходы, социальные блага. В государственном секторе на 1 июля 1989 г. в Одесской области было занято 65,7% трудовых ресурсов, в колхозах — 13,6%, в кооперативах и сфере индивидуальной деятельности — 1,7%, на учебе — 7,3% (аналогичные цифры в Украине в целом составляли соответственно — 71,8%, 11,9%, 0,9% и 6,8). Основные сферы занятости в государственном секторе: промышленность (26,2%), транспорт (13,8%), народное образование (10%), торговля и общественное питание (9,6%), сельское хозяйство (9%), строительство (8,4%), здравоохранение (8%).

Размер среднемесячной зарплаты рабочих и служащих в народном хозяйстве Одесской области был меньше, чем в Украине и в СССР в целом. При этом если в 1980 г. Одесская область занимала 6-е место среди 25 областей УССР, то в 1988–1989 годах не выше 9-го. По показателю «среднемесячная оплата труда колхозников» регион переместился с 12-е (1980 г.) на 14-е место (1988 г.) *Среднедушевые совокупные доходы как рабочих и служащих, так и колхозников в Одесской области были ниже, чем в Украине, и составляли соответственно в 1969 г. 156 руб. и 134 руб. (в месяц).*

По обеспеченности жильем Одесская область к 1989 году находилась на 21-м месте среди 25 областей УССР. Еще ниже этот показатель был в городских поселениях области. Одесса по обеспе-

ченности жильем занимала 21-е место среди 30 городов-столиц союзных республик и городов-миллионеров страны.

По производству *товаров народного потребления* «на душу населения» Одесская область занимала 9-е место среди 25 областей Украины (7-е место — по производству продовольственных товаров, 20-е место — по производству непродовольственных товаров и 21-е место — по производству товаров легкой промышленности). Анализ данных о потреблении основных продуктов питания на душу населения в Одесской области (за 1980—1988 гг.) свидетельствовал об отсутствии тенденции роста потребления основных продуктов питания, хотя уровень потребления многих из них был далек от установленных на то время норм потребления.

К 1989 году Одесская область занимала 2-е место среди областей УССР по *объему платных услуг* (в расчете на одного жителя). Однако в структуре затрат семьи (в процентах к совокупному доходу) затраты на оплату услуг составляли только 10-11%. В общем объеме розничного товарооборота и платных услуг в Одесской области доля кооператоров составляла тогда менее 3%. *Эта доля была выше, чем в Украине и в СССР (1% и 1.5% соответственно).*

Относительно низкими в регионе были такие показатели здоровья и медицинского обслуживания, как продолжительность жизни и младенческая смертность. Число детей, умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся, в области и даже в Одессе было выше среднереспубликанского уровня. Ниже норматива в области был такой показатель, как «обеспеченность средним медицинским персоналом», и такой, как «обеспеченность больничными койками». По последнему показателю (он был на 7% ниже норматива) область занимала одно из последних мест среди 25 областей республики, а Одесса — 27-е место среди 30 городов-столиц союзных республик и городов-миллионеров. Ниже норматива был и показатель обеспеченности населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями (в регионе на 23%, в Одессе — на 18%).

Неблагополучие имело место и в сфере народного образования. Здесь обращали на себя внимание необеспеченность детскими дошкольными учреждениями: в регионе в целом перегрузка в них была существенно выше среднеукраинского и среднесоюзного показателей, а также недостаточная обеспеченность местами в общеобразовательных школах. В Одессе в 1989/90 учебном году каждый третий школьник (33%) занимался во вторую смену.

Все это, несомненно, сказалось на оценках, которые население давало своему материальному положению, на мнениях, которые высказывались по этому поводу, на том, какие именно социальные проблемы население считало первоочередными для решения.

Уровень жизни населения в мнениях и оценках. В ходе опроса опрашиваемым предлагалось: указать размер среднемесячной заработной платы, оценить, насколько он справедлив, соответствует ли величине трудового вклада; сообщить величину среднедушевого дохода; дать оценку уровня жизни своей семьи, а так же выразить удовлетворенность/неудовлетворенность уровнем жизни.

В мае 1990 года, согласно оценкам респондентов, доход на члена семьи у 56% респондентов составлял 100 руб. в месяц, причем 27% из них располагали доходом до 75 руб., т. е. находились за «чертой бедности»¹. По мнению респондентов, средняя величина среднедушевого дохода, обеспечивающая нормальный уровень жизни, должна составлять 195 руб. хотя при сравнении этой величины с расчетами специалистов того периода — эта цифра даже несколько занижена. Однако средняя величина реального дохода составляла — 109 руб., т. е. уровень притязаний относительно величины среднедушевого дохода населения в целом был приблизительно в два раза выше реального дохода. *Иными словами, по оценкам респондентов, их реальный денежный доход был в два раза ниже того, который обеспечивал бы, по их мнению, нормальный уровень жизни.*

На несправедливость оплаты труда указало 60% населения; примерно каждый четвертый опрошенный вынужден был подрабатывать. Почти половина респондентов были неудовлетворены уровнем жизни (47%) и оценивали свой жизненный уровень «ниже среднего» (41%)². Оценка уровня жизни проводилась по пятичлен-

¹ Прожиточный минимум или минимальный потребительский бюджет, который рассматривался как «порог бедности» представлял собой объем товаров и услуг (выраженный в ценах реальных покупок), который позволял человеку удовлетворять минимально допустимые в то время (с научной точки зрения) потребности. По расчетам Госкомтруда и Госкомстата СССР прожиточный минимум в 1988 году в среднем по стране составлял 78 руб. В 1990 году по данным «Аргументов и фактов» (№ 14, 1990 г.) он характеризовался величиной в 100 руб.

² Шкала имела следующие позиции: существенно выше среднего, выше среднего, примерно средний, ниже среднего, значительно ниже среднего, затрудняюсь ответить.

ной шкале при помощи вопроса анкеты: «Как вы оцениваете уровень жизни своей семьи?» (последний характеризовался жилищными условиями, наличием дорогостоящих товаров длительного пользования, мебели, телевизоров, холодильников, автомобилей и др. сбережениями, возможностями для путешествий и т. д.)

Величина дохода не устраивала большинство опрошенного населения области (индекс удовл. = — 12, в Одессе — 19). Как и следовало ожидать, самый высокий процент неудовлетворенных уровнем жизни был в группе малообеспеченных лиц с величиной дохода до 100 руб., находящихся за чертой и на пороге бедности. Дальше по мере возрастания величины дохода значения индексов удовлетворенности уровнем жизни, его оценки постепенно повышались, и в группе с доходом свыше 175 руб. индекс приобретал положительное значение. Таким образом, *в тот период среднедушевой доход в размере свыше 175 руб. являлся своего рода порогом, при переходе через который 8 из 10 человек были удовлетворены материальным уровнем жизни семьи.* С величиной среднедушевого дохода были тесно связаны также и социальные настроения трудящихся: удовлетворенность жизнью в целом и уверенность в завтрашнем дне. Самые низкие оценки, как и предполагалось, были у малообеспеченных лиц с величиной дохода до 100 руб. С увеличением дохода и ростом оценок уровня жизни увеличивались показатели «удовлетворенность жизнью в целом» и «уверенность в завтрашнем дне».

Для оценки уровня жизни определялось также *соотношение между представлениями населения о реальных и желаемых доходах.* В анкете опрашиваемым предлагалось указать величину среднедушевого реального дохода семьи и определить тот размер дохода, который, по их мнению, необходим для удовлетворения нормального уровня жизни. Анализ полученных данных показал, что соотношение между величиной «реального» и «нормального» дохода не зависело от места проживания. Разрыв в процентном выражении между размерами среднедушевого денежного дохода и необходимого для обеспечения «нормального» уровня жизни, по оценкам респондентов, проживающих в разных типах поселений (городах, пгт и селах), был примерно один и тот же, но в большей степени его ощущали одесситы (рис. 2.1).

Однако наблюдались и характерные отличия в оценках уровня жизни респондентов, проживающих в поселениях разного типа:

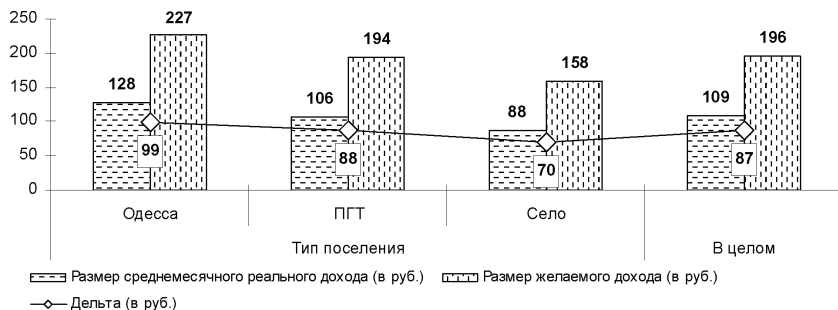

Рис. 2.1. Оценка респондентами размеров доходов в зависимости от типов поселения

в городах, пгт и селах. По основным субъективным показателям уровня жизни более благоприятное положение было у сельских жителей. Удовлетворенность уровнем жизни у них значительно выше, чем у горожан. И это несмотря на то, что у сельских жителей примерно на 1/3 меньше была величина среднемесячного дохода, почти в 3 раза больше лиц с доходом до 75 руб., а каждый третий вынужден был подрабатывать (таблица 2.1). Более высокие оценки уровня жизни и удовлетворенности им, повидимому, можно объяснить более низким по сравнению с горожанами уровнем притязаний, а также обеспеченностью основными продуктами питания, благодаря личному подсобному хозяйству.

При этом большинство населения области (60%) считали оплату своего труда несправедливой (только четверть опрошенного населения считали оплату справедливой, а 15% затруднились ответить на этот вопрос). Самыми требовательными оказались одесситы: 68% из них оценивали свою зарплату как несправедливую. Более того, население пессимистически оценивало свои успехи в борьбе с несправедливостью: индекс оценки = -32. И более всего пессимистами были жители малых городов и пгт (индекс их оценки успешности борьбы с несправедливостью равен -43, у одесситов он был равен -32, а у жителей села равен -27). Люди не уверены были в солидарности своих соотечественников в борьбе с несправедливостью — ответ на вопрос, «поддержат ли их в случае конфликта с официальными лицами или организациями»: 60% опрошенного населения области выразило неуверенность, а 29% выб-

рало вариант «трудно сказать». Самый низкий индекс оценки уверенности у одесситов (–55), затем у жителей малых городов и и пгт (–52) и жителей села (–41).

Таблица 2.1

Показатели оплаты труда и уровня жизни респондентов в зависимости от типа поселения (май 1990 года)

Показатели оплаты труда и уровня жизни	Тип поселения			В целом
	Одесса	пгт	Село	
Величина среднемесячного дохода (в руб.)	128	106	88	109
Лица с доходом менее 75 руб. (в %)	16	29	47	29
Подрабатывают (%)	20	17	34	24
Удовлетворенность уровнем жизни (индекс)	-19	-18	0	-13
Неудовлетворены уровнем жизни (%)	47	46	34	41
Оценка уровня жизни (индекс)	-25	-26	-19	-23
Оценивают уровень жизни «ниже среднего» и «значительно ниже среднего»(%)	43	44	34	40

В ходе опроса респондентам предлагалось самим оценить уровень жизни своей семьи. В целом «существенно выше» и «выше среднего» оценили свой уровень жизни только 4% опрошенных, отнесли жизненный уровень к «примерно среднему» — 52%, «ниже среднего и значительно ниже среднего» — 41%, затруднились ответить на этот вопрос — 3%. Сравнение этих данных с данными по стране в целом, полученное ВЦИОМом (оценки уровня жизни в обоих случаях осуществлялись по пятичленной шкале), показало, что для одесситов характерны более низкие оценки уровня жизни: среди них был больше удельный вес лиц, которые оценивали свой уровень жизни «ниже среднего» и «значительно ниже среднего» и в то же время меньше удельный вес опрошенных, оценивающих свой уровень жизни «как средний» и «выше среднего».

Итак, все используемые субъективные показатели свидетельствовали о том, что в 1990 году большинство населения низко оценивало свой уровень жизни, было неудовлетворено им. Уровень благосостояния населения области являлся крайне низким и в абсолютном, и в

относительном выражении. Об этом свидетельствовали и анализ данных официальной статистичности, а также мнения и оценки самого населения.

Отсутствовала устойчивая тенденция улучшения показателей ввода в действие жилья, детских дошкольных учреждений. В 1989 г. показатели были ниже, чем в 1988 г. *За годы перестройки (1986—1989 гг.) снижался уровень потребления некоторых основных продуктов питания, хотя их потребление и так было ниже рациональных норм.* Эта тенденция отразилась и в сознании респондентов: в их мнениях и оценках, в представлениях о том, какие первоочередные задачи необходимо решать.

Актуальность проблем, требующих первоочередного решения. В ходе изучения общественного мнения населения Одесской области в 1990—1991 гг. выяснялись представления о наиболее актуальных проблемах жизни общества, о задачах, требующих первоочередного решения.

Согласно опросу, проведенному в январе 1990 года, наиболее актуальными и для Одесской области и для Украины в целом опрошенные считали проблемы благосостояния. При этом проблемы благосостояния в Одесской области переживались острее, чем по Украине в целом. Но в меньшей степени в нашей области были озабочены проблемами экологическими, как и проблемами экономики. (Рис. 2.2.)

Проблемы благосостояния были наиболее актуальны для жителей всех типов поселения, но особенно для сельских жителей: здесь на них указали 80% опрошенных, тогда как в Одессе 52%, а в малых городах и пгт — 64%. В Одессе треть опрошенных указала также на актуальность проблем экологии. Обращали на себя внимание два обстоятельства: 1) *население различало возможности, которые имеются для решения проблем на разных уровнях* (например, возможности решения проблем экономики и экологии в масштабах республики значительно большие, и частота выбора этих проблем применительно к региону и республике соответственно различается); 2) особая актуальность для жителей села проблем благосостояния, тогда как крестьяне в сравнении с горожанами более высоко оценили материальный уровень своей жизни и более были удовлетворены им. Это свидетельствовало о том, что *в представлениях населения благосостояние не исчерпывалось материальным уровнем жизни.*

При опросе в мае 1990 года проблемы были конкретизированы: были указаны именно те из них, которые характеризовали благосостояние. В целом для Одесской области первоочередными проблемами благосостояния являлись: обеспечение продуктами питания, жилищная проблема, благоустройство населенных пунктов, медицинское обслуживание и обеспечение промышленными товарами. *Первоочередной проблемой в регионе было обеспечение продуктами питания. У жителей села на первый план вышло «благоустройство населенного пункта».* Среди других наиболее важных проблем благосостояния: бытовое обслуживание, строительство детских дошкольных учреждений, школ, работа общественного транспорта. (Таблица 2.2.)

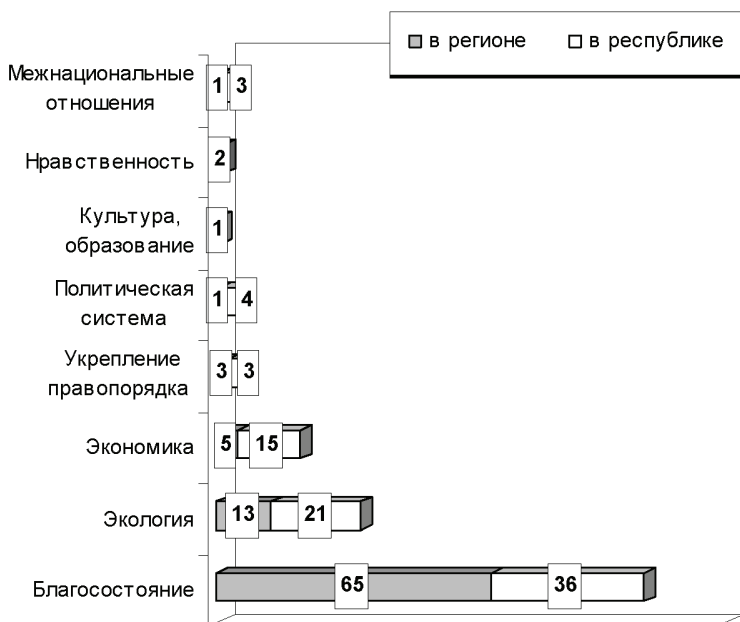

Рис. 2.2. Мнение населения об актуальности проблем в регионе и республике (% отметивших одну, самую главную)

Таблица 2.2

Оценки актуальности проблем благосостояния в регионе в зависимости от типа поселения (% респондентов, считающих, что данную проблему новые Советы должны решать в первую очередь)

Проблемы	Одесса	Малые города и пгт	Села	Обл. в целом
Обеспечение продуктами питания	43	49	42	46
Жилищная	37	49	26	37
Благоустройство населенного пункта	24	29	46	33
Медицинского обслуживания	28	34	34	33
Обеспечения промышленными товарами	25	32	32	30
Бытового обслуживания	13	19	23	18
Строительство детских дошкольных учреждений, школ	16	18	19	8
Работа общественного транспорта	11	17	12	146

В апреле 1991 года содержание «первоочередных» проблем для населения Одесской области практически не изменилось (задавался «открытый вопрос»: «Какой, по вашему мнению, самой важной проблемой должны заняться местные советы?»). Отвечая уже «без подсказки», что и предполагается в открытых вопросах, треть опрошенных указали на «повышение жизненного уровня», еще примерно треть — на «обеспечение продуктами питания». Затем шли экологические проблемы (12%), благоустройство населенных пунктов (11%), строительство жилья, укрепление правопорядка (7%).

Положение в 1991 году усугубилось в связи с так называемой «реформой цен», которая еще в большей степени понизила жизненный уровень основной массы населения. В то время как реформа эта была санкционирована свыше и рассматривалась как одна из мер, необходимых для выхода из экономического кризиса, население придерживалось иной точки зрения: 81% опрошенных в Одесской области отрицательно ответили на вопрос: «Поможет ли, по вашему мнению, повышение цен оздоровить нашу экономику?». Замечу, что в дальнейшем правильность такой «оздоравливающей» меры экономики подтвердилась.

Резкое повышение розничных цен на потребительские товары и услуги (по оценкам независимых экспертов в среднем по стране в 2,6 раза) вынуждало население искать выход из создавшегося

положения. Большинство опрошенных (60%) собирались «больше и лучше работать на своем рабочем месте». Причем если среди одесситов таких было 49%, то среди жителей села — 71%. Около половины опрошенных были ориентированы на переход на другую работу, где больше платят (таких более, чем в Одессе и в селе, было в малых городах и пгт. Значительно меньше (около трети) было тех, кто собирался открыть «собственное дело», *но это в два раза больше, чем по СССР в целом*. Менее всего в нашем регионе рассчитывали на «собственное дело» в малых городах и пгт (19%) и более всего — в Одессе (35%). *Наиболее ориентированы были на занятие частным предпринимательством руководители предприятий, организаций, колхозов (56%). Это интересные данные, во многом проясняющие то, что происходило в дальнейшем и, в частности, специфику нашей приватизации.* Ориентированных на «собственное дело» было немало и среди учащихся вузов и средних учебных заведений (35%), ИТР — производителей и специалистов сельского хозяйства (33%).

Лишь пятая часть опрошенного населения намерена была активно протестовать против повышения цен (в большей степени ИТР и специалисты-производители — 30%). Возможно, *эта пассивность была связана с неверием в то, что активный протест что-либо изменит: 41% опрошенных считали, что бесполезно что-либо предпринимать.*

Хотя полагающиеся доплаты к зарплате, пенсиям и стипендиям, как выяснилось в опросе, получило большинство (83%), эти доплаты не компенсировали те потери, которые понесло население в связи с реформой цен. В опросе выяснилось также, что плохо обстояло дело с компенсацией для детей: выплаты получили лишь две трети тех, кто имел на это право. В целом, таким образом, *предпринимаемые «меры» не улучшали, а лишь ухудшали то тяжелое положение, которое сложилось к 1989 году. При этом много разговоров с начала перестройки велось именно о необходимости решения проблем труда и заработной платы, повышения жизненного уровня населения.* Принимались различные документы, которые, якобы, должны были создать все условия для скорейшего решения этих проблем. Мы изучили эти документы (подготовленные после провозглашения «перестройки»), осуществив их качественно-количественный анализ (так называемый контент-анализ) и пришли к неутешительным выводам.

Социальная политика в официальных документах. Контент-анализ официальных документов по вопросам социальной политики был проведен в 1990 году Г.П. Бессокирной и О.Р. Лычковской в два этапа. На первом этапе осуществлен контент-анализ всей совокупности официальных документов по 5 характеристикам. На втором — контент-анализ выборочной совокупности официальных документов (методика контент-анализа содержится в Приложении 4).

Авторами анализируемых документов являлись Совет Министров и ЦК КПСС (совместно или раздельно). Распределение документов по годам издания было следующим: 1985 — 18 документов, 1986 — 16 документов, 1987 — 36 документов, 1988 — 15 документов. В последние два года основным автором документов стал Совет Министров. Если в 1985–86 гг. Совет Министров участвовал в разработке 25 из 34 документов, то в 1987–88 гг. Совет Министров участвовал в разработке 46 из 51. В 1988 г. Совет Министров подготовил 8 из 15 документов.

В большинстве документов освещались вопросы благосостояния, а в трети документов — вопросы труда. Как правило, рассматривались отдельные вопросы благосостояния или труда во взаимосвязи с другими сферами жизни общества, страны в целом. Главными темами официальных документов были: новые формы хозяйственной деятельности; занятость населения; доходы, льготы и привилегии отдельных групп населения; оплата труда, организация труда и производства; обеспечение населения товарами и услугами. Темами анализируемых документов были также экология, здравоохранение и медобслуживание; жилищное строительство и соцкультбыт. Тематика документов по проблемам благосостояния в 1987–1988 гг. стала более разнообразной, чем в 1985–86 гг. Главными объектами управления определялись отраслевые и профессиональные группы занятых в народном хозяйстве, демографические группы населения.

Однако в большинстве документов не была даже сформулирована проблема, которую надо решать. Фактически проблемность в освещении темы присутствовала только в 1 из 2 документов по вопросам социальной политики в сфере благосостояния и лишь в 1 из 6 документов во вопросам социальной политики в сфере труда. В тех документах, где была зафиксирована проблема, преобладали обыденно-рациональный (56%) и нравственно-эмоциональный

(44%) способы аргументации, при формулировании и определении способов решения проблемы не были использованы научные данные. В некоторых из документов отсутствовали и конкретные предложения по решению проблемы (преимущественно в документах, подготовленных в 1985—86 гг.). В большинстве документов не фиксировались временные границы проблемы (когда она возникла) и актуальность (приоритетность в сравнении с другими проблемами). В половине документов в качестве ответственных за решение проблемы названы партийные и советские органы управления, министерства, ведомства и др. хозяйственные органы, то есть все и никто конкретно. Как правило, не была сформулирована проблема или присутствовал обыденно-рациональный способ ее аргументации в тех документах, которые Совет Министров разработал самостоятельно. Объект управления в таких документах — преимущественно группы в общественном производстве.

Итак, основным автором официальных документов по социальной политике в тот период был Совет Министров. К существенным недостаткам анализируемых официальных документов было отнесено следующее:

- отсутствие, как правило, ссылок на научные данные при постановке и анализе социально-экономических проблем;
- то, что не определена иерархия проблем благосостояния и труда;
- ведомственный подход к решению социально-экономических проблем;
- неопределенность субъекта управления, который должен решать проблемы.

Как видим, неэффективность, недейственность проводимой в этот период социальной политики, ее неспособность решать наиболее актуальные для населения проблемы труда и благосостояния была определена уже принимаемыми официальными документами, общими решениями, реализация которых и не могла принести сколько-нибудь заметные улучшения.

Социально-экономические ориентации населения*. К социально-экономическим ориентациям было отнесено субъективное отношение населения к проблемам собственности и распределению материальных благ. Мы считали его ключевым в системе соци-

* Далее использованы материалы, подготовленные в 1990 году В. Моиним.

альных представлений населения. В течение десятилетий в общественном сознании почти безраздельно господствовали идеалы общественной собственности и социального равенства. Мысли о частной собственности, многоукладной экономике, имущественном расслоении казались крамольными. В период «перестройки» происходил бурный и противоречивый процесс ломки сложившихся представлений. Все в большей степени в общественном сознании утверждались идеи многоукладности экономики, равного развития разных форм собственности, оплаты по труду и неизбежной при этом социальной дифференциации общества. *Значительную роль при этом сыграла неудовлетворенность существующим материальным положением и надежда на то, что радикальные экономические преобразования изменят его к лучшему.*

Социально-экономические ориентации в опросах 1990–1991 гг. определялись посредством постановки различных вопросов: как имитация референдума («Как бы вы проголосовали, если бы сейчас проводился референдум по следующим вопросам» — январь 1990 года); как оценка предполагаемых мер с позиций социальной справедливости (май 1990 года); как согласие с мерами, предпринимаемыми для преодоления кризиса общества (апрель 1991 года), а также как ответ на вопрос «Что нужно делать властям Украины в первую очередь» (октябрь 1991 года). В некоторых случаях мнения населения сравнивались с оценками экспертов (к которым мы относили тогда представителей партгосаппарата и опрашивали отдельно) и ориентациями участников одного из проводимых в 1990 году в Одессе митинга. Наиболее радикальными (как об этом свидетельствуют, в частности, данные опроса января 1990 года) были одеситы и участники митинга. (Рис. 2.3.)

Уже в январе 1990 года в общественном сознании сторонников ликвидации монополии государства на средства производства было почти в два раза больше, чем противников (соответственно 42% и 26%). Причем эта точка зрения преобладала во всех группах. Подавляющее большинство населения было готово проголосовать за то, чтобы предоставить равные права и возможности для развития разных форм собственности (75%). За то, чтобы «узаконить индивидуальную собственность граждан на средства производства», проголосовало бы 57%. Однако существовали значительные различия по некоторым позициям у различных групп опрошенных, а также в ориентациях всего населения, участников митинга и экспертов.

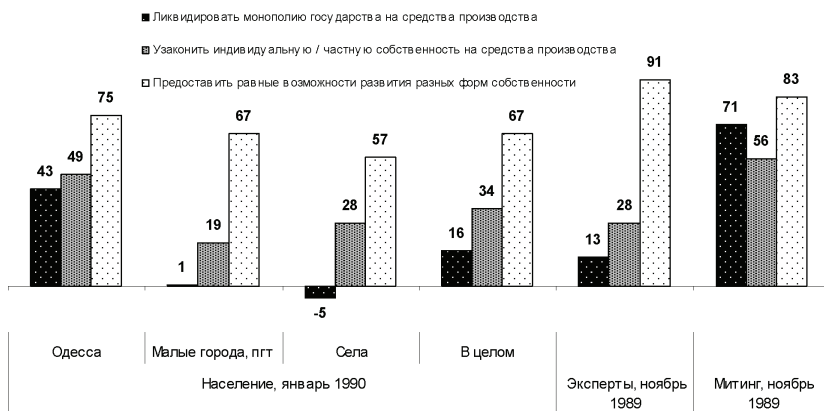

Рис. 2.3. Отношение населения к вопросам собственности (индексы)

Как видим, наиболее радикальные взгляды были у участников митинга, что естественно. Эксперты оказались радикальнее населения только в одной позиции: предоставлении равных прав всем формам собственности. Что касается двух других позиций, то они были более осторожны, особенно по вопросу ликвидации монополии государства на средства производства*. Следует отметить также, что отношение населения к предоставлению равных возможностей для развития разных форм собственности оказалось довольно устойчивым: значения индексов оценок в январе и в мае 1990 года оказались близкими. А по отношению к частной собственности произошла явная радикализация взглядов. И это при том, что в январском опросе спрашивалось об *индивидуальной* собственности, а в майском — о *частной*. Более того, переход собственности в частные руки *оценивался с позиций справедливости*. И в этом варианте за частную собственность высказалось даже несколько больше, чем за индивидуальную (62% в сравнении с 57%).

В 1991 году на вопрос: «Согласны ли вы с тем, что для преодоления кризиса в нашем обществе прежде всего необходимо пере-

* Ранее при характеристике результатов прессовых опросов уже обращалось внимание на противоречивость взглядов представителей партгосаппарата: они «за равные возможности», но «при монополии государства».

давать, продавать государственные предприятия, землю, жилье частным лицам и трудовым коллективам» 57% опрошенных ответили «да» и 30% — «нет». Одним из показателей радикализма взглядов населения было признание возможности использования наемного труда на частных и кооперативных предприятиях. В мае 1990 года такую возможность признали 55% опрошенных одесситов; 41% жителей городов и пгт области; 30% — жителей сел.

И все же можно говорить о том, что взгляды населения относительно собственности не были в тот период достаточно определенными, четко выраженными. Это проявилось, в частности, в удельном весе воздержавшихся. Более всего (32%) их было в январе 1990 года в ответах на вопрос «ликвидировать ли монополию государства на средства производства?». При выражении отношения к индивидуальной/частной собственности и в январе, и в мае 1990 года воздержались от ответа на вопрос пятая часть опрошиваемых. В январе 1990 года сохранялась вера в большую эффективность развития государственной или колхозной формы собственности в сравнении с «новыми» формами, но к апрелю 1991 года эта вера в значительной степени была поколеблена. Возможно, в какой-то степени сказалось влияние несколько различной постановки вопроса. В январе 1990 года вопрос звучал так: «Развитие какой формы собственности, по вашему мнению, сыграет решающую роль в насыщении рынка товарами и услугами?». В апреле 1991 года было предложено ограничение: *«Если поставить разные хозяйства в равные условия, то какие из них сыграют решающую роль при насыщении рынка товарами и услугами?»*. Обращает на себя внимание то, что жители села значительно выше оценивали эффективность колхозной собственности, чем одесситы — горожане, а также то, что в Одессе оказалось в два раза больше, чем в селе, тех, кто считал наиболее эффективной формой собственности индивидуальную/частную собственность. (Рис. 2.4.)

В октябре 1991 года на вопрос о том, «что следует делать в Украине в первую очередь», 85% опрошенного населения области выбрало вариант: *«Проводить коренные преобразования в экономике (обеспечить реальные права производителям, равные возможности для развития разных форм собственности, способствовать развитию предпринимательства)*. 47% опрошенных в области в целом и 54% в Одессе считали, что коренные преобразования в экономике («передачу предприятий, земли, жилья в частные руки

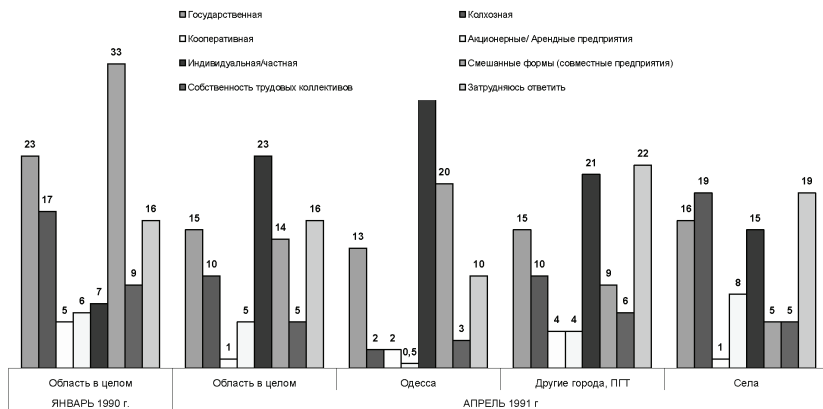

Рис. 2.4. Оценка населением эффективности различных видов собственности (в %)

и т. д.)» необходимо проводить «быстро и решительно», 21% в области и 17% в Одессе считали, что это нужно делать «медленно и осторожно». «Оставить все как было» хотели только 10% в области и 4% — в Одессе. Однако пятая часть опрошенных в области в целом и четвертая часть опрошенных в Одессе затруднились ответить на этот вопрос.

Относительно положительное отношение к частной собственности, достаточно определенно проявившее себя в 1991 году, выразилось, в частности, в предпочтениях, относящихся к месту работы, а также в удельном весе населения, желающего открыть собственное дело (предприятие, ферму). В апреле 1991 года 41% опрошенного населения области предпочитали бы работать на частных/индивидуальных предприятиях. В Одессе таких было еще больше (60%!). Хотя довольно высок был процент предпочитающих все же государственные предприятия (в Одессе — 32%), государственные предприятия и колхозы (в области в целом — 48%). В апреле 1991 года велика была доля тех, кто хотел бы открыть собственное дело и «вести его на свой страх и риск». Если в целом по области таких было почти треть опрошенных, то в Одессе 35% отваживались на это рискованное мероприятие. Селяне были осторожнее. Лишь пятая их часть готовы были рисковать. Однако и затруднившихся ответить на этот вопрос среди селян было несколько меньше (18%), чем среди одесситов (23%).

Особо следует остановиться на *отношении населения к частной собственности на землю*. По мнению населения, проведение аграрной реформы было актуальной социальной проблемой, требующей решения. За приватизацию, т. е. за передачу земли и сельхозинвентаря в частную собственность, в 1991 году выступало большинство (60%). Против было вдвое меньше. Но характерно то, что в пользу приватизации земли в большей степени были настроены одесситы (79% против 13%). В меньшей за приватизацию ратовали жители сел (41% — за и 45% — против).

В целом за право крестьян на свободную куплю-продажу земли выступали 41%. Значительно меньше (26%) — за куплю-продажу земли, но под строгим контролем местных Советов. Вместе сторонники более или менее радикальной аграрной реформы составляли большинство. В селах сторонники и противники купли-продажи земли были представлены примерно поровну (52% и 48% соответственно). Большинство населения области в 1991 году (57%) выступало за приватизацию на льготных условиях (либо безвозмездно, либо за небольшой выкуп). За выкуп земли по полной стоимости было меньшинство.

При относительном радикализме населения по данному вопросу, пик которого (радикализма), как выяснилось впоследствии, приходился на последующий, 1992 год, мнения одесситов в апреле 1991 года по всем конкретным позициям разительно отличались от позиций селян (рис. 2.5, 2.6, 2.7).

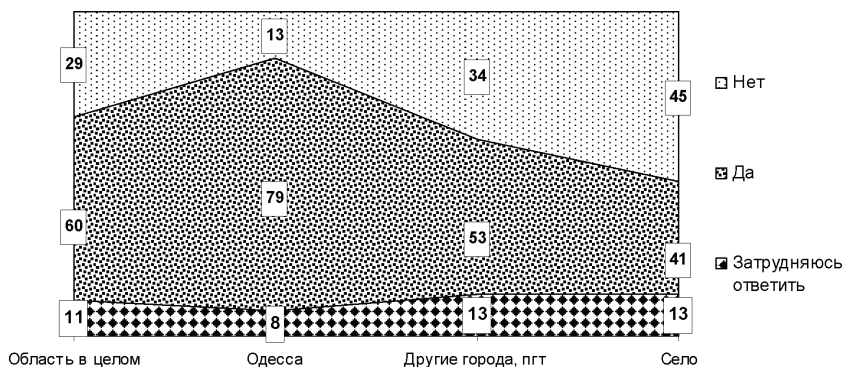

Рис. 2.5. Одобряете ли вы передачу земли и сельхозинвентаря в частную собственность? (в %)

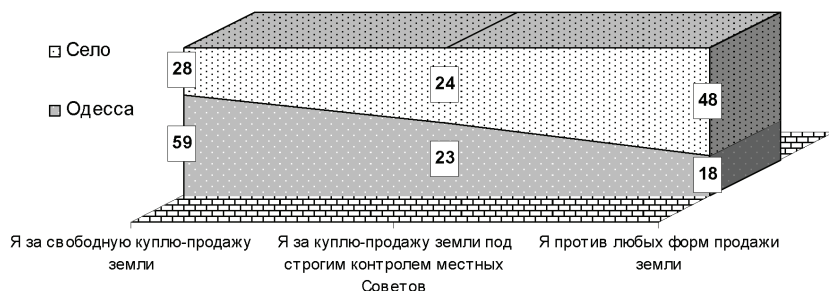

Рис. 2.6. Отношение к купле-продаже земли частным лицам (в %)

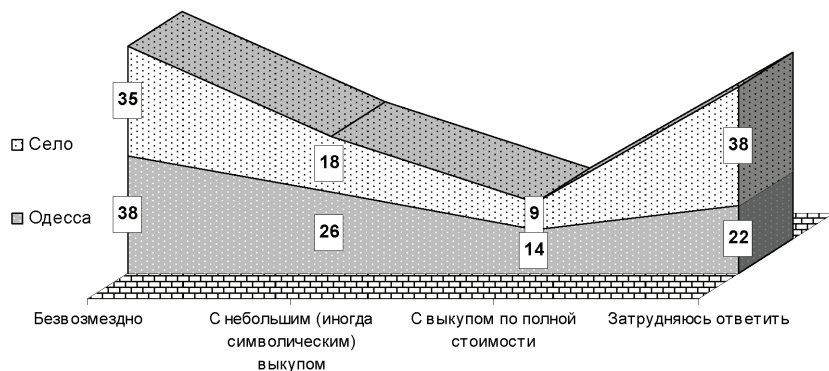

Рис. 2.7. Если вы одобряете передачу земли и сельхозинвентаря в частную собственность, то как лучше это сделать? (в %)

Ранее, анализируя эти данные, мы приписывали крестьянам большую консервативность в сравнении с одесситами. Сейчас, когда мы приобрели опыт эпохальных перемен в нашем Отечестве, ясно, что крестьяне просто были мудрее, реалистичнее своих «столичных» соотечественников. Если сопоставить эти данные между собой, а также вспомнить, что в наибольшей степени сторонниками частного предпринимательства были руководители и председатели колхозов, которым (по другим нашим данным) принадлежала власть в селе в большей степени, чем даже партийному руководству, то ясно: в условиях существующей уже на тот период времени социальной дифференциации селянам в случае выкупа по полной стоимости зем-

ли и сельхозинвентаря грозило превращение в батраков. Этим объясняется и «расклад» тех сил, которых мы относили в свое время к сторонникам и противникам свободной купли-продажи земли. Приверженцами радикальной аграрной реформы были преимущественно ИТР-производственники (78%) и учащиеся (81%)! А ее определенными противниками в наибольшей степени были рядовые работники сельского хозяйства (45%). В апрельском опросе 1991 года обращает на себя внимание несколько сдержанное отношение населения к использованию наемного труда на частных и кооперативных предприятиях (46% — за, 41% — против), а также подавляющее число сторонников «обеспечения порядка и дисциплины на производстве» — 94%. *В настоящее время, оценивая итоги реформирования, осознаешь, как мудры были наши соотечественники, насколько важным условием для успешного реформирования является соблюдение порядка, дисциплины и законности. Все это совершенно необходимо для эффективного проведения любых социальных реформ.*

Отношение населения к принципам распределения. С первых же опросов по месту жительства выяснялось отношение населения к трем основным принципам распределения материальных благ:

уравнительный — в принципе не должно быть различий в уровне жизни, благосостоянии людей;

пропорциональный — различия в уровне жизни могут быть существенными, но зависеть они должны только от трудового вклада;

гарантированный минимум — всем людям независимо от трудового вклада, должен быть гарантирован прожиточный минимум, возможность удовлетворять основные потребности (в еде, жилье и т. п.).

Первые два принципа теоретически являются альтернативными, взаимоисключающими. Однако в сознании части людей они вовсе не воспринимались как исключаящие друг друга и довольно мирно сосуществовали. Вместе с тем, как свидетельствовали данные трех опросов, в общественном сознании того периода преодолевался стереотип уравнительного распределения. Он уже не доминировал в сознании людей. (Рис. 2.8.)

Как видим, *симпатии к 1991 году явно смещались в пользу пропорционального распределения, хотя и в большей степени, чем ранее, осознавалась значимость гарантированного минимума.*

Сравнение данных опросов с учетом места жительства показало, что чем дальше от областного центра, тем больше популярность

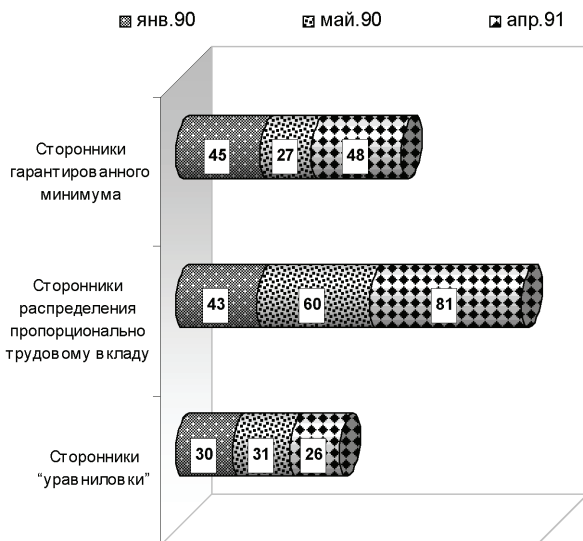

Рис. 2.8. Ориентации населения Одесской области на разные принципы распределения (индексы)

«уравниловки» и меньше, чем в Одессе и городах области, сторонников пропорционального распределения. Тем не менее *тенденция во всех типах поселения была одной и той же: население все более склонялось в сторону «пропорционального распределения»* (рис. 2.9).

Но вот степень несогласованности оценок (количество выбирающих и уравнительность, и пропорциональность одновременно) в разных населенных пунктах была различной. В Одессе она была меньшей, а в селах даже возрастала. В целом же относительно более согласованные мнения были у одесситов, наиболее противоречивые — у жителей сел.

Об ориентации на принцип пропорционального распределения косвенным образом свидетельствует и то, что большинство участников опроса (в мае 1990 года) высказалось против введения ограничений «потолка» зарплаток: 66% считали это несправедливым.

Обнаружилось также, что и в 1990, и в 1991 годах опрошенное население выразило почти *полное единодушие в том, что «необходимо дать людям возможность максимально реализовать свои спо-*

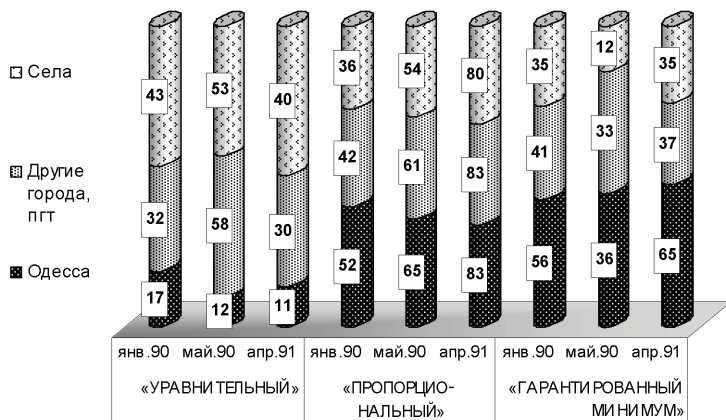

Рис. 2.9. Отношение населения к принципам распределения в зависимости от типа поселения (индексы)

способности, проявить инициативу». Было установлено также наличие прямой связи между величиной дохода и приверженностью принципу пропорционального распределения: чем выше доход, тем больше сторонников этого принципа. И напротив, чем ниже доход опрошенных, тем вероятнее, что они придерживаются принципа уравниловки. И в том, и в другом случае проявлялся своеобразный «групповой эгоизм»: непосредственные интересы (индивидов, групп) оказывали существенное влияние и на мнения об относительно абстрактных принципах.

Итак, 1990–1991 годы были периодом дальнейшей ломки прежних идеалов и стереотипов относительно собственности и принципов распределения. В общественном сознании все более утверждались представления о необходимости ликвидировать монополию государства на средства производства, предоставлении равных прав и возможностей для развития разных форм собственности. Все больше утверждалось мнение не только о допустимости частной собственности, но и возможности использования наемного труда. Однако пока что признавалась только возможность, «допустимость», правомерность существования новых форм собственности. Но перспективность, эффективность их использования все еще оставалась под сомнением. Постепенно все большее значения приобретал принцип пропорционально-

го распределения, недопустимости насильственного регулирования «потолка» заработков.

И в массовом сознании, и в социальной политике наиболее актуальными социально-экономическими проблемами являлись проблемы благосостояния. Гораздо в меньшей степени были актуальны (особенно в обыденном сознании) проблемы труда. Однако в социальной политике отсутствовало понимание четко выраженной иерархии проблем благосостояния, возможности их решения на разных уровнях управления: республики, региона, разных типов поселений.

К концу рассматриваемого нами периода подавляющее большинство населения области *первоочередной задачей считало не решение политических проблем, а коренные преобразования в экономике*. При этом тогда еще оно склонялось в пользу быстрых и решительных реформ скорее, нежели проводимых медленно и осторожно. Наиболее радикально настроены были одесситы. В целом большинство жителей области полагало, что для преодоления социально-экономического кризиса необходимо широкое развитие частного предпринимательства и приватизация государственных предприятий, земли, жилья.

Более трети населения Одесщины ожидали, что в связи с переходом к рынку их жизнь в общем изменится к лучшему. Несколько меньше опасались, что их дела пойдут хуже. Немало было и тех, кто либо не имел еще представления о том, что ждет их в условиях рыночной экономики, либо предполагал, что в итоге положение останется таким же, как и сейчас. Среди одесситов значительно больше, чем у жителей районных центров и сел, было распространено намерение заняться частным бизнесом. Улучшение своего благосостояния связывали с рынком в большей степени мужчины, молодежь в возрасте 20–29 лет, люди с высшим образованием.

В 1991 г. апрельское повышение цен вызвало крайне отрицательное отношение населения к происходящему. Население правильно, как показали последующие события, оценило это явление, определив, что повышение цен не окажет оздоровительного воздействия на нашу экономику. Однако активно протестовать против скачка цен (участвовать в митингах, демонстрациях, забастовках) намеревалось меньшинство.

Большинство же видело выход в том, чтобы более интенсивно

работать и, соответственно, больше зарабатывать на своем рабочем месте, либо перейти на другую, лучше оплачиваемую работу.

Подавляющее большинство населения указывало на необходимость укрепления дисциплины и порядка, обратив внимание, таким образом, на важное условие успешного проведения реформ и на решающий фактор, отсутствие которого, есть основание полагать, во многом обусловило последующие неудачи и ошибки, особенности постсоветских преобразований.

2. ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ, ДЕМОКРАТИИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ЦЕНТРЕ СПОРОВ И ДИСКУССИЙ

Общественное мнение о необходимости политических реформ*. В 1990 году, как и в начале перестройки, в эпицентре наиболее острых споров и дискуссий находилась проблема власти и демократии. Эти проблемы с равной страстностью и заинтересованностью обсуждались в высших эшелонах власти, в средствах массовой информации (газеты, радио, телевидение), а в также в повседневном общении. На разных этапах перестройки акцент делался на различных аспектах этой проблемы. Но общая направленность этих споров, четко проявившаяся и в общественном мнении, — обеспечение полновластия Советов и подлинной демократии. В общественном сознании глубоко укоренилось мнение о *необходимости коренной реформы политической системы, возвращения Советам всей полноты власти, разграничения функций партийных и советских органов.*

Уже в прессовых опросах 1988–89 гг., как отмечалось ранее, значительное число предложений и замечаний, присланных вместе с анкетами в редакцию газеты «Знамя коммунизма», касалось проблем реформы политической системы, механизмов деления власти. Больше всего предложений поступало по вопросам демократизации жизни партии и общей реформы политической системы советского общества, по выборам руководителей различного уровня. При этом чем в большей степени респонденты были обеспокоены судьбой перестройки, тем более радикальные требования они выдвигали.

* Использованы материалы, подготовленные в 1990 году В.Б. Моиным.

В ходе перестройки в общественном сознании все более утверждалось мнение о необходимости ограничения роли КПСС в политической жизни и переходе к многопартийной системе. Вместе с тем *не следует преувеличивать радикализм и устойчивость взглядов основной массы населения в тот период времени по этому вопросу.* Во-первых, в январе и феврале 1990 года примерно каждый пятый опрошенный не имел по этим позициям определенного мнения. Во-вторых, резкое полевение населения происходило вслед за соответствующим изменением официального курса. При этом и население, и кандидаты в депутаты, и особенно партийные работники существенно «запаздывали»: их установки на радикальные политические преобразования формировались с большим опозданием по сравнению с установками наиболее радикально настроенной, активной части населения, участвующей в митингах. Обращает также на себя внимание то, что *радикализм партработников, а также кандидатов в депутаты по поводу отмены 6-й статьи конституции был выражен в большей степени, чем у населения.* (Рис. 2.10).

Рис. 2.10. Отношение населения к реформе политической системы (индексы)

Кому принадлежит власть. Актуальной проблемой в тот период времени являлся вопрос о том, кому должна принадлежать верховная власть и кому она действительно принадлежит? *Реальной полнотой власти, по мнению опрошенного в те годы населения, не обладала и не пользовалась, соответственно, безоговорочной поддержкой ни одна политическая сила.* Усиливался в эти годы кризис доверия к руководству: не только к партийным, но и к советским работникам. Признавалось, однако, что в городах реальная власть

в большей степени принадлежит партийным органам, а в селах — хозяйственным руководителям и Советам (рис. 2.11).

Рис. 2.11. Мнение населения области и участников митинга о реальной власти на местах (в %)

Обращает на себя внимание настроенность наиболее радикальной части населения (участников митинга, проходившего в Одессе) именно против партийного руководства, что выражается, в частности, в уверенности в том, что реальная власть принадлежит именно партии (68% в сравнении с 49% одесситов). Интересно также то, как за период чуть больше года изменились представления населения о реальных возможностях советов и партийных структур. В опросе, проведенном в апреле 1991 года, население считало, что партийные органы теряют свою власть (27% в сравнении с 37% в январе 1990 г.), а реальные возможности Советов становятся большими (31% в сравнении с 21%). Теряли власть, по мнению населения, и руководители ведомств организаций и предприятий (14% в сравнении с 25%). В Одессе и в целом по области *увеличилась и доля тех, кто считал, что власть принадлежит дельцам, представителям теневой экономики*. В 1991 году в селах по-прежнему считали, что власть в большей степени принадлежит советам, чем партийным органам. Интересно также и то, что на задаваемый в 1991 году вопрос относительно правительства СССР лишь 4% одесситов и 3% населения области ответили, что власть

принадлежит ее органам. Характерно и то, что другие партии и движения практически не получили и минимального количества голосов. *Трудно сказать, в какой степени эти мнения отражали реальное соотношение сил и его динамику. Но и игнорировать эти мнения, их влияние в тот период на социальные настроения, социальные ожидания населения и даже на их готовность к активным действиям было бы неправильным. А главное — нельзя игнорировать эти данные, объясняя последующие события.*

Расстановка политических сил. В 1990 году представления населения о расстановке политических сил в Советах зависели от уровня Советов и времени опроса: проводился ли он до выборов или после них. Разделив кандидатов на «консерваторов» (противников перестройки) и «сторонников перестройки» (выделив в последних «радикальных» и «умеренных»), мы попросили население ответить на вопрос, кто из них победил на выборах в Советы различного уровня. Анализ данных дал возможность сделать ряд выводов. Оказалось, что в общественном сознании существовала крайне пестрая картина мнений о расстановке политических сил в Советах всех уровней. Коэффициент качественной вариации, как правило, превышал 90% при максимальном значении 100%. Эта дифференциация взглядов несколько уменьшилась после выборов, хотя и не очень существенно (на 5-7%). Выяснилось также, что значительная часть населения не имела четких представлений о расстановке сил. Особенно велика доля неопределенных представлений была после выборов в Верховный Совет республики и местные Советы (43%). (Таблица 2.3.) Это и понятно: в момент опроса (05.1989) избранные органы власти еще никак себя не проявили.

Относительно стабильной была доля «оптимистов» — тех, кто считал, что победа за сторонниками перестройки: их было, примерно, треть. Однако при более дифференцированном подходе картина заметно менялась. Так, в январе 1990 года (до выборов в Верховный Совет Украины) 28% считали, что победа будет за радикальными сторонниками перестройки. После выборов в Верховный Совет республики и местные Советы лишь 12% признали наличие «радикалов» в Советах. Таким образом, *социальные ожидания многих избирателей в отношении перераспределения сил в результате выборов в Верховный совет республики и местные советы не оправдались.*

Таблица 2.3

Мнения населения о расстановке политических сил в советах (в %)

Победили	Верховный Совет УССР	Местные советы
	До выборов - 1.1990	После выборов - 5.1990
Сторонники перестройки:	43	31
В том числе радикалы	28	12
Умеренные	20	19
Консерваторы	7	9
Никто не получил очевидного преимущества	17	17
Затрудн. ответить	29	43
К- коэф. качеств. вариат.	96	91

Кризис доверия. Анализ предвыборной ситуации в январе 1990 года свидетельствовал о кризисе доверия к реально действующим политическим силам. *Ни одна из них не пользовалась безоговорочной поддержкой населения.* На вопрос «Кто является последовательным сторонником перестройки в городе (поселке, селе)?» большинство (60%) ответило либо «таких сил нет», либо «не знаю, затрудняюсь ответить». Характерно, что эта точка зрения доминировала и у работников партийных и советских органов. Из опрошенных этой категории две трети (73%) придерживались этой позиции. Аналогичным образом отвечали и на другой вопрос: «Какие силы в республике, по вашему мнению, способны вывести ее из кризисного состояния?». Каждый второй ответил: «Таких сил нет» или «Не знаю». На вопрос «За кого бы вы при прочих равных условиях голосовали» 10% ответили «ни за кого», 32% — «не знаю»,

В 1990 году кризис доверия проявился прежде всего в отношении к партии и к тогдашним советам. Сводные данные, характеризующие оценку партийных органов и партийных руководителей с разных сторон, свидетельствуют о том, что преобладали явно отрицательные их характеристики (таблица 2.4).

Не пользовались в тот период особым авторитетом, доверием населения и тогдашние советы. В январе 1990 года лишь 23% опрошенного населения области предполагали голосовать за советских работников. Причем в большей степени это были жители сел, тогда как в Одессе таких было только 18%. Крайне скептической была позиция населения и в отношении ко вновь избранным советам.

Таблица 2.4

Отношение к партии и ее роли в политической системе (в %)

Мнения о партии, партийных работников	Население 1.90				Эксперты 2.90
	Одесса	Мал. гор., пгт	Села	Обл. в целом	
Реальная власть принадлежит партийным органам	49	49	16	38	68
Парт. работники являются наиболее последовательн. сторонниками перестройки	11	19	26	14	28
Партия способна вывести республику из кризиса	17	31	50	26	33
Партийные работники чаще др. нарушают социальную справедливость	47	-	-	-	
Предложили кандидатами в местн. советы партийн. работников	4	8	6	6	-
Предложили кандидатами в Верховн. Совет республ. партийн. работников	1	17	6	6	-
Предлагают голосовать за партийн. раб.	10	17	23	15	13

Характерно, что *скептицизм и недоверие населения к новым Советам заметно возрастали, о чем свидетельствует сравнение результатов опросов февраля и мая 1990 года*: если в феврале 1990 года индексы ответа на вопросы «Станут ли Советы подлинными органами власти» и «Будут ли Советы защищать интересы народа» имели положительное значение в целом и во всех поселениях, то в мае этого же года и в области в целом, и во всех городах индексы ответа на данные вопросы имели отрицательное значение.

Кризис доверия к Советам проявился также в оценках компетентности и нравственного облика депутатов. При этом и до выборов (в январе 1990 года) и после них (в сентябре 1990 года), оценки были идентичными: лишь треть надеялась, что в новые Советы попали наиболее достойные и компетентные люди. Недоверие оказалось довольно устойчивым. И в октябре 1991 на вопрос «Испытываете ли вы доверие к Верховному Совету» только четверть

населения области ответили «да», а в Одессе — 17% . Уровень доверия к областному и районному советам, городскому, поселковому или сельскому был еще ниже. 4-5% «набрали» Советы различных уровней при ответе на вопрос: «Кто сейчас на деле защищает интересы народа».

Характеризуя динамику отношения населения к политическим деятелям следует отметить , что *если в 1989 году наибольшей популярностью пользовались политические деятели, придерживавшиеся «левых» взглядов, то уже к лету 1990 года их популярность заметно упала. Существенно обострился к этому времени кризис доверия к действующим политическим лидерам — более половины опрошенных ни одному из них не отдавала предпочтения. Характерно также было некоторое увеличение сторонников «центристских» позиций.* Особенно возросло их число на селе, где эта группа доминировала. В общественном сознании основная вина возлагалась, как правило, на руководство. Поляризация представлений об ответственности происходила в контексте оппозиции «руководитель — подчиненный».

К началу 1991 года наименее популярной была союзная центральная власть. *С апреля этого года стал возрастать рейтинг органов республиканской власти всех уровней.* В апреле Верховный Совет и правительство УССР пользовались популярностью у незначительного меньшинства (6% избирателей области). К концу года доверие им выражали соответственно 25% и 27% жителей Одесщины. Аналогично повысились и оценки местных Советов (с 6% до 21% у областного совета, до 25% у базовых и районных советов). И все же соотношение доверяющих и не доверяющих любым органам государственной власти все еще не в пользу первых. И в 1991 году доверие к Советам чаще испытывали жители сел. Реже — горожане, особенно одесситы. Областному совету доверяли 3 из 10 сельских жителей, 2 из 10 избирателей в районных центрах и 1 из 10 в Одессе. Характерна была низкая информированность избирателей о деятельности Советов.

Выборы в Верховный Совет республики и местные Советы. Три опроса, проведенные в 1990 году — в январе, феврале и мае 1990 — дают представление о том, как оценивались тогда предвыборные кампании, ход выборов и их результаты. Известно, что в значительной степени под давлением общественности в Украине были приняты относительно демократичные законы о выборах. Тем не

менее сами выборы, по мнению населения, не были вполне демократичными и проходили со значительными нарушениями. Прежде всего не следует преувеличивать альтернативность происходящих тогда выборов. В целом по области на один мандат было зарегистрировано 1,4 кандидата. Среди основной массы кандидатов (84%), кроме областного и Верховного Советов, конкурса по сути не было. Анализ опубликованных списков кандидатов свидетельствовал: чем выше уровень Совета, тем больше была конкуренция среди кандидатов. На одно место в Верховный Совет баллотировались 5,6 кандидата, областной — 3,2, районные — 1,6, поселковые — 1,4, сельские — 1,2. Но даже в областной Совет в 7% округов выборы были безальтернативными, в каждом третьем — выборы проводились только из двух кандидатов (если никто из них не снимет до выборов свою кандидатуру), и только в каждом четвертом — из 4-х и более кандидатов. При этом, чем выше уровень Советов, тем меньше среди зарегистрированных кандидатов было женщин и беспартийных. В целом среди кандидатов в местные Советы всех уровней было зарегистрировано 33% женщин и 44% беспартийных, а среди депутатов в Областной совет только 15% женщин и 17% беспартийных.

Согласно опубликованным спискам кандидатов в г. Одессе, где претендентов на мандат в Верховный Совет республики было в 1,6 раза больше, чем в других округах области, не баллотировался ни один из руководящих работников областных, партийных и профсоюзных органов. Однако нарушение принципов демократии, по мнению населения, происходило и на этапе выдвижения кандидатов, и при проведении самих выборов. Лишь 41% опрошенных были убеждены, что выдвижение кандидатов произошло без каких-либо нарушений, 16% прямо указали на такие нарушения, остальные не имели определенной точки зрения по этому вопросу. После выборов только 39% избирателей были согласны с тем, что выборы прошли в полном соответствии с законом, каждый четвертый (26%) считал, что были нарушения, а 35% не смогли дать определенного ответа на данный вопрос.

Имелись претензии и у самих кандидатов. Из числа опрошенных кандидатов в депутаты примерно каждый четвертый (23%) испытывал (по их признанию) давление со стороны официальных лиц и организаций при его выдвижении и регистрации. Столько же избирателей (23%) считали, что кандидаты в основном выдви-

гались «сверху». И в феврале, и в мае 1990 года значительная часть избирателей считала, что на ход выборов оказывалось давление. «Первенство» в этом отношении принадлежало партийным органам. Причем доля тех, кто указывал на давление партийных органов, возрастала, а тех, кто считал, что «давят» советские органы, уменьшалась. Несколько увеличилось также и давление неформальных организаций. (Рис. 2.12.)

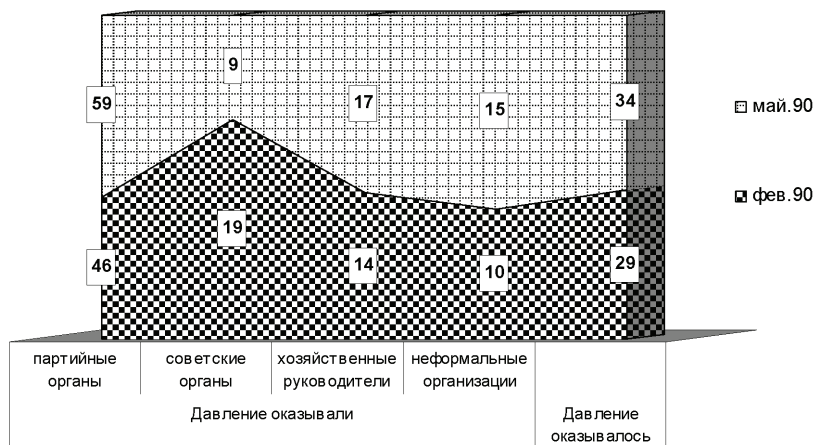

Рис. 2.12. Мнение избирателей о «давлении» на ход избирательной кампании (в %)

Оценки давления на ход выборов влияли и на представления о том, у кого было больше шансов победить. О том, что многие кандидаты заведомо были поставлены в неравные условия, свидетельствовали и оценки избирателей, и мнения самих кандидатов. *Оценки кандидатами собственных шансов на победу находились в прямой зависимости от того, на чью поддержку они рассчитывали.* Шансы победить (выраженные в индексах) тех, кого поддерживали партийные органы, по мнению самих кандидатов, соответствовали 41, советские — 35, просто «избиратели» — 23, «неформалы» — 14. Важно учитывать также, что мнения о ходе избирательной кампании и допускаемых нарушениях существенно различались у избирателей, проживающих в поселениях различного типа. Как обычно, наиболее критичны были одесситы, наименее — жители села, хотя, как можно предположить, там нарушений было не меньше. (Таблица 2.5.)

Таблица 2.5

Мнения избирателей об избирательной кампании (в %)

Оценки избирательной кампании	В целом	Тип поселения		
		Одесса	Мал. гор., пгт	Села
Выдвижение кандидатов проходило без каких-либо нарушений - 2. 1990	41	20	38	53
Кандидатами выдвинуты наиболее достойные люди 2. 1990	52	37	42	64
Оказывалось давление на ход избирательн. кампании - 2. 1990 5. 1990	29	43	31	21
	34	39	27	30
Выборы прошли без каких-либо нарушений. - 5.1990	39	31	43	47

Существенным недостатком выборов 1990 года явилось отсутствие партий и организаций с ярко выраженными альтернативными платформами. Поэтому во многом *это были не политические выборы между разными платформами, а выбор личности отдельного кандидата, выбор, который осуществлялся в условиях острого «дефицита» достойных кандидатов.* В условиях многолетнего застоя в политической и общественной жизни настоящие (а не по должности) лидеры в основном еще не сформировались, не проявились и не были известны населению. Большинство опрошенных в январе 1990 года не могло назвать ни одного достойного кандидата в местные Советы (54%) и Верховный Совет республики (67%). Никто из партийных, советских или общественных деятелей Одесщины не пользовался популярностью у населения. На вопрос анкеты «Кто из партийных, советских или общественных деятелей Одесщины в наибольшей степени соответствует вашему представлению о хорошем руководителе?» (5. 1990 года) подавляющее большинство (81%) никого не могли назвать. А из тех, кого назвали, ни один не набрал более 2% голосов.

Опрос самих кандидатов также не давал основания для оптимизма: среди кандидатов довольно велика была доля лиц, *открыто придерживающихся отнюдь не демократических взглядов.* Часть кандидатов явный приоритет отдавали собственным корпоративным интересам: в феврале 1990 года каждый 10-й кандидат высказался

за сохранение 6-й статьи и против многопартийной системы: 13% — против использования новых форм хозяйственной деятельности. При опросе кандидатов выяснилось также, что многие ответы их были противоречивыми. Например, кандидаты в подавляющем большинстве (90%) высказались за равные возможности развития разных форм собственности, и вместе с тем каждый пятый из них считал необходимым сохранить государственную монополию на средства производства. Интересно и то, что если по некоторым вопросам было относительное единодушие избирателей и кандидатов, то существенно расходились их мнения при ответе на вопрос о необходимости повышения зарплаты партийным, советским и профсоюзным работникам. Одобряли это повышение 25% избирателей и 39% кандидатов, а среди кандидатов от партийных и советских органов — 73%!

Ограниченность выборов в Верховный Совет Украины в значительной степени была predetermined также и позицией самого населения. Тогда мы считали, что эта позиция характеризуется относительной пассивностью, недостаточной заинтересованностью в результатах выборов, отсутствием четких политических ориентаций, плохой информированностью о кандидатах. Более половины опрошенных не верили, что выборы могут как-то повлиять на их жизнь, что-то изменить. Социальные ожидания избирателей в отношении выборов весьма пессимистичны. Лишь 47% опрошенных в январе 1990 года считали, что принятые законы о выборах позволят избрать наиболее достойных, только 40% полагали, что выборы пройдут без нарушений. Всего 35% надеялись, что в республике будет избран компетентный, работоспособный Верховный Совет, лишь 16% считали, что он сможет в ближайшие годы решить наиболее актуальные для республики проблемы. В феврале 1990 года, оценивая возможности Советов всех уровней, такого мнения придерживались 24% опрошенных.

Сейчас, однако, понимаешь, что эта пассивность и кажущееся безразличие — проявление мудрости и здравого смысла. Отсутствие настоящих политических лидеров, которые доказали свою дееспособность реальными делами, — именно это порождает пассивность и кажущуюся незаинтересованность. Вера в слово красноречивого оратора в период подъема общественной активности сменяется разочарованием и пассивностью как только убеждаются, что слова не соответствуют делам. 90-е годы были годами усиливающихся разо-

чарования и просветления, а нарастание пассивности проявляло себя самым различным образом.

Так, около половины избирателей накануне выборов не определились, за кого будут голосовать, до выборов знали фамилии «своих» кандидатов лишь 41% избирателей, а программы кандидатов — только 16%. Интересно и то, что после выборов (в мае 1990 года) из общего числа опрошенных, принявших участие в голосовании, почти половина не смогли ответить, за кого из кандидатов в Верховный Совет республики они проголосовали. Оказалось также, что наименее осведомленными и, как можно полагать, равнодушными были одесситы. (Таблица 2.6.)

Таблица 2.6

Самооценки участия избирателей в выборах (в %)

Самооценки	В целом	Тип поселения		
		Одесса	Мал. гор, пгт	Села
Знали всех кандидатов, за которых предстояло голосовать - 2.1990	41	16	40	53
Знали программы всех кандидатов - 2.1990	16	6	16	21
Знали, за кого будут голосовать	56	34	55	65
Решение, за кого голосовать, приняли в день выборов - 5.1990	28	37	16	25
После выборов не смогли ответить, за кого из кандидатов в Верховный Совет республики голосовали - 5.1990	44	77	33	13

По данным майского опроса 1990 года, примерно каждый третий принял решение, за кого голосовать непосредственно в день выборов, на избирательном участке, 31% — в последние дни, накануне выборов, когда особенно активно велась агитация; и лишь 40% — определили, за кого будут голосовать, заранее. Интерес представляют данные о том, чем руководствовались избиратели, отдавая предпочтение тому или иному кандидату, как объясняли свой выбор. Основными мотивами были: «понравилась программа», «из-за личных качеств кандидатов». Однако у значительной части опрошенных (ок. 40%) выбор фактически не был осознанным.

Интересно то, что в селе оказалось заметно больше, чем в Одессе, тех, кто выбирал по совету друзей и знакомых, но вдвое меньше, кто считал свой выбор случайным. (Рис. 2.13.)

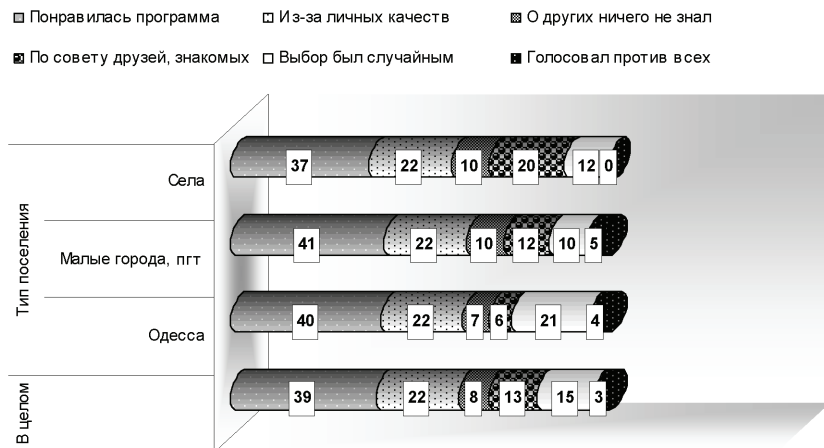

Рис. 2.13. Мнение избирателей о мотивах выбора кандидатов в Верховный Совет республики (в %)

Представляют интерес также данные о том, что доля пессимистически настроенных и среди голосовавших, и среди не голосовавших была практически одинакова. Так, среди всех опрошенных 24%, а среди не голосовавших 26% считали, что среди кандидатов не было достойных; 73% всех и 65% не голосовавших не верили, что выборы могут что-то изменить. Соответственно скептически оценивало население и ход выборов, и их результаты: только 23% считали, что выборы «стали значительным шагом вперед», только 32% — что «выбраны наиболее достойные» и только 33% были удовлетворены результатами выборов. Следует отметить также, что результаты выборов в Верховный Совет Украины не оправдали даже тех весьма скромных надежд, которые возлагали на них избиратели. Оценки результатов выборов оказались значительно ниже ожиданий. (Рис. 2.14.)

Наше заключение относительно выборов было таково: есть основание полагать, что выборы депутатов в Верховный Совет Украины в 1990 году не были актом сознательного волеизъявления избирателей. Мы считали также, что определенную роль в этом

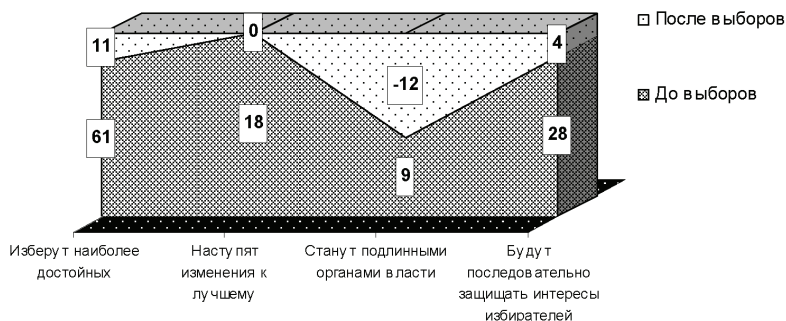

Рис. 2.14. Ожидания и оценка результатов выборов (индексы)

сыграло отсутствие политических партий и организаций с альтернативными платформами, и это не дало возможности избирателям осуществить реальный политический выбор. Выборы во многом свелись к лотерее, вытягиванию наугад лучшего кандидата. Ситуация усложнялась не только тем, что диапазон возможностей выбора был крайне ограничен дефицитом «достойных» кандидатов, но и тем, что в ходе выборов нередко допускались «махинации», нарушения законов о выборах, давление на избирателей и кандидатов «со стороны» и, прежде всего, партийными органами. К тому же и сами кандидаты далеко не всегда «были на высоте». Значительное их число придерживалось консервативных взглядов, отдавало предпочтение личным или корпоративным интересам.

Мы обращали также внимание на обстоятельство, которое, с нашей точки зрения, свидетельствовало о степени и характере политической активности населения в 1990 году: речь идет о *рассогласовании оценок и действий*. Подавляющее большинство населения требовало передачи власти Советам, признавало огромное политическое значение выборов. И вместе с тем многие не ознакомились с программами кандидатов, не принимали активного участия в самой избирательной кампании, а также в других общественных акциях. По собственной оценке лишь 10% населения участвовали в митингах и демонстрациях. В Одессе таких было 13%, в городах области — 11%, в селах — 6%. В деятельности неформальных организаций принимали участие всего около 25 % из общего числа опрошенных.

В данном случае так же, как и в случае отношения к нарушениям социальной справедливости, проявились пассивность, неверие в свои силы, отсутствие солидарности и навыков самоорганизации в борьбе за свои права. Эти обстоятельства определили судьбу последующих преобразований, а также то, что инициативу перехватила региональная «элита» и направила изменения в удобное ей русло.

Однако, и сейчас, при наличии более сотни политических партий, при постоянном заверении в том, что мы уже живем в демократическом обществе, наш выбор ограничен дефицитом «достойных» кандидатов, избирательными махинациями и тем, что приходится выбирать «лучших из худших». Сейчас даже в большей степени, чем раньше, мы выбираем «наугад», так как разобраться в пестром множестве различных партий, не имеющих внятной идеологической позиции и отличной от других программы, обычному человеку практически невозможно. Преимущество такого рода демократии оказывается весьма сомнительным. Все более становится ясно, что дело не в отсутствии плюрализма партий и не в том, что общество только-только вышло из периода застоя и потому не сформировало настоящих лидеров, которым население бы доверяло. Но тогда в чем? Какие условия в настоящее время аналогичны тем, при которых нарастает пассивность и недоверие? На эти вопросы и должны ответить социологи, разумеется, после тщательного изучения ситуации, исследования фактического положения дел. Но именно для этого у них все меньше и меньше возможностей.

1991 год. Мнения о государственном самоопределении Украины.

Опросы, которые проводились в 1991 году, в основном были посвящены проблемам государственного самоопределения Украины. Один из опросов был проведен в начале марта 1991 г. за две недели перед общесоюзным референдумом и Всеукраинским опросом относительно сохранения Союза и условий вхождения в него Украины. Это было время, когда союзный центр был еще настолько силен, что провозглашенный ранее суверенитет Украины был скорее номинальным, чем реальным.

После провала августовского путча, в разгар процесса перехода реальной власти и государственной собственности в руки республиканских государственных структур опрос населения проводился в начале избирательной кампании, за два месяца до Всеукраинского референдума по вопросу о независимости Украины и выборах ее президента (на рубеже сентября — октября 1991 г.).

Проблемам национально-государственного самоопределения Украины был посвящен и опрос, проведенный в конце ноября 1991 г. за полторы недели до референдума и выборов. Данные этих опросов дают возможность не только оценить позицию избирателей относительно того, как понимались суверенитет и независимость Украины, но как быстро менялись взгляды. (Рис. 2.15.)

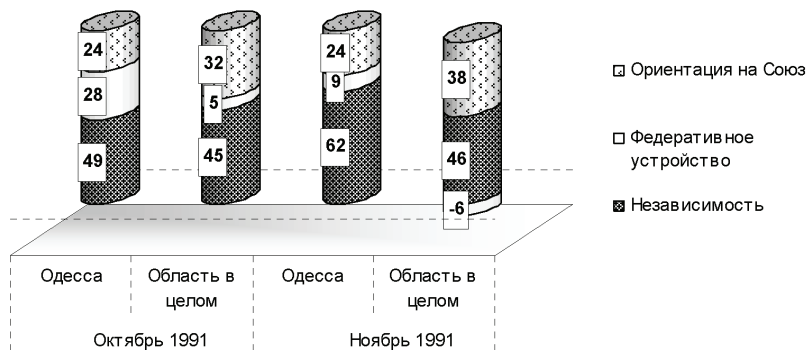

Рис. 2.15. Основные политические представления населения Одесской области (индексы)

Как видим, даже за такой короткий промежуток времени взгляды одесситов относительно независимости и федеративного устройства значительно изменились, причем изменения их представлений по этим двум позициям происходили в прямо противоположном направлении. В целом по области представления за этот период существенно не изменились за исключением отношения к федеративному устройству: его сторонников стало заметно меньше.

Интерес представляют данные, которые были получены после того, как отдельно были выделены ориентации на Союз и на самостоятельность вне Союза. По этим позициям можно было сравнивать результаты трех опросов, учитывая ответ на вопрос: «Нужно ли Украине создать новый Союз (Содружество) равноправных суверенных государств». (Рис. 2.16.)

Количество высказавшихся за Союз в сентябре (в сравнении с мартом) уменьшилось, а затем практически стабилизировалось. Что касается противников Союза (считающих, что следует быть вне Союза), то их число *постоянно уменьшалось, и, судя по циф-*

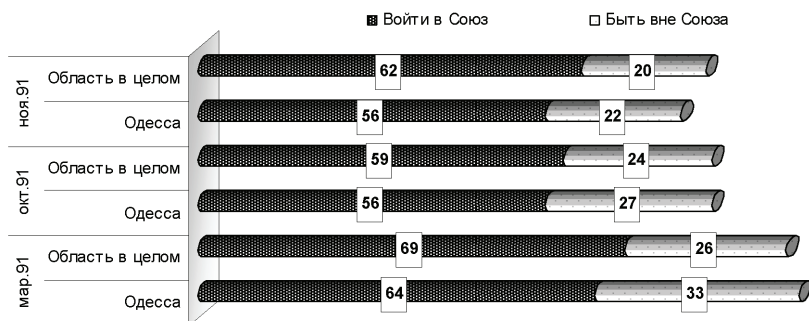

Рис. 2.16. Ориентация на Союз (Содружество) равноправных суверенных государств (в %)

рам, увеличивалось количество тех, кто затруднялся ответить на данный вопрос (в Одессе с 3% до 22%, в области в целом — с 5% до 18%).

Следует обратить внимание и на то, как связаны были друг с другом различные представления и как эта связь менялась в течение незначительного промежутка времени с сентября по ноябрь. Выяснение связи представлений друг с другом показало, что политические представления были довольно тесно взаимосвязаны: минимальной является связь между представлениями о вхождении в Союз-содружество и о федеративном устройстве Украины (коэффициент Крамера (К) равен .14); остальные пары представлений (о вхождении в Союз-Содружество и о независимости, о федеративном устройстве и независимости) были связаны друг с другом более тесно (К принимает значение от .23 до .25). Анализ взаимосвязей основных политических представлений дал возможность установить, во-первых, что *поддерживающие идею независимости в большей степени, чем те, кто ее не поддерживал, признавали необходимость федеративного устройства**. Во-вторых, хотя сторонники независимости в большей степени, чем ее противники, считали, что Украине не следует входить в Содружество, *значительная доля их была одновременно и за вхождение в Союз-Содружество. Это, как выяснилось в связи с постановкой разных уточня-*

* В настоящее время это следовало бы иметь в виду в связи с обвинениями в антипатриотизме тех, кто высказывается за федеративное устройство Украины.

ющих вопросов, обусловлено было особым пониманием независимости-суверенности: в марте 1991 года такие (амбивалентные) высказывания составляли 54%. Если иметь в виду, что за 100% в данном случае было принято количество высказавшихся за независимость, то выходит, что по массиву в целом сторонников вхождения в Союз было 62% от общего числа опрошенных. В конце ноября, за 10 дней до Всеукраинского референдума 83% поддержали Акт о независимости и 60% из них высказались за вхождение в Союз-Содружество. Представление о связи основных ориентации населения относительно государственного самоопределения в 1991 году дает таблица 2.7.

Таблица 2.7

Связь основных политических ориентации населения
Одесской области

Позиция на шкале	Принятие независимости					
	9-нач. 10.1991			11.1991		
	Индекс	К	к к в	Индекс	К К	К К В
Федеративное устройство						
Да	62			74		
Нет	36	.25	.74	65	.21	.58
Ориентация на Союз						
Да	35			60		
Нет	77	.23	.75	91	.11	.57

Как видим, теснота связи представлений о независимости с представлениями о федеративном устройстве и с ориентацией на Союз в сентябре — начале октября 1991 года была примерно одинакова (по К), тогда как в ноябре этого же года связь ориентации «на Союз» и на независимость была значительно меньше. Это значит, что в представлениях людей постепенно происходило размежевание этих двух ориентации и начинала осознаваться их несовместимость. При этом увеличивалась доля тех, кто ориентировался на Союз.

Практически одинаковой на двух массивах была степень гетерогенности (разнородности) представлений о независимости в отношении ориентации на федеративное устройство и на Союз (по К К В). Заметим, что наибольшей разнородностью характеризовались представления о независимости в отношении к ориентации на федеративное устройство (К К В в сентябре-октябре был равен .91 и .98 в ноябре 1991 года).

Выяснение характера связи, которая имела место в тот пери-

од, основных политических представлений с другими политическими представлениями показало следующее:

- связь основных представлений с отношением к референдуму (признание его необходимости и участия в нем), как правило, была менее тесной, чем связь основных политических представлений между собой (К принимало значение от .11 до .19);

- ориентация на независимость в большей степени была выражена у тех, кто признавал необходимость референдума и собирався участвовать в нем, кто доверял Верховному Совету и правительству Украины (индекс принимал значение от 39 до 31)¹;

- ориентация на федеративное устройство в большей степени была выражена у тех, кто положительно относился к референдуму, чем у тех, кто относился к нему отрицательно (индексы соответственно принимали значение 11 и минус 26);

- эта ориентация, однако, практически не дифференцировала опрошенных по их отношению к органам власти;

- ориентация на Союз в меньшей степени была характерна для тех, кто положительно относился к референдуму, чем для тех, кто относился к нему отрицательно (хотя эта разница была незначительной — индексы принимали значение соответственно 31 и 45);

- ориентация на Союз также не дифференцировала опрошенных по их отношению к Верховному Совету и правительству Украины.

В целом можно сделать следующий вывод: высказываясь в 1991 году за независимость и суверенность, большинство населения Одесской области скорее имело в виду конфедеративное устройство Союза (обновленного!), а не создание совершенно самостоятельного государства, не входящего в Союз.

Представления о государственном самоопределении и объективные характеристики. Остановлюсь на характере связи различных объективных признаков с представлениями о государственном самоопределении. О влиянии национальности на различные представления речь будет в очерке 3. Здесь же рассмотрим связь основных представлений о самоопределении с такими объективными характеристиками, как место жительства (Одесса, поселки городского типа и города области, село), возраст, занятие. Все ука-

¹ Здесь и далее вывод был сделан на основании сопоставления индексов ориентации на независимость для тех, кто занимает положительную или отрицательную позицию на шкале того или иного признака (необходимость референдума, участие в референдуме).

занные связи являются значимыми: наиболее типичны значения коэффициента Крамера от .10 до .30.

Начнем с места жительства. Оказалось, что наиболее радикальные взгляды (больше всего высказавшихся и за независимость, и за федеративное устройство, и за выход из Союза), как правило, были характерны для жителей Одессы (в сравнении с малыми городами и пгт области, а также и селом). Однако наблюдаемая во всех других случаях тенденция — наибольший консерватизм села и «промежуточная» позиция пгт в данном случае нарушалась. По всем позициям (независимость, федеративное устройство, отношение к Союзу) представления жителей села и жителей Одессы демонстрируют большее сходство, чем представления одесситов и жителей городов и пгт области. Однако в ноябре месяце наблюдался всплеск «союзнических» настроений в селе, а в пгт возросла популярность идеи независимости (таблица 2.8).

Таблица 2.8

Представления о государственном самоопределении и место жительства (индексы)

Представления	9 - 10. 1991					11. 1991				
	Одесса	пгт	Село	К	ккв	Одесса	пгт	Село	К	ккв
Независимость	49	38	43	.08	.75	64	76	61	.07	
Федеративное устройство	27	-19	-6	.18	.97					
Вхождение в Союз	25	48	31	.11	.85	23	43	54		

Другие объективные характеристики (возраст и занятость) так же, как и место жительства, в меньшей степени дифференцировали представления о независимости, и в большей — отношения к федеративному устройству и Союзу. Так, различие индексов, принимающих наименьшее и наибольшее значение в разных демографических группах (и сентябре-октябре, и в ноябре 1991 года), характеризовалось следующими данными: для представлений о независимости — Kd_1 было равно 16 и 23, для отношения к фе-

1 Чтобы оценить меру различия, рассчитывались средние коэффициенты зависимости (Kd) всего комплекса социальных ориентации от каждого из изучаемых факторов. Работа проделана М.Б. Кунявским.

деративному устройству — 21, к Союзу — 30 и 47. При этом индекс представления о независимости был самым высоким на разных массивах в разных группах; индекс отношения ко вхождению в Союз самым низким в группах до 30 лет, а самым высоким у тех, кому 50 лет и более. Что касается федеративного устройства, то самый высокий индекс был опять-таки в группе 20-29 лет, а самый низкий — в «соседней» возрастной группе — 30-39 лет. Таким образом, *по всем параметрам (основным политическим представлениям) группа 20-29 лет оказывалась наиболее радикальной*. Что касается занятия, то эта характеристика, как, впрочем, и другие, в наибольшей степени дифференцировала представления об отношении к Союзу.

Следует также отметить, что устойчивых различий в политических интересах представителей разных групп обнаружено не было (по данным обоих опросов). *Наиболее четко, однако, выявилось различие ориентаций двух групп — работников советских и общественных организаций и руководителей предприятий: первые были во много раз меньше ориентированы на Союз, чем вторые (у последней группы на двух массивах была зафиксирована самая высокая ориентация на Союз !); индексы в сентябре-октябре соответственно были равны 11 и 52, а в ноябре — 4 и 49.*

Эти различия нам показались интересными. Было высказано предположение, что руководители в большей степени осознавали, какие экономические последствия возможны при распадении единого экономического пространства. Тогда как работники советских и общественных организаций стремились выйти из-под контроля центральной Союзной власти. В настоящее время предложенную версию вышеуказанного расхождения можно принять за истину, она много проясняет в характере дальнейших преобразований, которые проходили на постсоветском пространстве.

Несомненный интерес имело изучение связи представлений о самоопределении с другими представлениями: мнением о межнациональных отношениях, о характере коренных экономических преобразований, о первоочередности проблем, которые следует решать правительству, представлением о том, что принесет рынок (лично опрошенному), и с настроениями (уверенностью в завтрашнем дне).

Обострения межнациональных отношений в большей степени ожидали те, кто не был ориентирован на независимость, но кто был ориентирован на федеративное устройство. Ориентированные на не-

зависимость в большей степени (хотя и незначительно), чем неориентированные, первоочередными склонны были считать политические, а не экономические проблемы (различие индексов было равно 10). Ориентация на Союз дифференцировала опрошенных по этому же признаку более определенно (индекс ориентации у тех, кто первоочередным считал экономические проблемы, был равен 38, а у тех, кто таковыми считал политические, — минус 14). Таким образом, *приоритет политических проблем в сравнении с экономическими (в целом доля опрошенных, признающих этот приоритет, была незначительной — 12%) в большей степени склонны были признавать те, кто ориентирован на существование Украины вне Союза.*

На независимость и на федеративное устройство в большей степени были ориентированы те, кто признавал необходимость быстрых коренных экономических преобразований, и в меньшей степени те, кто вообще не признавал необходимости таких преобразований; различие между «радикалами» и «консерваторами» (имеется в виду признание и непризнание необходимости коренных экономических преобразований) было особенно значительным в отношении к федеративному устройству (индексы ориентации на федерацию у «радикалов» и «консерваторов» были соответственно равны 21 и 32, тогда как индексы ориентации на независимость у тех и других составляли 49 и 17).

Ориентации на Союз у «радикалов» и «консерваторов» различались в меньшей степени, чем на федеративное устройство и независимость. При этом ориентированность на Союз была несколько больше у тех, кто не признавал необходимость коренных преобразований (индексы соответственно равны 28 и 41). Ориентированность на Союз в наибольшей степени была выражена у тех, кто не ждет от рынка улучшений своей жизни («пессимисты»). Что касается ориентации на независимость и на федеративное устройство, то они в большей степени были выражены у ожидающих от рынка улучшения («оптимистов»), чем у «пессимистов», причем в наибольшей степени различие «оптимистов» и «пессимистов» проявлялось в их отношении к федеративному устройству (индексы соответственно были равны 21 и 32 в сравнении с индексами, характеризующими отношение независимости, равными 62 и 27).

Связь представлений о государственном самоопределении с настроениями (в частности, с уверенностью в завтрашнем дне) была незначительной (коэф. крамера не превышал .10). Максимальное

различие «уверенных» и «неуверенных» было выражено в ориентации на федеративное устройство (индексы были соответственно равны 20 и 5 в сравнении с индексами ориентации на независимость, равными у «уверенных» 56, у «неуверенных» — 40).

Характеризуя связь различных представлений в динамике небыл интересно привести следующие данные: в конце сентября — начале октября 1991 года индекс участия в голосовании был выше у ориентированных на самостоятельное государство вне Союза в сравнении с теми, кто ориентирован был на Союз (соответственно 65 и 75). В середине ноября отношение изменилось — индекс участия уже был несколько выше у сторонников Союза (77 и 74).

Подводя итоги анализа мнений относительно государственного самоопределения, прежде всего необходимо указать на следующее: *исследованиями не подтверждается используемый в политических дискуссиях того времени тезис (а также официальная версия, которой придерживаются и в настоящее время), что, голосуя за независимость, народ проголосовал тем самым и против Союза суверенных государств, против вхождения Украины в данный Союз-Содружество. Поддержка Акта независимости Украины у большинства сторонников независимости сочеталась с признанием необходимости вхождения в Союз (Содружество суверенных государств). Больше половины опрошенных в области были ориентированы на Союз. Эта ориентация в течение всего года являлась стабильной, тогда как доля предпочитающих видеть Украину самостоятельным государством вне Союза от опроса к опросу снижалась, составляя в ноябре всего четверть опрошенных.*

Опросы 1991 года показали также, что к 1 декабря по сравнению с началом октября значительно увеличилась доля тех, кто решил принять участие в референдуме и поддержать Акт о независимости Украины. *Это произошло главным образом за счет ориентированных на Союз-Содружество.* К этому следует добавить также, что среди избирателей, обеспечивших победу Л.М. Кравчуку на президентских выборах, преобладали сторонники Содружества.

Ориентированные на Союз-Содружество в большей степени, чем неориентированные на него, первоочередными задачами считали решение экономических проблем. Противники же Союза чаще, чем его сторонники, высказывались за приоритетность политических проблем: строительство независимого государства, создание национальной гвардии и пр. Однако *эта группа (желающих быть вне Союза и*

считающих, что начинать нужно с решения политических задач) крайне немногочисленна: она не превышала 6% опрошенных.

Среди факторов, оказывающих наибольшее влияние на мнение о государственном самоопределении, первые три места занимали принадлежность к социальной группе, национальность и предпочитаемый язык общения (на работе и в общественных местах). При этом значимость первого фактора (социальная группа) в течение года падала, а второго (национальность) возрастала. Третий фактор (предпочитаемый язык общения) стабильно оказывал большое влияние на политические предпочтения, относящиеся к сфере государственного самоопределения.

*Данное обстоятельство, как стало ясно в последующем, и привело к тому, что «языковая проблема» использовалась как разменная монета в политической борьбе. Вывести ее из этой сферы можно только одним способом: **признать, что она существует и является по своей сути проблемой не политической, а цивилизационной.** А это значит, что, по крайней мере, в преимущественно русскоязычных регионах должны быть созданы условия для овладения грамотным, русским литературным языком и освоения русского культурного наследия (не в меньшей степени, чем условия овладения украинским языком и украинской культурой).*

Следующий очерк даст возможность вернуться к данной проблеме.

3. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПРЕДДВЕРИИ НЕЗАВИСИМОСТИ

Актуальность исследования межнациональных отношений и культурно-языковой ситуации в Одесской области.

Изучение национально-культурного развития в Украине, осуществленное в августе 1989 г. Отделом проблем этносоциологии Института искусствоведения, фольклора и этнографии совместно с идеологическим отделом ЦК КПУ (опрошено 4912 чел.), явилось основанием для заключения об отсутствии обстоятельств, свидетельствующих о национальном нигилизме в Украине как массовом явлении¹. В рамках этого исследования по Одесской

¹ Кушерец В.И., Орлов А.В. Национально-культурное развитие: Основные аспекты, некоторые результаты исследования // ФиСМ. — 1989. — № 10.

области* были получены относительно репрезентативные данные, которые можно было использовать для характеристики некоторых аспектов межнациональных отношений нашего региона, сравнить ситуацию в области с тем, что имело место в других областях (всего обследовалось 9 областей Украины).

Оказалось, что население Одесской области выше, чем по Украине в целом, и значительно выше, чем во Львовской области и в Киеве, оценивало благополучие межнациональных отношений (рис. 2.17):

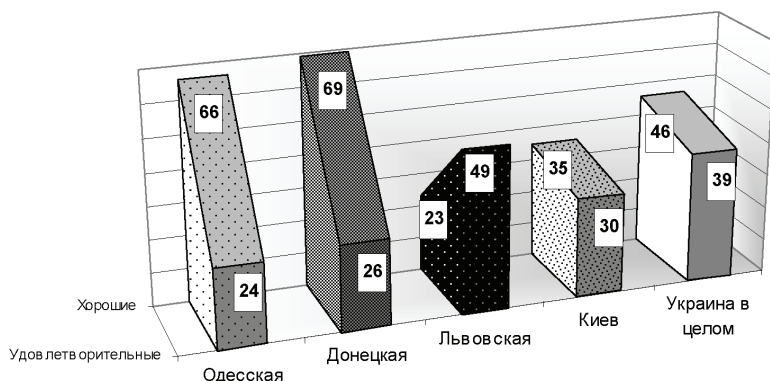

Рис. 2.17. Оценка межнациональных отношений (в %)

Два обстоятельства в тот период времени, с нашей точки зрения, могли провоцировать конфликты: ускорение процесса суверенизации и форсированное введение закона о языке, а также практическое осуществление решения о признании украинского языка единственным государственным языком. Всякие поспешные, непродуманные шаги, предпринимаемые в этих направлениях, как мы считали, могли сыграть роль факторов, обостряющих межнациональные отношения в нашем относительно благополучном регионе. Опасения были вполне актуальны в связи с конфликтом в Молдавии, поводом для которого, как известно, была нерешенная языковая проблема.

Были и собственные поводы, которые могли провоцировать напряженность, например, указание коллегии Министерства выс-

* Исследование в Одесской области были проведены Обкомом КПУ совместно с Одесским отделением Института экономики АН УССР в августе 1989 г. Было опрошено 1600 чел. в Одессе и в девяти районах области.

шего и среднего специального образования о выполнении закона о языках в Украинской ССР. Полностью перевести преподавание в вузах Украины на украинский язык предполагалось к 1996 году. Появлялись различного рода инструктивные письма, в которых предписывалось знание украинского языка для представителей различных профессий. Официальные лица в выступлениях по радио и телевидению говорили о необходимости рассматривать знание украинского языка как признак квалифицированности специалиста, который должен учитываться при аттестации и т. д.

Анализ литературных источников того периода показал, однако, что серьезного изучения реальной языковой ситуации у нас в республике не проводилось. Практически отсутствовали необходимые социолингвистические исследования, отсутствовала общая характеристика реальной языковой ситуации в Украине, не было сравнительных данных по регионам. Исследования, которые проводились Институтом языковедения им. А.А. Потебни¹, как мы тогда считали, нельзя было рассматривать как достаточные для принятия сколько-нибудь серьезных решений по проблемам языка на правительственном уровне. Поэтому свое изучение межнациональных отношений в Одесской области мы начали с тщательного анализа национального состава и культурно-языковой ситуации.*

Национальный состав населения. Южноукраинский регион в целом — один из многонациональных регионов Украины. Его особенность — совместное проживание свыше десяти относительно многочисленных этнических общностей (каждая составляет не менее 0,1% населения). В 1989 году Одесская область была единственной областью в Украине, где рядом проживало *семь наиболее многочисленных этнических общностей* (каждая составляла не меньше 0,5% населения) — украинцы, русские, болгары, молдаване, евреи, гагаузы, белорусы. При этом, хотя украинцы и составляли большинство населения Одесской области, доля пяти других наиболее многочисленных народов здесь значительно превышала аналогичный показатель для Украины (болгар — в 13 раз, гагаузов — в 11 раз, молдаван — в 9 раз, евреев — в 3 раза, русских — в 1,2 раза).

¹ Украинско-русское двуязычие: Социологический аспект / Отв. ред. Т.К. Черторыжская. — К.: Наук. думка, 1988.

* Подробный анализ статистических данных на этот счет, выдержки из которого далее приводятся, осуществлен в 1990 году Г.П. Бессокирной.

Полиэтнический состав населения был характерен не только для городского, но и для сельского населения региона. Например, в Одесской области среди городского населения 51,2% составляли украинцы, 36,0% — русские, 4% — евреи, 3,2% — болгары, 2,3% — молдаване, 1% — белорусы; а среди сельского 61% составляли украинцы, 12,3% — болгары, 11,6% — молдаване, 10,9% — русские, 2,4% гагаузы.

Многонациональной являлась не только Одесса, где проживало 48,9% украинцев, 39,4% русских, 5,9% евреев, 1,5% болгар, по 1% молдаван и белорусов, но и все другие города областного подчинения. Во всех областях южноукраинского региона, кроме упомянутых выше, проживали и представители других многочисленных в Украине этнических общностей: поляки, татары, армяне, цыгане, немцы. В Одесской области в 2 раза больше, чем в Украине в целом, был процент армян и цыган, но в 2 раза меньше процент поляков. Что касается других национальностей и народностей, то в 1989 году их проживало в Одесской области свыше 100. К ним относились (в порядке уменьшения численности): азербайджанцы, грузины, албанцы, греки, узбеки, казахи, венгры, литовцы, румыны, латыши, эстонцы, таджики и др. Южноукраинский регион в целом и Одесская область являлись местом компактного проживания для таких этнических общностей, как цыгане, армяне, немцы, евреи, молдаване, болгары, гагаузы.

Динамика национального состава. Общими тенденциями, характерными для того периода времени для южноукраинского региона и Украины в целом, были следующие: уменьшение процента украинцев, евреев и поляков; увеличение процента русских; стабильность (или увеличение) процента белорусов, армян, цыган, немцев, гагаузов. Для динамики национального состава Одесской области характерно было уменьшение доли болгар и молдаван (при стабильности процента болгар в Украине и в двух других областях региона), процента молдаван (при сохранении их доли в Украине и даже увеличение процента молдаван среди населения Николаевской и Херсонской областей). К другой особенности динамики национального состава населения Одесской области относилось также следующее: здесь за период между двумя переписями населения в 2 раза увеличился процент татар и цыган (при стабильности удельного веса цыган в Украине и в двух других областях региона, процента татар в Украине и в Николаевской областях).

Для характеристики национального состава населения городов областного подчинения и сельских районов Одесской области был использован *индекс мозаичности* национального состава (чем выше индекс, тем больше вероятность вступления этнических общностей в межнациональные контакты). Выяснилось, что индексы мозаичности были весьма значительными не только в городах областного подчинения (Одесса — 0,60, Ильичевск — 0,54, Измаил — 0,63, Котовск — 0,43, Белгород-Днестровский — 0,58), но и в ряде сельских районов. В некоторых сельских районах юго-западной части области индексы мозаичности были даже выше, чем в г. Одессе: Тарутинском, Измаильском, Арцизском, Ренийском, Килийском, Саратском, Болградском, Белгород-Днестровском, Тарбунарском. Наиболее низким указанный индекс был в северных районах области: Саратском, Кодымском, Балтском, Любашевском.

Следует подчеркнуть, что именно *украинцы в тот период являлись наиболее многочисленной национальной группой в 22 из 26 сельских районов Одесской области, в т. ч. в 19 из 26 — большинством населения*. Русские являлись второй по численности национальной группой во многих районах Одесской области: Килийском (33 %), Арцизском (25%), Ренийском (18,3%), Раздельнянском (18,8%), Овидиопольском (19,3%), Коминтерновском (18,7%), Беляевском (16,6%), Великомихайловском (16,7%) и ряде других районов.

Межнациональные отношения и языковая ситуация. В советских переписях населения вопрос о родном языке задавался не столько для определения знания или использования языка, сколько для выяснения этнического самосознания опрашиваемых (родства с собственным народом). Родной язык, как известно, мог не совпадать с национальностью. Если опрашиваемый затруднялся назвать какой-либо язык родным языком, записывали название языка, которым он лучше всего владел или которым обычно пользовался в семье. Родной язык детей определялся родителями. Если родители затруднялись определить родной язык ребенка, записывали язык, на котором обычно разговаривали в семье.

Большинство жителей южноукраинского региона в переписях 1979 г. и 1989 г. назвали в качестве родного языка язык своей национальности. Однако во всех областях (особенно в Одесской) их доля среди населения была несколько меньшей, чем в Украине в целом. *Большинство украинцев (и в южноукраинском регионе, и в*

Украине) считали родным украинский язык. В то же время процент лиц, называющих украинский язык в качестве родного языка, за предшествующее 1989 году десятилетие снижался. Например, в Одесской области в 1979 г. 8 из 10 украинцев назвали родным украинский язык, а в 1989 г. — только 7 из 10.

Значительное число жителей южноукраинского региона в тот период времени (независимо от национальности) родным языком считали русский: 1 из 5 — в Одесской области; 1 из 7 — в Николаевской, 1 из 10 — в Херсонской и в Украине в целом. Соответственно так называемое «русскоязычное население» в Одесской области составляло 47,0% (для сравнения: в Херсонской — 30,4%, в Николаевской — 33,8%, в Украине в целом — 32,8%). Русский язык считали родным абсолютное большинство евреев во всех областях южноукраинского региона и в Украине в целом, свыше половины белорусов в Одесской и Николаевской областях и в Украине в целом, а также свыше половины немцев в Одесской области и в Украине в целом, большинство поляков, татар, армян, проживающих в Одесской области. В Одесской области русский язык был родным и для каждого четвертого украинца. Украинский язык был родным языком для 67,7% жителей Херсонской области, 64,2% — Николаевской и 41,2% — Одесской области (в Украине в целом для 64,7%). Таким образом, украинский язык — был родным языком для большинства жителей не только Украины, но и Херсонской и Николаевской областей. В Одесской же области ни один из языков не являлся родным для большинства жителей (для 47,1% родной язык — русский, для 41,2% — украинский, для 11,7 % — другой язык).

Процесс утраты национального языка как родного был характерен, прежде всего, для городских жителей. При этом в городских поселениях гораздо чаще, чем в сельских, родным языком становился русский язык. Например, среди болгар, проживающих в городских поселениях Одесской области, процент лиц, назвавших русский родным языком, в 9 раз больше, чем среди болгар, проживающих в сельской местности.

И все же в городских поселениях язык своей национальности был родным языком для большинства жителей. В Одессе преобладало русскоязычное население (72,6% жителей считали родным русский язык). Украинский язык был родным только для 24,9% одесситов, и только для 2,5% — родным был другой язык.

Двуязычие. Под «двуязычием» подразумевают более или менее одинаковое владение двумя языками или знание в совершенстве как родного, так и второго языка, т. е. знание и употребление в речевой деятельности двух языков. Во время переписей после записи родного языка лицам, свободно владеющим другим языком народов СССР, т. е. умеющим читать, писать и свободно разговаривать или только свободно разговаривать на другом языке, записывали название этого языка. По статистическим данным того периода, двуязычие было весьма распространенным явлением среди населения южноукраинского региона, но в меньшей степени в Одесской области (в сравнении с Херсонской и Николаевской). Правда, процент лиц, которые владели вторым языком, за десятилетие (с 1979 по 1989 гг.) увеличился во всех областях.

Особенно широкое развитие в южноукраинском регионе получило национально-русское двуязычие. Русским языком (как вторым) свободно владел каждый второй житель в Херсонской и Николаевской областях, 3 из 10 — в Одесской области. Русским языком свободно владели свыше половины украинцев, для которых родной язык — украинский. Большинство русских, проживающих не только в Одесской области, но и в двух других областях региона и в Украине в целом, не владели в тот период времени вторым языком. Украинский язык был вторым языком лишь для 1 из 10 жителей Одесской области. При этом среди одесситов был выше, чем в Одесской области в целом, процент лиц, которые не владели вторым языком. Особенно много таких людей было среди русских, немцев и евреев.

Одной из задач вторичного анализа статистических данных являлось *выяснение степени владения украинским языком*. Оказалось, что в 1989 году большинство населения во всех областях южноукраинского региона и в Украине в целом владело украинским языком: в Херсонской области — 82,4%, в Николаевской — 77,8 %, в Одесской — 56,7%, в Украине — 78%. При этом в сельской местности Одесской области украинским языком владело 65,2% жителей, в городских поселениях — 52,2%, а в Одессе — меньше половины населения (49,8%). В то же время в 6 сельских районах юго-западной части Одесской области большинство населения не владело украинским языком: в Болградском — 95,1%, в Ренийском — 86,2%, в Тарутинском — 78,2%, в Арцизском — 76%, в Измаильском — 68%, в Килийском — 55,8%.

В Одесской области украинский язык знало только большинство украинцев, а большинство представителей других наиболее многочисленных этнических общностей не владели украинским языком. Украинским языком не владела и некоторая часть украинцев (12,8% в области и 24,2% в Одессе). *В целом же процент владения украинским языком зависел от возраста: чем старше был возраст, тем больше был этот процент.*

Влияние национальности и культурно-языковых характеристик на политические и социально-экономические ориентации*. Как показали опросы, проведенные в 1991 году, и национальность, и лингвистические характеристики (особенно предпочитаемый язык общения) были значимы в системе взаимодействий объективных и субъективных факторов, фиксируемых в опросах. Несомненным было и то, что этнолингвистические характеристики оказывали влияние на содержание социальных представлений населения. Более того, *влияние этих характеристик в течение 1991 года увеличивалось.* Об этом свидетельствовала обобщенная оценка меры воздействия различных факторов (K_d) на социально-политические и социально-экономические представления, фиксируемая в динамике. С марта по ноябрь влияние такого фактора, как национальность, увеличилось вдвое. (Таблица 2.9.)

Таблица 2.9

Показатели зависимости политических и социально-экономических представлений и ориентаций от различных факторов (средние K_d)

Факторы дифференциации	Массивы информации		
	III. 1991	I X - X. 1991	XI. 1991
Пол	.06	.04	.05
Возраст	.14	.10	.12
Образование	.09	.09	.09
Социальная группа	.29	.18	.20
Место жительства (тип поселения)	.13	.09	.08
Национальность	.25	.30	.48
Предпочитаемый язык общения на работе и в общественных местах	*	.43	.43

* Не фиксировался

Использованы материалы, подготовленные в 1991 году М. Б. Кунявским.
 1 См. примечание на стр. 131.

Оказалось также, что национальность и предпочитаемый язык общения являлись теми факторами, которые непосредственно, (а не через посредство других объективных характеристик) сравнительно сильно влияли на такие важнейшие социально-политические ориентации, как, например, вхождение Украины в новый Союз (Содружество), на одобрение Акта провозглашения независимости и др. Однако факторами, ослабляющими или усиливающими такое влияние, были место жительства (село, районный или областной центр) и социальная принадлежность (к рабочим, крестьянам, ИТР и т. д.). Это обстоятельство объясняет тот факт, что в некоторых группах (общностях) украинцы были больше ориентированы на сохранение Союза (содружества) и меньше на независимость Украины, чем русские в этих же группах (общностях) соответственно. Однако при устранении влияния места жительства или социальной принадлежности, т. е. в рамках определенной социальной группы, либо среди людей, проживавших в идентичных поселенческих условиях, национальность оставалась, как правило, значимым дифференцирующим фактором. Для примера можно сослаться на данные, характеризовавшие связь национальности с ориентацией на союз украинцев и русских, проживающих в поселениях различного типа, а также данные об отношении тех и других к Акту провозглашения независимости (Рис. 2.18 и 2.19)

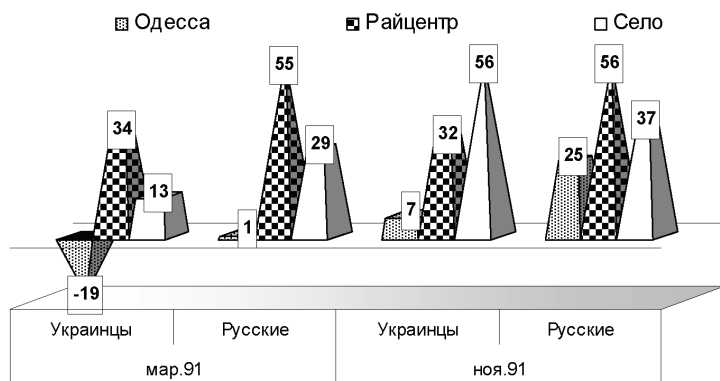

Рис. 2.18. Ориентация на Союз (Содружество) суверенных государств в зависимости от национальности и места жительства (индексы)

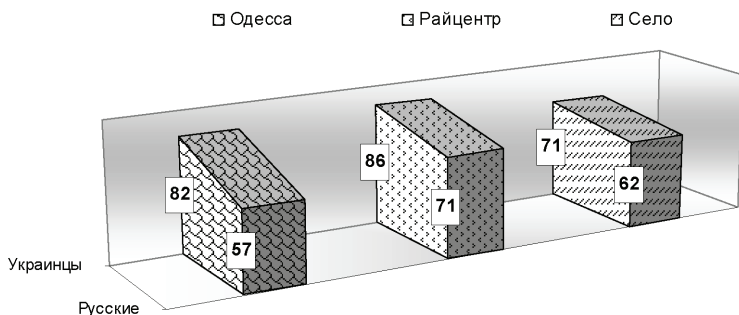

Рис. 2.19. Отношение к Акту провозглашения независимости Украины в зависимости от национальности и места жительства (индексы)

Как оказалось, национальность была более значима для представлений о федеративном устройстве и для отношения к Союзу и менее значима для признания независимости. В то же время она (национальность) была менее важной для основных представлений о государственном самоопределении в сравнении со значимостью культурно-языковой позиции (родной язык, язык общения, предпочитаемый язык и т. д.). Связь представлений о самоопределении с характеристиками, свидетельствующими о культурно-языковой позиции опрошенных (признают ли необходимость второго государственного языка, считают ли, что необходимо создавать преимущественные условия для развития коренной национальности, на каком языке предпочитают общаться на работе и в общественных местах, какой язык является родным), была такова:

— Ориентация на независимость в большей степени была выражена у тех, кто считал родным языком украинский, в сравнении с теми, кто считал таковым русский (разница индексов — dI равно 16), кто предпочитал украинский язык в качестве языка делового общения (dI равно 18), кто считал, что необходимы преимущества для коренной национальности (dI у признающих необходимость таких преимуществ в сравнении с теми, кто их не признавал, равно 10). Практически не было различия в ориентациях на независимость тех, кто признавал необходимость второго государственного языка, и тех, кто этого не признавал.

— Ориентация на федеративное устройство оказалась более чувствительной к родному языку, чем к предпочитаемому языку общения (dI у считающих родным украинский и русский был равен 20, а у предпочитающих общаться на том или ином языке равен 2). Что касается других признаков, характеризующих культурно-языковую позицию (второй государственный язык, признание необходимости преимущественных условий для развития коренной национальности), то в большей степени ориентации на федеративное устройство различались у тех, кто считал необходимым признание второго языка, и тех, кто отрицал такую необходимость (индексы соответственно принимали значения 29 и минус 34). У признающих преимущества и отрицающих их индексы ориентации на федеративное устройство равны 18 и 4. Вообще следует сказать, что представления о федеративном устройстве в сравнении с другими представлениями, характеризовавшими культурно-языковую позицию (также, впрочем, как и многие другие позиции) было наиболее гетерогенным — ККВ принимало здесь наибольшее значение (.97).

— Ориентация на Союз в большей степени была выражена у тех, кто родным языком считал русский, и еще в большей степени у тех, кто предпочитал общаться на русском языке (в первом случае d, характеризующая различие между «русскоязычными» и «украиноязычными», была равна 16, во втором случае — 25). Ориентация на Союз немногим более была выражена также у тех, кто признавал необходимость второго государственного языка (I был равен 30 в сравнении с 17 у «непризнающих»). Практически одинаково данная ориентация была выражена у тех, кто считал, что должны быть преимущества у коренной национальности, и кто с этим не соглашался.

Связь «языковых предпочтений» с представлениями о самоопределении, а также об их изменении (прожективная динамика) довольно четко просматривалась в сентябре–октябре 1991 года. В этот период различие индексов ориентации на Союз (ответ на референдуальный вопрос и на вопрос, поставленный в республиканском опросе) у тех, кто предпочитал читать книги и слушать ТВ и радио на русском языке, и тех, для которых были характерны «украиноязычные» предпочтения, было больше, чем различия ориентаций опрашиваемых, выделенных по всем другим «языковым» параметрам: родному языку, языку, использовавшемуся до школы, языку обучения в школе, языку общения в семье. Во всех

перечисленных случаях индексы ориентаций на Союз у «украиноязычных» и «русскоязычных» практически не различались, и лишь в случае указанных предпочтений dI быо равен 24. В значительно меньшей степени, чем в случае языкового предпочтения, различались индексы ориентации на Союз и у тех, кто понимал украинский язык и владел им, от тех, кто не понимал и не владел им. Заметим, что в еще большей степени ориентации на Союз различались по признаку предпочтений применительно к прожеktivной ситуации (за что голосовал бы, если бы референдум был сейчас) — здесь dI для «украиноязычных» и «русскоязычных» принимал максимальное значение — 41!

Размышление над значимостью языковых предпочтений приводит к мысли о том, что в данном случае речь идет не просто о языковых различиях, а об ориентации на определенную культуру (какие книги читают, какие передачи слушают). Вопрос о значимости культурных факторов для определенной позиции в отношении самоопределения требовал, однако, отдельного рассмотрения и привлечения к анализу данной проблемы социолингвистов и культурологов, что, к сожалению, в тот период времени не было сделано.

Итак:

— Межнациональные отношения в Одесском регионе в период 1990—1991 годов были относительно благоприятными, характеризовались устойчивостью, бесконфликтностью.

— Существенное значение для межнациональных отношений, а также для характера политических представлений имела культурно-языковая ориентация.

— Языковая ситуация в Одесской области отличалась особым своеобразием, неповторимостью и не имела аналогов в других областях Украины.

Учитывая последнее обстоятельство бюро Южно-Украинского отделения Социологической ассоциации Украины в октябре 1991 г. выступило с Заявлением, текст которого привожу далее полностью.

ЗАЯВЛЕНИЕ

БЮРО ЮЖНО-УКРАИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ УКРАИНЫ

В связи с предстоящим общереспубликанским референдумом, бюро Южно-Украинского отделения Социологической ассоциации Украины считает необходимым определить свою позицию.

Исследования, проведенные в 1989–1991 гг. (последнее в октябре 1991 г.) по различным проблемам (динамика социально-политических представлений, межнациональные отношения, языковая ситуация и др.), анализ данных социальной статистики свидетельствуют о проявлении следующих тенденций:

- большинство населения Одесской области поддерживает идею независимости Украины. При этом 2/3 видят её в составе нового содружества равноправных суверенных государств и 1/4 разделяет представление о самостоятельной суверенной Украине вне Союза;

- более половины населения области считают необходимым иметь по желанию жителей тех или иных регионов два государственных языка.

Мы считаем, что игнорирование предпочтений населения и неучёт в государственной политике реальной ситуации могут привести к кризисным явлениям. Известно, что конфронтация и обострение межнациональных отношений возникали в отдельных регионах страны именно после объявления независимости и форсированного введения закона об языке. Поэтому нельзя игнорировать исторические и культурные традиции Одесской области — единственной среди областей юга Украины, которая формировалась в русле многонациональных культур (самый высокий процент межнациональных браков, фактически одинаковое употребление населением русского и украинского языков, высокая отдача в общенациональный фонд науки и искусства и др.). Относительное спокойствие в нашей области ни в коей мере не должно быть нарушено.

Последние опросы подтверждают, что та часть населения области, которая определяет развитие научного, технического и культурного потенциала республики (научные и технические специалисты, руководители предприятий и организаций, квалифицированные рабочие, студенчество), предпочитает в качестве языка делового общения русский. Форсированное введение одного государственного языка в нашей области, которое уже начало осуществляться, приведет к снижению общего научного и технического уровня, отвлечёт от решения актуальных задач социально-экономического развития независимой Украины. Именно решение этих задач 85% жителей Одесщины считают первоочередными, а половина населения выступает за быстрый и решительный переход

к рыночной экономике. Решение же политических проблем выдвигает на первый план только каждый десятый из жителей области. Это свидетельствует о необходимости наполнения политической идеи независимости и суверенитета конкретным правовым и экономическим содержанием.

Решая проблему независимости Украины, нужно исходить из сложившихся историко-культурных традиций и реальной социально-политической ситуации в различных регионах республики. Только такой подход будет эффективным и бесконфликтным.

Бюро Южно-Украинского отделения Социологической ассоциации Украины считает необходимым, чтобы референдуму предшествовало принятие ряда документов, дающих населению конкретные социальные, экономические и правовые гарантии защиты интересов личности в независимой Украине. Особо следует обратить внимание на предоставление регионам широких прав самостоятельности хозяйственного и культурного развития.

Для того чтобы референдум дал возможность выразить интересы населения в наибольшей степени, считаем необходимым дополнительно к основному вопросу об одобрении или неодобрении независимости Украины добавить следующие уточняющие вопросы:

1. Нужно ли Украине вместе с другими республиками создать содружество равноправных и суверенных государств?

2. Следует ли признать русский язык вторым государственным языком?

Если эти вопросы (возможно, в несколько иной формулировке) не будут вынесены на общереспубликанский референдум, предлагаем областным и городским Советам народных депутатов Южно-украинского региона обсудить вопрос о дополнительных бюллетенях.

Заявление принято на заседании бюро 15 октября 1991 года.

Председатель бюро, д.ф.н. И.М. Попова.

Продолжая обсуждение культурно-языковой проблемы и, в частности, выясняя возможность выведения данной проблемы за пределы политической сферы и политического самоопределения населения, выскажу следующие соображения: предпринятые в последнее время попытки вытеснить русский язык из сферы телерадиовещания, практики судопроизводства и другие аналогичные меры не приводят к

решению этой задачи (вывести язык из сферы политики), а лишь создают благоприятную почву для того, чтобы «языковая ситуация» продолжала оставаться объектом политических спекуляций. Эти меры не защищают и украинский язык, не приводят к увеличению объема общения населения на языке украинском. По нашим данным, например, которые были получены в результате исследования старшеклассников г. Одессы, количество семей, в которых общаются на русском языке, за период 1997–2005 годов не уменьшилось, а увеличилось, хотя за эти годы больше стало ребят, относящих себя к украинцам. Вообще язык **бытового общения** невозможно навязать «сверху» — это аксиома, не считаться с которой бессмысленно. Распространенность повседневного общения на русском, с одной стороны, и дефицит каналов получения информации на русском литературном языке (учитывая и крайне скудное количество часов, отведенное в школах для обучения русской грамоте и литературе), с другой, — это приводит к снижению общего культурно-цивилизационного уровня населения.

4. НАСТРОЕНИЯ, РОСТ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Показатели настроения населения.* Общественное мнение является весьма чувствительным барометром социальных настроений. В 1989–1991 годах мы фиксировали такие показатели настроений, как «удовлетворенность жизнью», «уверенность в завтрашнем дне», «оценки социальной справедливости» и «существующего положения дел», «социальные ожидания в отношении будущего». Косвенным показателем социальных настроений являлась «ориентация на эмиграцию». Данные свидетельствовали о том, что в сознании, настроениях населения прослеживались симптомы растущей социальной напряженности, глубокой неудовлетворенности положением дел и социального пессимизма.

Оценки социальной ситуации. Для большинства опрошенных характерна была *неудовлетворенность существующим положением дел*. Именно это настроение в тот период было преобладающим, доминирующим. Большинство считало, что перестройка на местах практически не осуществляется, положение дел — «плохое»

* Использовались материалы, подготовленные в 1990 году В.Б. Моиним.

и «очень плохое», и за последние несколько лет ситуация даже ухудшилась: широко распространены нарушения социальной справедливости, более того — за последние годы социальная справедливость даже ослабла, и жизнь, по мнению, большинства в целом ухудшилась (рис. 2.20).

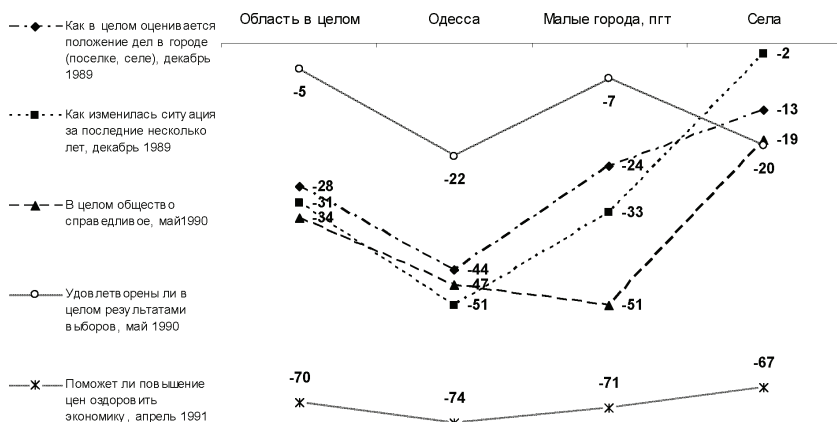

Рис. 2.20. Мнение населения о существующем положении дел (индексы)

При этом наблюдалось следующее: во-первых, хотя практически во всех случаях преобладали негативные оценки положения дел, критичность оценок снижалась по мере удаления от областного центра — *наиболее критичными были одесситы, наименее — жители села*; во-вторых, *наиболее единодушными были мнения населения в оценках экономического положения* (влияния повышения цен на экономику). *Следует подчеркнуть также, что фиксируемое в Одесской области состояние социальной напряженности являлось в тот период характерным, типичным для настроения населения в различных регионах не только Украины, но и за ее пределами.* Об этом свидетельствовали различные, публикуемые в то время в средствах массовой информации данные: считали, что там, где они живут, существует социальная напряженность, 69% опрошенных в Москве, 67% — в Киеве, 69% — в Ташкенте, 69% — во Львове. 63% — в Горьком.

Интегральные показатели социальной напряженности. К числу основных интегральных показателей социальной напряженности

были отнесены *удовлетворенность жизнью и уверенность в завтрашнем дне, а также ориентация на эмиграцию*. Почти во всех случаях индексы таких показателей, как удовлетворенность жизнью и уверенность в завтрашнем дне, принимали отрицательное значение, что свидетельствовало о довольно высоком уровне социальной напряженности в регионе.

Такая характеристика, как уверенность в завтрашнем дне, фиксировалась во всех опросах, проводимых в течение 1990–1991 года. Это было обусловлено тем местом, которое она занимала в системе взглядов и мнений. Ранее (когда речь шла о прессовых опросах 1989 года) я ссылалась на результаты осуществленного О.Р. Лычковской анализа, в соответствии с которым было обнаружено, что *уверенность в завтрашнем дне занимала центральное место в совокупности других представлений, являлась наиболее информативной в сравнении с другими рассмотренными переменными*. В связи с анализом результатов прессовых опросов было сделано заключение, что уверенность в завтрашнем дне, оказывая наиболее сильное влияние на многие переменные, сама вместе с тем зависела, прежде всего, *от представлений респондентов об изменении их жизненного уровня*.

Опросы 1990 года показали также, что к факторам социальной напряженности относились в тот период времени, прежде всего, *взаимоотношения между союзным правительством и гражданами*. В неблагополучии этих отношений было уверено значительное большинство жителей Одесщины. Вторым по значимости источником социальной напряженности были отношения между *руководителями и подчиненными на предприятиях*, в организациях, колхозах, совхозах. Гораздо слабее ощущалась напряженность между людьми разных национальностей, работниками физического и умственного труда, горожанами и крестьянами.

Динамика настроений. Исследование динамики такого показателя социальной напряженности, как уверенность в завтрашнем дне, позволило установить следующее: в течение 1990–1991 года *происходило постепенное нарастание социальной напряженности, снижение показателя уверенности в завтрашнем дне*. (Рис. 2.21.) При этом и по отношению к своей будущей жизни менее критичными (более уверенными) были жители села: индексы уверенности у них во всех опросах были значительно выше, чем индексы одесситов, и выше, чем в среднем по области.

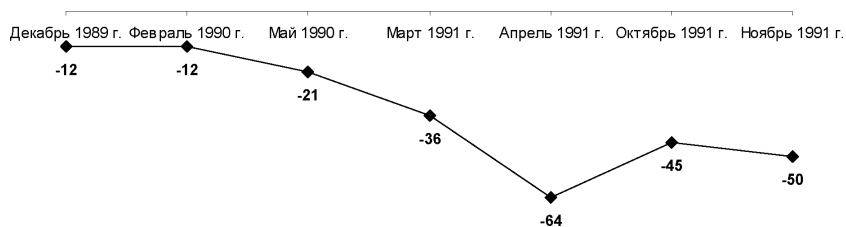

Рис. 2.21. Динамика «уверенности в завтрашнем дне» населения Одесской области (индексы)

Как видим, на протяжении 1990–1991 гг. в общественном настроении нарастала неуверенность в завтрашнем дне, вызванная продолжавшимся распадом экономического, политического и идеологического пространства, в котором жило несколько поколений советских людей. В апреле 1991 г. в результате «павловского» повышения цен индекс уверенности в ближайшем будущем упал больше, чем за весь предыдущий год. Затем, к началу октября, этот индекс несколько повысился, хотя и оставался на более низком уровне, чем в «доапрельский» период. На относительной стабилизации индекса уверенности в сентябре–ноябре, возможно, сказалось приспособление населения к новой ситуации, а также, по-видимому, поражение августовского путча. В целом же осень была отмечена новым нарастанием пессимистических настроений. Доминируя в мировосприятии основных социальных групп, пессимизм к концу 1991 года охватил две трети взрослого населения области. Особое распространение он получил в городах.

Ориентация на эмиграцию*. Косвенный показатель социальной напряженности — ориентация на эмиграцию, также свидетельствовал о нарастании напряженности. Например, с декабря 1989 года по май 1990 года в 2 раза увеличилось количество желающих эмигрировать в целом по области (с 8% до 17%) и в Одессе (с 14% до 28%).

Более детальное рассмотрение результатов майского опроса 1990 года позволило установить социальный состав, ориентированных на эмиграцию. Желающие переехать на постоянное место жительства за границу распределились следующим образом: учащиеся вузов и техникумов — (42%), руководители высшего звена (предприятий, организаций) — 28%, рабочие — 23%, специалисты гуманитарных профессий — 21%, служащие из числа технического

* Использовались материалы, подготовленные в 1990 году В.Б. Моиным.

и обслуживающего персонала — 20%. Ориентация на отъезд совершенно определено зависела от возраста и уровня образования. Чем моложе были респонденты, тем сильнее была выражена ориентация на эмиграцию: до 20 лет ориентированных на эмиграцию было 44%, 20-29 лет — 28% и свыше 60 лет — лишь 3%. Имела место прямая связь с уровнем образования: чем оно было выше, тем сильнее была выражена ориентация.

Намерение эмигрировать было тесно связано не только с демографическими характеристиками опрашиваемых и их образованием, но и с общей системой их взглядов, оценок, мнений. Наиболее тесно с ориентацией на эмиграцию были связаны оценки общества как справедливого и ориентацией на развитие рыночных отношений, коренную экономическую реформу. Имела место связь между ориентацией на отъезд и уверенностью в завтрашнем дне. (Таблица 2.10.)

Таблица 2.10

Зависимость взглядов, оценок, мнений от установок
на эмиграцию (индексы)

Взгляды, оценки, мнения	Установка на эмиграцию	
	Есть	Нет
Удовлетворены результатом выборов	-30	4
Произойдут изменения к лучшему	-24	10
В целом наше общество справедливое	-81	-20
Были случаи несправедливого отношения к вам	-60	-22
Необходимы равные возможности для развития разных форм собственности	81	59
Установить «потолок» заработков	- 52	-39
Узаконить частную собственность	-76	32
Разрешить использовать наемный труд	-45	8
Считаете справедливой оплату вашего труда	- 53	-27
Удовлетворенность уровнем жизни своей семьи	- 37	4
Оценка уровня жизни семьи (в сравнении со «средним»)	-21	- 24
Удовлетворенность жизнью	-34	3
Уверенность в завтрашнем дне	-50	-13
Как изменилась жизнь за последние годы	-10	-6

Как видим, ориентированные на эмиграцию были настроены более радикально, более критично, в большей степени ощущали социальную напряженность. Были основания также предполагать, что

не столько оценки различных сторон действительности обуславливали их общий социальный пессимизм и желание уехать, сколько сформировавшееся желание уехать, неразрывно связанное с общим пессимистическим восприятием социальной действительности, обуславливало и более критичные оценки различных ее сторон и ориентацию на отъезд.

Итак, для общественного настроения в период 1990–1991 года характерны были *симптомы растущей социальной напряженности, социального пессимизма: неудовлетворенность положением дел, неуверенность в завтрашнем дне, рост ориентации на эмиграцию*. Эти настроения были типичны для всех регионов страны. Но в Одесской области они проявлялись с особой остротой, причем наиболее критичные, пессимистичные мнения были характерны, в первую очередь, для одесситов.

Процесс нарастания социальной напряженности, рост неудовлетворенности жизнью, неуверенности в завтрашнем дне в той или иной степени был характерен для разных групп населения. *Наиболее сильно эта тенденция прослеживалась у самой активной, образованной части населения*. Причем в этом отношении все в большей степени наблюдалось единство, согласованность мнений и оценок.

Среди различных показателей социальной напряженности доминирующими являлись оценки уверенности в завтрашнем дне, представления об изменениях в жизни людей. Через призму этих оценок в основном воспринималась действительность, именно они придавали эмоциональную окраску различным мнениям, суждениям опрашиваемых.

И прямые, и косвенные оценки людьми сложившейся ситуации свидетельствовали о том, что *никакие обещания, никакая умелая либо не очень умелая риторика, ничто не оказывало столь действительного воздействия на общественные настроения, позицию людей, сколько характер изменений реальных жизненных условий*. Вопрос об улучшении жизни людей был ключевым вопросом. *Все остальное приобретало значимость в глазах населения в той степени, в какой приближались к решению этого вопроса либо отдалялись от него*. Само же улучшение жизни, как следовало из опросов, — это не только повышение материального уровня, но и создание условий для реализации способностей и проявления инициативы, защита от произвола и несправедливости, в каких бы формах они не выступали. Это за-

ключение, которое следует из анализа материалов 1989–1991 годов, не потеряло своей актуальности и в настоящее время.

Полезно было бы провести исследование, аналогичное тому, которое провели российские социологи, поставив цель выяснить, как спустя 20 лет россияне оценивают перестройку¹. Данные этого исследования чрезвычайно интересны, и их нельзя обойти вниманием. Приведу некоторые заключения, которые созвучны моим размышлениям и которые можно рассматривать как дополнение к моим комментариям, сделанным при работе над нашими материалами.

В воспоминаниях об отношении к различным периодам перестройки (в вопросе были выделены 1985–1988 и 1989–1991гг.) четко фиксируется резкое падение положительных оценок именно в отношении ко второму периоду: таких оценок оказалось в два раза меньше, чем в отношении к первому периоду. Тех, кто определял свою оценку как «полную поддержку», было в пять раз меньше, чем тех, кто так оценивал первый период. Интересно также и следующее: при определении наиболее приемлемых путей перестройки в модальную группу вошли те, кто считал, что осуществлять ее нужно было «не разрушая социалистического строя». При этом и среди противников, и среди сторонников перестройки была одинаковой доля выбравших этот путь. Авторы исследования пишут также, что имелся в виду социализм, «принципиально отличный от советско-брежневского, предполагающий сочетание положительных сторон капитализма и социализма².

Ретроспектива отношения к перестройке любопытна и в связи с выяснением того, какое место в оценках людей занимает «демократия» и «свобода». На первый взгляд подтверждается имеющее хождение в снобистских кругах убеждение в том, что постсоветские граждане не являются приверженцами и ценителями того и другого. Отвечая на вопрос, какие основные факторы определили недовольство людей «тогдашней властью» и обусловили массовую потребность в переменах, прежде всего выделили «низкий уровень жизни», «дефицит товаров и услуг», а на последнем месте оказалась «необходимость расширения прав и свобод граждан» (набрав в 2,5 раза меньше «голосов»). Выяснилось также, что, оценивая различные пути перестройки, чаще выбирали «решительно развивать рыночные отноше-

¹ Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Социологические исследования. — 2005. — № 9.

² Там же. — С. 26.

ния в экономике, но не торопиться с введением демократии, чем позицию «более решительно, ускоренно продвигаться к демократии и рынку западного типа».

О чем свидетельствуют эти данные? Я думаю, что они свидетельствуют о том, что широко распространенные спекуляции политиков на тему «свободы» и «демократии» в наших условиях вредны, ибо декларации эти, не подкрепляемые реальным обеспечением провозглашаемых прав и свобод (в частности, тех, которые определены Конституцией), приводят к девальвации этих слов-символов, к тому, что они перестают иметь какое-либо реальное значение для наших соотечественников. И чем больше эти символы вдохновляли нас в период общественного подъема и всплеска активности, тем в большей степени значимо для нас **отсутствие гарантий реализации элементарных прав на труд, доступное передвижение, бесплатное образование и медицинское обслуживание, отдых и культурное развитие.** Словом, все то, что характеризует «достойную жизнь», ассоциируемую со свободным и демократическим обществом.

Выражу также солидарность со следующим суждением авторов исследования «Перестойка: 20 лет спустя»: «Сегодня происходит определенная фильтрация событий с точки зрения их исторической значимости и последствий — что-то перестает восприниматься как значимое, что-то общество, или, во всяком случае, его значительная часть, забывает или хочет забыть, в т. ч. некоторые свои иллюзии и увлечения, но основной пласт событий, по всей видимости, останется в массовом историческом сознании надолго»¹.

Со многими иллюзиями и увлечениями расстались и мы, социологи. Но забывать о них мы не должны. Нам следует сделать их предметом своих размышлений и искать способы преодоления аналогичных «иллюзий» в дальнейшем.

¹ Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Социологические исследования. — 2005. — № 9. — С. 29.

III. ДИАГНОЗ ВРЕМЕНИ

(Вместо заключения)

*«Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был».*

Анна Ахматова

Закончив работу над обобщением результатов исследований, к которым непосредственно была причастна в 1989–1991 годах, я поняла, что не могу относиться к материалу, с которым работала, безучастно, «непредвзято», как и подобает исследователю. В стремлении *понять* это время слишком много было *личного, свидетельствующего о непосредственной вовлеченности в события*. Поэтому в качестве заключения я решила прибегнуть к такому жанру, как «Диагноз времени».

Диагноз времени характеризуется как самостоятельный социологический жанр. По мнению финского социолога А. Норо, это попытка, используя социологические средства, ответить на вопросы: «Кто мы и — какое сейчас время». Диагноз времени содержит в себе «рефлектирующие суждения», характеризуется рациональной субъективностью, представляет собой «прозрение, понимание, осознание, видение». Характеристикой Диагноза времени, как считает Норо, является также и «то, что выражаемые им точки зрения часто откровенно окрашены личными пристрастиями. Они открыто стремятся быть нормативными, а часто и политически ангажированными. Однако самый интересный аспект такого стремления — его цель: а именно, сделать Диагноз времени морально обязывающим» [1, 7].

Задавая вопрос о том, «является ли Диагноз времени легитимным жанром для социологии», Норо ссылается на представления об «аномии» Дюркгейма, «железной клетке» Вебера и «трагедии культуры» Зиммеля, а из более поздних социологов называет Бека, Гидденса, Баумана, Рисмена. К этому, несомненно, следует добавить «Диагноз нашего времени» К. Манхейма. В качестве примеров Диагнозов времени, *опирающихся на эмпирические исследова-*

ния, называются «Молчаливая революция» (1977) Рональда Инглхарта и «Общество переживания» Герхарда Шульце. Диагноз времени — это не анализ, не критика, а *переживание*. И именно эта его особенность пробудила во мне мысль прибегнуть к этому жанру.

Характеризуя Диагноз времени, обращают внимание на то, что он «ускользает от сциентистского мира науки». Грешит этим (отступлением от строгих канонов науки) и мое заключение. Хотя прочный фундамент для диагностирования этого периода, как можно было убедиться, есть: это и анализ статистических материалов и документов по проблемам социальной политики, это и множество прессовых и репрезентативных опросов по месту жительства. И все же стремление *понять* этот период нашей жизни постоянно уводило меня за пределы научного поиска и означало нечто большее, почти сокровенное. Данные, на которые я опиралась, не являются в достаточной степени «валидными», если использовать принятый в научной социологической среде термин. Во-первых, потому, что Диагноз времени — это характеристика эпохи, а в данном случае речь идет только о трех годах. Во-вторых, хотя при обобщении региональных материалов последние постоянно сравнивались с данными по другим регионам и Украине в целом, все же в поле зрения был эмпирический материал преимущественно одного региона Украины — *Одесской области*.

Однако переживается это все сейчас как *эпохальные события*. Ибо просто прошедшего нет, а есть, если использовать терминологию Августина Аврелия, «настоящее прошедшее». И когда увидели, что произошло в последующем и «кто мы есть сейчас», — это «настоящее» определяет и наше видение тех лет. 1989–1991 годы — небольшой период, **но какой!** На языке вошедшей в моду синергетики, взятой на вооружение и социологами, — это та самая *бифуркационная точка*, «*точка перегиба*», которая содержала в себе разные, и даже противоположные, возможности. И теперь, когда мы знаем, какие из них реализовались, пристально всматриваясь в прошлое и пытаешься понять, что же могло быть, но потеряно, и почему потеряно это, а не то, что имеем сейчас. Особый характер данной временной точки дает основание для того, чтобы раздвинуть масштабы диагностируемого периода, выйти за пределы непосредственного эмпирического материала, относящегося к определенному пространственно-временному интервалу. Этот выход обеспечивает базу не только для характеристики все-

го постсоветского периода и Диагноза времени как «эпохи постсоветской трансформации». Это и возможность оценить то, что происходило в «бифуркационных» 1989–1991 годах.

Для характеристики того, что происходило в последующем на постсоветском пространстве в целом, несомненное значение имеют материалы Международного симпозиума «Интерцентра», базирующегося в Москве и публикующего результаты обсуждения проблем постсоветской трансформации¹. Существует значительное число литературных источников, в которых осмысливаются трансформационные процессы в Украине. Из социологической литературы, поднимающейся до уровня философского осмысления процесса трансформации в Украине, хотелось бы выделить работу В.И. Тарасенко и О.О. Иваненко [2]. Что касается оценки именно интересующего меня периода, то стремление обобщить результаты эмпирических исследований, проведенных в 1989–1991 гг., когда государство было единым и проблемы, соответственно, были общими, пробудило у меня интерес преимущественно к двум источникам: книге российского историка-публициста Роя Медведева «Советский Союз: последний год жизни» [3] и статье проф. Мичиганского Университета В. Шляпентоха «Советский Союз — нормальное тоталитарное общество» [4]. То и другое — попытка осмыслить годы «распада Союза» с позиций практически сегодняшнего дня (2000–2003 гг.). Интерес представляет также позиция А.Г. Здравомыслова, рассматривающего распад СССР как результат кризиса власти [5, 36–47].

С расстояния, *близкого к «бифуркационной» точке*, косвенную оценку характера интересующего меня периода дал Г.В. Осипов в эмоциональной и содержательной статье «Мифы уходящего времени» [6]. Стиль статьи, как мне кажется, очень близок к жанру «Диагноза времени». Для диагностирования того, что происходило в точке бифуркации, следует воспользоваться также материалами статей и интервью, а также «круглого стола», помещенными в сборнике, вышедшем, как и статья Г. Осипова, в 1992 году, «Год после августа. Горечь и выбор» [7]. Содержание сборника дает представление о размышлениях политически активной столичной гуманитарной интеллигенции, остро переживающей происходящее

¹ С 1994 года по настоящее время вышло несколько сборников под разными названиями: «Куда идет Россия», «Кто и куда стремится вести Россию», «Куда пришла Россия» и др.

и дающей оценку тем событиям и процессам, которые происходили в 1989—1991 гг. Попытаюсь охарактеризовать позиции, выраженные в указанных источниках, и выскажу свои соображения относительно того, *что собой представлял данный период, какие его особенности оказались наиболее живучими, какие возможности реализовались впоследствии, а какие были упущены.*

Начну со статьи Г. Осипова. Он выделяет девять мифов, *развенчание которых является для него средством характеристики и той социальной реальности, которая мифологизировалась.* Укажу лишь на некоторые из этих мифов. Например, миф об упразднении в государстве административно-приказной системы. На самом же деле сложилась парадоксальная ситуация, когда вместо административно-приказной системы, *основанной на ответственности,* утверждалась авторитарно- бюрократическая система, *основанная на безответственности и вседозволенности.* Далее, миф, согласно которому «рынок решает все», характеризуется Осиповым как «обновленный экономический детерминизм». В результате абсолютизации рынка и отождествления рынка и капитализма осуществлялся возврат к первой стадии последнего — к стадии первоначального накопления «дикого капитализма».

Миф о демократии как самоцели, как «средстве решения всех проблем» автор считает наиболее опасным *в практическом отношении.* В результате — демократия становилась средством завоевания власти экстремистски настроенными группами и личностями, которые «с первых шагов своей представительной и исполнительной деятельности начинают попираť демократию», забывая о том, что демократия — «это прежде всего власть не личностей или политических партий, а закона, неукоснительное соблюдение которого обеспечивается всеми механизмами государства» [6, 5]. С этим мифом был непосредственно связан и другой миф: о возможности перехода к новым экономическим отношениям, политическим и социальным структурам «без правового регулирования этого перехода». Следствием этого мифа явилось «резкое социальное расслоение общества, коррупция, взяточничество, расхищение народной собственности, вопиющее беззаконие во всем» [6, 6].

Осипов считает, что, кроме девяти мифов того времени, можно было перечислить и многие другие. Главное, однако, состоит в том, что, воплощаясь в реальность, миф неизбежно приводил

к «обратным результатам», которых не предполагали и не желали. Автор указывает на *многообразные результаты*, с некоторой определенностью обозначившиеся уже к 1992 году и которые, как можно полагать, обусловили и *многообразные последствия*, проявившиеся уже в постсоветских изменениях.

Что касается позиции В. Шляпентоха и Р. Медведева, а также А. Здравомыслова, то они имеют в виду главным образом одно последствие — *распад СССР* и стараются выявить те основные факторы, которые привели к этому. Однако делают это они по-разному и в качестве основных называют разные факторы.

Особый интерес, с моей точки зрения, представляют рассуждения В.Э. Шляпентоха. Рассматривая ряд аргументов, приводимых в связи с выяснением причин распада СССР (негодная советская политическая система, этнические конфликты и сепаратизм, неэффективность экономики, недовольство населения, угроза массовых беспорядков, выступления диссидентов, угроза иностранной интервенции, стремление аппаратчиков к частной собственности), автор не принимает ни один из них. Шляпентох считает, что причиной распада СССР является *неудачная попытка реформировать общество, резкое ухудшение положения в стране к 1988–1989 гг., которое явилось следствием ослабления государственной машины*.

Соглашаясь с ним в принципе, я не хотела бы ограничиваться лишь вопросом о *распаде СССР*. Главное для меня состоит в следующем: почему изменение «продуктов распада» не соответствовало не только догмам КПСС и официально провозглашенным в 1985 году целям, но и тому пониманию *«благополучного общества»*, которое сложилось в сознании большинства советских людей. Это понимание можно охарактеризовать как *социалистическое*, смыслу которого более всего соответствует формула: «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Первоначально идея перестройки, собственно, и выступала под этим флагом. *Именно поэтому идея перестройки была поддержана большинством населения*. Кризис же перестройки, совершенно четко обозначившийся к 1989 году, состоял в том, что *практика перестройки* способствовала не разрешению проблем труда и благосостояния населения, а наоборот, существенным образом обострила эти проблемы.

1989 год был пятым годом перестройки, началом ее кризиса. Кульминацией кризиса являлся 1991 год, который оценивают по-

разному: как год распада Союза и «обретения независимости» и как «год перерастания социально-экономического кризиса советского общества в национальную катастрофу» [6, 3]. Но знаменательным признают и 1989 год. То ли мы просто привыкли мыслить «пятилетками», то ли, действительно, в этот год более определенно обозначился характер происходящих в стране изменений. Но этот год выделяется в социологической литературе как «переломный», ибо «именно в этом году, — как пишет Ю.А. Левада, — стал очевиден кризис горбачевской «перестройки». При этом кризис, по его мнению, состоял в том, что это были «попытки осторожных и ограниченных реформ, совершаемых под контролем партийного аппарата» [8, 7].

Аналогичную позицию занимали и авторы сборника «Год после августа». Основной состав авторов данного сборника — представители радикально настроенной гуманитарной интеллигенции, имена которых в тот период времени были у всех «на слуху»: историки Юрий Афанасьев и Леонид Баткин, философ Владимир Библер, филолог Вячеслав Вс. Иванов, публицисты Юрий Буртин и Лев Тимофеев и др. Их взгляды и размышления — тоже важная составляющая социальной реальности того знаменательного кризисного периода, о котором идет речь. Лейтмотивом большинства выступлений является требование абсолютной демократизации общества, понимаемой, в частности, как отказ от какого-либо вмешательства в стихийные законы рынка, что, в свою очередь, рассматривалось как необходимое и практически достаточное условие радикального преобразования собственности. Как выразился Леонид Баткин, отвечая на вопрос «Что означает реформистская власть?»: «...потребно быстрое возникновение новых отношений собственности, функцией и выявлением коих служит рынок, единственной реформистской задачей и ролью власти — ролью незаменимой, сверхважной! — оказывается отказ от своей органической привычки вмешиваться во все, надзирать за всем, распределять, командовать» [7, 21].

Приводились и примеры такого вмешательства, оказывающие негативное влияние на экономические процессы: постановление правительства Гайдара о повышении заработной платы шахтерам, которое было принято под «провокационным» давлением профсоюзов [7, 227]. Сетовали также на то, что в России так и не создалось настоящей либеральной оппозиции, и на то, что «Демрос-

сия» «стояла и стоит на социал-демократических позициях и что ее возглавляют «розовые», которые каждый раз повторяют: «В душе я социалист» [7, 225]. Когда сравниваешь эти высказывания с тем, как воспринимала происходящее основная масса населения, бросается в глаза значительная «удаленность» радикальной интеллигенции от повседневных нужд и чаяний последнего.

Существовали и другие, противоположные, оценки кризиса. Он связывался, наоборот, с поспешными, непродуманно резкими шагами, с тем, что процесс разрушения старых догм, формул и всех прежних концепций происходил много быстрее, чем создание новых концепций и формул, *основанных на общих идеях социализма*» [3, 321]. (Курсив мой — И.П.)

Ясно, что в оценках кризиса присутствовало не столько отношение к *темпам* проводимых реформ, сколько оценка их *содержания*. Сторонники радикальных взглядов, в конечном счете проявившие себя как приверженцы капиталистического пути, считали, что темпы изменений недостаточны. Те же, кто солидаризовались с формулой «больше социализма», которая выступала в качестве официального лозунга до января 1987 года, считали, что слишком быстро происходит демонтаж необходимых для достижения данной цели социальных институтов. Обращалось внимание на то, что за относительно короткий срок была произведена реорганизация государственной системы хозяйства, которая существенным образом повлияла на жизнь многих людей [9, 278 — 291]. В действительности, как я думаю, дело не в темпах. Главное состояло в том, к чему *реально* приводила осуществляемая реорганизация, чьим интересам она служила, и в какой степени проводимая социальная политика продвигала общество в *направлении решения актуальных для большинства населения проблем труда и благосостояния, как отражалась на повседневной жизни людей*.

Но именно эти вопросы не решались. Проводимая в эти годы, когда чувства и ожидания людей напряжены были до предела, социальная политика, как было показано ранее, не была научнообоснованной и эффективной. Об этом свидетельствовал, в частности, контент-анализ документов Совета Министров и ЦК КПСС, на который ссылалась ранее. Были приведены также статистические данные, свидетельствовавшие о *снижении многих социально-экономических и даже демографических показателей в период перестройки*: например, показателей воспроизводства населения (рождае-

мость, смертность, естественный прирост населения), производства и потребления многих необходимых продуктов питания, темпов ввода жилья, введения новых детских дошкольных учреждений, ухудшалась ситуация, свидетельствующая об обеспеченности местами в общеобразовательной школе. Об ухудшении положения благосостояния населения в период перестройки свидетельствовали и опросы населения.

Проблемы благосостояния (в сравнении с проблемами политическими, экологии, правонарушения и даже проблемами экономики), согласно опросам, проведенным в 1989—1991 гг., как было показано ранее, для населения Одесской области были наиболее актуальными. Напомню, что в 1989 году при исследовании социальной справедливости *к наиболее частым нарушениям справедливости в городе относили обеспечение продуктами питания и промтоварами, получение жилья; в трудовых коллективах — оплату труда, распределение жилья, путевок в санатории и дома отдыха*. Снижение в перестроечный период уровня потребления некоторых основных продуктов питания, хотя их потребление и так было ниже рациональных норм, отразилось в мнениях и оценках, в представлениях о том, какие первоочередные задачи необходимо решать. *К первоочередным проблемам относили* (в порядке убывания выборов) *обеспечение продуктами питания, жилищную проблему, благоустройство населенных пунктов, медицинское обслуживание и обеспечение промышленными товарами*.

На ухудшение экономического положения и снижение уровня жизни населения в 1988—1989 годах указывали и наши коллеги, проводившие опросы в Киеве. «Ухудшение экономического положения, — писали они в 1992 году, — которое в той или иной формулировке фигурировало в качестве основных утрат нашей страны за последнее время, в общественном сознании было тесно связано с ухудшением снабжения населения товарами первой необходимости: 76% киевлян считали, что в 1989 году ухудшилось снабжение продуктами, 85% — промтоварами. Наряду с чисто экономическими показателями уровня жизни происходил спад в работе медицинских учреждений, деятельность которых направлена на поддержку определенного качества жизни: 60% опрошенных отметили ухудшение работы больниц, аптек, поликлиник (в 1988 году такое ухудшение отмечали 30%)» [10, 83].

Итак, именно *ухудшение положения в перестроечное время*, как

можно предположить, и обусловило остроту восприятия населением происходящих процессов и те оценки различных сторон общественной жизни, которые мы обнаруживали в опросах 1989–1991 годов. В соответствии с этим следует согласиться с мнением В. Шляпентоха, что, сравнивая постсоветское общество с советским, *в качестве исходного целесообразно брать 1985 год, а не 1990–1991 гг., «поскольку в эти годы советская экономика была уже дезорганизована горбачевскими экономическими и особенно политическим реформами»* [4, 117]. (Курсив мой — И.П.)

В настоящее время уже много свидетельств имеется на этот счет. Сошлюсь, в частности, на мнение английского социолога Дэвида Лейна. Рассматривая данные о степени интеграции стран социализма в мировое хозяйство до 1985 года, Лейн считает год этот переломным, «после которого реформы, связанные с именем М. Горбачева, подорвали экономику и политический порядок государственного капитализма» [11, 55].

Л. Гордон и Э. Клопов в книге «Потери и обретения. Россия в девяностых» в качестве исходной основы перемен 90-х принимают 70–80-е гг. и связывают недовольство перестроечного периода с подъемом благосостояния в 50–80-х годах. В предперестроечный период, по их мнению, сложилась противоречивая ситуация: с одной стороны, улучшения 50–80-х гг. носили ограниченный характер и потому не устраняли неудовлетворенности условиями жизни. С другой, когда в 90-х «на плечи рядовых тружеников навалилось бремя переломного кризиса, память о четверти века хоть какого-то повышения жизненного уровня стала способствовать упрощенному и одностороннему восприятию послесоциалистических перемен» [12, 143]¹.

Думаю, что дело не в том, что улучшения ждали из-за *привычки к улучшению*. Скорее, росли потребности в соответствии с ростом образования и культуры, расширением межгосударственных контактов. И расширения возможностей удовлетворения растущих потребностей как раз и ждали вначале от перестройки, *не связывая, однако, улучшение с отказом от социализма и советского строя*.

¹ Когда вспоминаю, как в 1989 году приходилось занимать очередь за молоком в 5 часов утра (было два маленьких внука) и с какими трудностями сталкивались люди из-за невозможности приобрести элементарные продукты питания, отнесение всего этого просто «к издержкам переходного периода» кажется по меньшей мере неубедительным.

Но перестройка принесла не улучшение, а резкое ухудшение положения, и поэтому нарастало отрицательное отношение к ней населения. Что касается «послесоциалистических перемен», то они воспринимались населением не упрощенно и односторонне, а вполне адекватно, в соответствии с тем, как эти перемены сказывались на повседневной жизни людей. Более того, в том виде, в котором эти перемены происходили, они не были *фатально* предопределены ни предперестроечным, ни перестроечным периодами. Они были результатом проводимой «сверху» ошибочной политики.

Можно согласиться с тем, что с самого начала перестройки *неправильно были расставлены приоритеты*. Прежде всего в центре внимания руководства должны были оказаться не проблемы научно-технического прогресса, демократии и гласности, а «вопросы зарплат и пенсий, уровня жизни, улучшения продовольственного снабжения в провинции и т. п. Только такая политика могла обеспечить новому руководству страны прочную поддержку населения и создать, таким образом, предпосылки для проведения других реформ» [3, 280].

К этому следует добавить также, что политика, направленная прежде всего на защиту интересов широких масс населения, значительно активизировала бы последнее и предотвратила бы сугубо «номенклатурный» характер преобразований.

Речь, как мне кажется, должна идти о необходимости разграничения *стратегии и тактики*, мудром определении наиболее целесообразных *тактических шагов*. Разумеется, решение этих задач было невозможно без определенных экономических преобразований, без изменения политики в отношении к формам собственности. И население было готово к этим преобразованиям. Согласно данным не только наших, но и других социологических исследований, преобразования форм собственности поддерживались большинством. К необходимым преобразованиям большинство, как было показано ранее, относило в первую очередь *ликвидацию монополии государства на средства производства*. Эта позиция преобладала во всех группах. Подавляющее большинство населения Одесской области высказывалось за то, чтобы предоставить *равные права различным производителям, равные возможности для развития разных форм собственности*. Более половины было за то, чтобы *узаконить индивидуальную собственность граждан на сред-*

ства производства. Именно это понималось под «коренными преобразованиями в экономике».

Изменялись представления относительно наиболее целесообразных форм распределения. Тенденция во всех типах поселения была одной и той же: население явно склонялось в сторону *распределения пропорционально трудовому вкладу*. Уравнительные представления уже не были столь популярны, как ранее¹. Большое значение придавалось *реальным возможностям развивать способности, созданию условий, при которых можно будет зарабатывать в меру своих сил*. Напомню также, что требование «дать людям возможность максимально реализовать свои способности, проявить инициативу» выражали, как правило, более 90% опрошенных жителей области. Готовность населения поддержать радикальные экономические преобразования зафиксирована и в опросах, проводимых в 1990 году в г. Киеве. Результаты опроса, как отмечали киевские социологи, не соответствовали позиции Л. Абалкина, комментирующего правительственную программу перехода к рыночной экономике в интервью газете «Правда» 4 июня 1990 года и считающего, что общественное мнение «не вполне готово к радикальным экономическим преобразованиям» [10, 32–33]. Более того, по мнению киевских социологов, «данные проведенного опроса свидетельствовали о том, что в общественном мнении широкую поддержку имели *более радикальные экономические преобразования*, чем те, которые предусмотрены правительственными программами» [10, 35]. (Курсив мой — И.П.)

Но о степени ли радикальности должна в данном случае идти речь? Что собой представляло экономическое сознание того периода? В социологической литературе эти вопросы находятся в сфере внимания в связи, в частности, с исследованием так назы-

¹ Это прежде всего сказалось на абстрактных ценностных представлениях (ответ на вопрос: какое общество является справедливым?) и в меньшей степени было выражено в так называемых инструментальных ценностях («Что является основной задачей социальной политики?»). Обращая внимание на большую мобильность абстрактных идеалов по сравнению с конкретными, инструментальными представлениями в 1991 году, я предположила, что эта «перевернутость» социальных представлений свидетельствовала о «перевернутости» действительности того времени: «активное словесное творчество, культивирование «нового мышления», всевозможное идеологическое новаторство не сопровождаются реальными преобразованиями, не базируются на тех практических действиях, которые только и могли бы породить новые инструментальные ценности» [13, 75].

ваемого «парадоксального сознания». Как пишет Ж. Тощенко, «уже в начале 1990-х гг. можно было сказать, что большинство людей приняли (полностью или частично) идеи рынка. Но так ли это на самом деле? Не является ли это очередным мифом? В данном статистическом факте (70–80% людей объявили себя сориентированными на рынок) нет добротной социологической интерпретации: чем руководствуются люди в такой ориентации и нет ли здесь подмены одной истины другой?» [14, 128].

Поиски истины, заключающиеся в сопоставлении самых различных фактов, привели меня к тому, что речь должна идти о *максимальной поддержке малого и среднего бизнеса*. Развитие и поддержка малого бизнеса имели бы следствия различного рода: с одной стороны, это расширило бы возможности удовлетворения элементарных потребностей населения (в необходимых товарах и услугах), с другой — создало бы предпосылки для появления предпринимателя, способного решать более масштабные задачи и приобретшего для этого капитал *благодаря своим личным способностям и усилиям*. Сейчас, когда оценивают приватизацию, осуществленную на постсоветском пространстве, как раз и указывают на основной ее порок: она началась с приватизации средних и крупных, а не мелких предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Тогда как в других странах именно приватизация таких предприятий рассматривается как «первоочередная задача» [15, 44]. *Эта особенность постсоветской приватизации связана с ее «номенклатурным» характером*. Для основной массы населения, не имеющей «чиновничьих возможностей», предпринимательская деятельность была недоступна. Например, в Одесской области, особенно в Одессе, как отмечалось ранее, был довольно большой процент населения, готового заняться «частным делом» (в среднем до 1/3 опрошенных). Однако большинство желающих указывали на то, что для этого у них нет возможностей.

Но были ли предпосылки для формирования мелкого бизнеса, для массового распространения частной собственности? М.Н. Руткевич, характеризуя процесс нарастания социальной напряженности в СССР в преддверии перестройки, указывает на такой фактор, как «рост буржуазных отношений в условиях социализма». При этом он выделяет два пути такого роста. «Первый путь определялся наличием мелкого частного товарного производства, основанного на личном труде и труде семьи. Наиболее массовым мелкое про-

изводство оставалось в сельском хозяйстве» [16, 65]. По мнению Руткевича, мелкое частное хозяйство пронизывало повседневную жизнь и в городах: сдача жилья внаем и оказание всяческих частных услуг, индивидуальная трудовая деятельность представителей ряда интеллигентских профессий (врачей, артистов, педагогов-репетиторов и др.). Эта деятельность осуществлялась в полулегальных и нелегальных формах. И глубинной причиной ее роста «было несоответствие между реальными потребностями общества и сложившейся системой хозяйствования, при которой государство выступало монопольным собственником производства и распоряжалось этой собственностью через бюрократическую систему управления с высокой степенью централизации». [16, 67]

Думаю, что именно это обстоятельство определяло экономические предпочтения значительной части населения и делало людей сторонниками экономической реформы, предполагающей «коренное преобразование» форм собственности. *Узаконить мелкий бизнес, создать для него прочную правовую основу и оказать ему всемерную поддержку — вот в чем состоял, по моему мнению, радикализм экономического сознания населения.* Тот факт, что эти и другие первоочередные задачи не решались, обусловил нарастание социальной напряженности, разочарование в перестройке. При этом все в большей степени *утверждалось представление о том, что повинна в этом именно центральная власть и КПСС как «руководящая и направляющая сила».*

Однако, как показывает Руткевич, был и второй путь, по которому происходило проникновение в советское общество буржуазных отношений. В отличие от первого пути, который шел «снизу», второй путь шел «сверху». «Господствующая социальная группа — номенклатурная партийно-государственная бюрократия, во-первых, постепенно перерождалась, во-вторых, способствовала созреванию капиталистических элементов под своим присмотром, поскольку принимала участие в дележе получаемой последними незаконных доходов» [16, 67]. Следует согласиться с мнением о том, что в период перестройки не было «обмена власти на капитал». Речь идет о желании *оставить за собой власть и, пользуясь ею, превратить государственную собственность в частную*» [16, 67].

Эта позиция номенклатуры явилась важным фактором, обусловившим развал Союза. Представители республиканской власти «преследовали цели умножения своих возможностей и укрепле-

ния своей независимости от центральной власти, но при этом прикрывались «национальными» лозунгами для завоевания поддержки у своего населения» [16, 69]. Существует, однако, и другая точка зрения, согласно которой именно национальные движения явились «непосредственной силой, приведшей к распаду СССР» [5, 38]. Разумеется, эти движения сыграли немалую роль в процессе распада СССР. Но они, с моей точки зрения, не были ни «непосредственной», ни решающей силой, определившей распад. Такой силой, по крайней мере в Украине, было поведение региональной элиты.

Данную проблему не обошли вниманием украинские исследователи. Идеи суверенитета, государственной независимости Украины, как отмечается в политологических публикациях, стали для нашей партноменклатуры идейно-политическим мостиком из партноменклатурного прошлого в посткоммунистическое завтра. И катализатором этого процесса стали августовские события 1991 года. [17] О. Д. Куценко, используя генетический подход к анализу процессов формирования украинской элиты и характеризуя эволюцию ее селективных механизмов, считает, что роль такого механизма в посттоталитарный период «стала играть приверженность идее украинской государственности» [18, 109].

Однако интересы основной массы населения и интересы «властвующей элиты» существенно различались, и это проявилось, в частности, и в отношении к идее Союза-Содружества, которое, как свидетельствовали наши данные, было весьма неоднозначным: при практически повсеместной поддержке Акта независимости лишь незначительное число наших земляков, например, желали быть вне Союза. Анализируя ситуацию, которая сложилась в тот период времени, В. Тарасенко и О. Иваненко указывают на то, что следовало различать два вида независимости: во-первых, независимость в рамках Союза суверенных государств, во-вторых, независимость как целиком и полностью независимое государство. Комментируя результаты украинского референдума 1991 года, они считают, что отношение населения к тому, какая именно независимость имела в виду, можно было выяснить постановкой двух вопросов: 1) «Чи схвалюєте ви акт про незалежність України? (Відповіді — «Так, схвалюю», «Ні, не схвалюю»); 2) «Якою Ви бачите незалежну Україну?» (Відповіді — «Цілком самостійною», «В співдружності держав» [2, 98].

Если бы таким образом были поставлены вопросы, то было бы ясно, что с точки зрения большинства наших соотечественников наиболее целесообразной формой государственного устройства считали конфедерацию. Любопытно в связи с этим признание первого Президента Украины Леонида Кравчука, сделанные им в 2005 году корреспонденту «Аргументов и фактов», поместившему статью под красноречивым заголовком: «Леонид Кравчук: «В 91-м мы погорячились». Здесь утверждается, что на первом этапе (?) он, так же как и Ельцин, и Назарбаев, был за конфедерацию, но позиция его изменилась после заседания, на которое были приглашены вместо 11 предполагаемых субъектов нового процесса 38 субъектов, к которым отнесли и председателей автономий [19]. Однако трудно поверить такому объяснению радикализма местной элиты и не учитывать те *глубинные интересы и те усилия, которые были приложены и которые обусловили распад союзного государства*.

Обращая внимание на сложность отношения населения к центральной власти и к независимости *вне Союза*, приведу рассуждения известного одесского журналиста Б.Ф. Деревянко⁴. В своем дневнике в июле 1991 года он писал следующее: «Спрашивают: «Если вы так рьяно защищаете идею (иногда говорят резко — химеру) Союза, то вы целиком и полностью поддерживаете все акции Центра?» Ба! Это разные вещи. Два года терзаний привели меня к мысли, что никто столько не сделал и не делает для развала Союза, как центральная структура власти» [20, 150]. Далее Деревянко описывает ситуацию, когда в январе 1991 года пригласил в редакцию газеты «Вечерняя Одесса» руководителей предприятий, экономистов, финансистов, ученых для обсуждения мер, необходимых для стабилизации положения. Указывая на то, что сформулированные на этом совещании предложения были направлены не в Верховный Совет СССР, а в Верховный

⁴ Деревянко Б.Ф. — известный украинский журналист, гл. редактор газеты «Вечерняя Одесса», делегат I Съезда народных депутатов. Был убит в 1997 г., как многие считают, за то, что вел журналистское расследование причин развала Черноморского флота. Впоследствии это убийство пытались представить как уголовное преступление. Был устроен даже суд над «убийцами». Сотрудник «Вечерней Одессы» Ю.М. Иванов, выступивший от имени редакции с несогласием с решением суда и в дальнейшем активно настаивающий на пересмотре дела, погиб при невыясненных обстоятельствах.

Совет УССР¹, Деревянко пишет: «Что же получается? Народный депутат СССР подстрекает Верховный Совет республики выступить против того, что решил Центр? Объективно говоря — да. Значит ли это выступать против Союза? Нет, это означает только, что выступать надо против того, чего не приемлют люди» [20, 151]. Но эта убежденность, что республиканская власть сможет решать те проблемы, которые не решает центральная, знаменательна и объясняет общее повышение рейтинга этого уровня власти после апреля 1991 г., о чем писалось ранее. Это, в свою очередь, сыграло определенную роль и при голосовании за независимость Украины, которую (независимость) принимали за своеобразно понятый суверенитет и самостоятельность в решении повседневных жизненных проблем, волнующих население.

Вернемся, однако, к общей оценке интересующей нас ситуации. Характеризуя «позднеперестроечный» период, указывают на различные *возможные в тот период* варианты развития событий. Мне более всего импонирует позиция Л. Косалс и Р. Рывкиной, которые ссылаются на три варианта:

- «косметический» — «продолжение фиктивных инноваций при сохранении социализма и руководящей роли КПСС»;

- «советско-рыночный» — «сочетание рыночной экономики с традиционным для населения СССР укладом жизни и руководящей ролью КПСС»;

- «конфронтационно-криминальный», состоящий в «переориентации номенклатуры на максимально полное использование распада старой системы для достижения групповых интересов» [21, 24].

Дальнейшее развитие, как считают Косалс и Рывкина, пошло по «конфронтационно-криминальному» пути, в чем я с ними вполне согласна. Аналогичной позиции придерживается Т.И. Заславская. Она считает, что в 1989–1990 гг. «в СССР назревала демократическая революция, направленная против власти номенклатуры, но она *в силу разных причин* не состоялась, и революционный подъем сменился реформами «сверху» в интересах той же бывшей номенклатуры» [22, 6]. (Курсив мой — И.П.)

⁵ Предлагалось, в частности, попросить Верховный Совет республики наложить мораторий на Указы Президента СССР «О введении налога с продаж» и «О создании в 1991 году внебюджетных фондов стабилизации экономики». Замечу, что такое обращение было знаменательно для этого периода, ибо питалось иллюзией (объясняющей частично и желательность суверенитета), что на местах можно подправлять ошибки центра.

Но в силу каких причин «советско-рыночный» вариант не удался? Не удался, хотя шанс для этого был, и большинству населения он более всего импонировал (если не считать недоверие к КПСС, проявившееся в период кризиса перестройки и которое могло быть завоевано в случае проведения соответствующей интересам населения политики и реорганизации самой КПСС). Данный вариант, как считают Косалс и Рывкина, предполагал «постепенное медленное вхождение в рынок с сохранением советской государственности. Причем с сохранением не столько государственного управления экономикой (что, собственно, и должно было реформироваться), сколько с *сохранением государственной системы правового и социального обеспечения граждан*» [21, 26]. (Курсив мой — И.П.)

Итак, почему «советско-рыночный» вариант был все-таки упущен? Конечно, можно согласиться с тем, что «для реализации этого варианта от партийного аппарата требовалось значительно большего интеллекта, чем он на самом деле имел», как и с тем, что этот аппарат не имел привычки и не умел думать об интересах страны и ее населения [21, 24]. Тем более парадоксальным может показаться мое мнение: решающим фактором в цепи событий, определивших то, что дальнейшие изменения происходили в соответствии с «конфронтационно-криминальной моделью», было *полное устранение КПСС с политической арены. Именно это устранение в тех конкретно-исторических условиях привело к подрыву государственности, что определило не только развал СССР, но и многочисленные проявления реализации данной модели (олигархический характер, произвол и беззаконие, коррупцию и взяточничество, масштабы расширения неформальных практик и мн. др.)*¹.

Думаю, что прав Р. Медведев, который пишет следующее: «Быстрому разрушению государственных структур СССР предшествовало разрушение идеологии КПСС, а затем и самой КПСС» [3, 112]. Начало разрушения догматической марксистской идеологии, которая была на вооружении КПСС, и падение авторитета последней связывается с XX Съездом КПСС и разоблачением культа личности. До этого главной опорой государства, «несущей конст-

¹ Мне непросто было прийти к этому заключению, т. к. сама вышла из партии до запрещения действия КПУ. Одновременно с этим я покинула и ряды РУХа, в котором была со времени создания Одесской организации, приняв участие в ее учредительном съезде, проходившем в г. Кишиневе.

рукцией» которой была КПСС, было не только государственное принуждение, но и привлекательность для широких масс идеологической доктрины КПСС. Когда одна из опор (привлекательность идеологической доктрины) была ликвидирована, *ослабление силы принуждения (и в самой партии, державшейся ранее на жесткой дисциплине, и в обществе в целом) привело к распаду государства*. При этом Р. Медведев большое внимание уделяет и *значению личного фактора*: поступкам и решениям прежде всего двух персонажей этой драмы — Горбачева и Ельцина, прослеживая по дням и даже по часам их поведение в период распада, а также характеризую роль различных региональных руководителей в этом процессе.

Подробно на характеристике роли партии в советском государстве и значении государственности для реформирования останавливаются Л. Гордон и Э. Клопов (примечательно, что они приверженцы не социалистического, а скорее, либерального направления). Гордон и Клопов указывают на некоторое объективное противоречие, которое характеризует ситуацию реформирования. С одной стороны, как считают они, «уничтожение партийного государства — политической основы госкапитализма — следует признать глубоко позитивным процессом, открывающим возможность выйти из тупика и избежать реставрационной катастрофы» [12, 70]. С другой — в условиях нерыночной экономики все институты поддержания общественного порядка не способны были эффективно работать, что привело к угрозе «системы жизнедеятельности в каждой точке общественного организма». «Ослабление и последующее полное исчезновение партийных органов, — пишут Гордон и Клопов, — породили вакуум управления. Нормальное функционирование общественного организма нарушилось на всех уровнях — не только в центре, но и на местах, в любом районе, поселении, предприятии» [12, 71]. И далее авторы подробно характеризуют разрушающие последствия этого «вакуума управления»: понижение степени государственной дисциплины, невыполнение решений вышестоящих органов, ухудшение сбора налогов, рост коррупции, ослабление безопасности повседневной жизни граждан. Соответственно, *главным проявлением чрезмерного ослабления государственности они считают не распад Союза, а «распад общественного порядка»*. Но, как известно, в условиях распада общественного порядка и ослабления государственности никакое реформирование не может быть успешным. В соответствии с этим

вряд ли можно согласиться с представителями столичной гуманитарной интеллигенции, которые «сверхзадачей» считали невмешательство государственных структур в стихийные законы рынка. Ни к чему хорошему, по крайней мере в тех условиях, «невмешательство» не могло привести. Не это ли понимали простые люди, считающие, что для восстановления справедливости прежде всего необходимо поддержание дисциплины и порядка?

«Распад общественного порядка» определил в последующем и характер развития независимых государств, продуктов распада СССР. Но как же тогда именно «номенклатура» смогла стать основной движущей силой последующих преобразований? Как удалось именно ей, являющейся порождением партийной государственности и оплотом последней, *перехватить*, по выражению Т.И. Заславской, потенциал демократической революции и использовать его в своих интересах? Ответить на данный вопрос помогают интересные соображения французской исследовательницы Мари Мендрас относительно характерной для постсоветских стран ситуации, когда *в слабом государстве существует сильная бюрократия*. Последняя очень быстро адаптировалась к рыночной экономике. Поняв, что существование во властной структуре предполагает наличие экономических ресурсов, она перестроила свои отношения с предприятиями, финансовыми системами. Главное, однако, состояло в том, что *«бюрократия сумела это сделать»*, ибо со времен советской системы, «в рамках которой те, которые были заняты в производственной сфере, и те, которые работали в министерствах, администрациях, аппаратах партии или государства, они все-таки, составляли одну большую «номенклатуру» с некоторыми общими правилами игры, там все знали и друг друга, и эти правила» [23, 48]. (Курсив мой — И.П.)

По мнению Мендрас, в условиях, когда экономика страны является «экономикой выживания» и когда существует большая зависимость человека от администрации, существенную роль играют именно *региональная и местная администрации*. Более того, в этих условиях «каждый чиновник имеет свою сферу деятельности, свою маленькую власть, не считаться с которой не может даже его начальник» [23, 48]. Наличие ситуации, когда *государство является слабым, а бюрократ сильным*, объясняет не только тот произвол и беспредел, который чинят бюрократы *всех уровней* по отношению к людям, но и те возможности, которые имеются у чи-

новников для приватизации и предпринимательства (о чем речь шла выше) и выполнения функции «крыши» в частном («рыночном») бизнесе.

Но в данном случае следует учитывать обстоятельства двоякого рода: с одной стороны, *глубинные интересы переродившейся номенклатуры*, которые формировались в предперестроечный период, с другой — *те возможности, которые позволяли эти интересы удовлетворять*. Ослабление государственности и «распад общественного порядка» расширяли возможности удовлетворения личных интересов представителей власти, и это было одним из проявлений парадокса сложившейся ситуации.

Укажу также и на другой парадокс — упразднение номенклатуры в 1990 году и ликвидацию партии, что *на самом деле освободило от контроля партии республиканские и местные элиты, полностью развязав им руки*. Ликвидация партии была «на руку» партийной верхушке, поэтому последняя так охотно пошла на «самоликвидацию». Это также кажется парадоксальным, если не учитывать следующее обстоятельство: *партия была фактически единственной организацией, в рамках которой «худо-бедно» имелись возможности контроля за властными структурами «снизу»*. Речь идет о так называемых «первичках». Что собой представляли «рядовые коммунисты», могли бы они сыграть положительную роль в необходимых преобразованиях? Явно не «пропартийно» настроенные Гордон и Клопов высказывают по этому поводу следующие соображения: «Для некоторых побудительным мотивом для вступления в партию были соображения карьеры, но *многие и даже большинство* надеялись, что, находясь в составе КПСС, смогут активно участвовать в общественно-политической жизни страны» [12, 150]. (Курсив мой — И.П.)

Замечу, что «первички» не только «питали надежду», но и *давали возможность проявлять активность и участвовать в решении многих вопросов, затрагивающих интересы людей, касающихся различных сторон их повседневной жизни*. Поэтому трудно согласиться со следующим заключением: «В действительности, оказываясь в тисках «железной» партийной дисциплины и подвергаясь идеологической обработке, они служили не столько интересам народного большинства, сколько правящей партийно-государственной-хозяйственной номенклатуры» [12, 150]. Тем более это никак нельзя отнести к партийной жизни «первичек» в период перестройки,

а особенно в 1989—1990 гг. В «первичках» в эти годы кипели страсти: вначале в связи с введением выборности руководителей, а затем — с обсуждением Платформы и Устава КПСС. И именно этот ресурс (построение партии по производственному признаку, а также ее относительная массовость — 20 млн. чел.) мог стать *важным фактором, препятствующим реализации «конфронтационно-криминального» варианта.*

Особое внимание хотела бы обратить на принцип построения партии — наличия низовых ячеек в трудовых коллективах. Сохранение таких ячеек в случае «оздоровления» либо раскола партии на два крыла могло бы способствовать использованию и такого важного ресурса перестройки, как рабочее движение. На данный ресурс указывал Л. Гордон в своем выступлении на Круглом столе в Российском гуманитарном университете 29 мая 1992 года. В этом выступлении Л. Гордон обратил внимание на роль трудовых коллективов в преобразовании общества. Заметив, что трудовые коллективы, как «агитпроповское словосочетание», ничего, кроме тошноты, у него не вызывает, он следующим образом обозначил свою позицию: «однако реальность, которая за ним стоит, — это одно из немногих живых социальных ячеек в пустыне, выжженной десятилетиями госсocialизма. Ну, может быть, полуживая, но живее нет. Все знают, какие усилия нужны, чтобы созвать территориальное собрание, и как это все равно будет малоэффективно, и как сравнительно легко это сделать на предприятии. Организация движения через предприятия, где люди работают и защищают свои интересы, — это и есть то, что мы называем рабочим движением. Тем более, что вопреки расхожим мнениям солидарность общественно-политическая зачастую оказывается сильнее, чем солидарность, так сказать, профессиональная» [7, 234].

«Первички» могли бы обеспечить государству мощную поддержку при осуществлении «разумных» преобразований — тех именно, которые соответствовали интересам большинства населения, а социально-организованные трудовые коллективы, возможно, скорректировали бы путь, по которому должна была осуществляться приватизация. Это относится, в частности, и к развитию такой формы собственности, как «собственность работников», при которой каждый работник владеет собственной долей капитала и имеет право ее продать. Эта форма собственности не нашла должного развития из-за всевозможных законодательных ограниче-

ний и отсутствия поддержки со стороны государства. Например, бесплатная передача части акций предусматривала, что акции работников не будут иметь право голоса. Накладывались также ограничения на количество акций, которые могут купить работники, не предусматривался необременительный кредит сроком на 5-10 лет и т. д. На все это в 1992 году обращали внимание и эксперты Международного банка реконструкции, считающие собственность работников самой эффективной формой собственности. Российские политики критиковались, в частности, за то, что последние не способны отличить собственность работников, когда каждый из них владеет своей долей капитала, от коллективной собственности, при которой владельцем фактически является государство [7, 92-93].

Возвращаясь к возможной роли КПСС в преобразовании общества и сопоставляя результаты опросов с теми дебатами, которые велись тогда на партийных собраниях, приходишь к заключению, что *интересам большинства более всего соответствовало то идейное течение внутри партии, которое тогда именовали «Демократической платформой в КПСС»*. Это направление предполагало не только реформирование самой партии, построение ее на подлинно демократической основе (отказ от принципа демократического централизма), но и изменение представления о социализме, означающее отмену монополии государственной собственности, многоукладность и реализацию принципа «от каждого по способностям, каждому по труду».

В 1990 году клубы «Демплатформы» были распространены практически во всех бывших республиках Союза. В марте 1990 г., как известно, сторонники ее собрались в Харькове и заявили о создании «Демплатформы в КПУ». «Демплатформа» находила широкий отклик у рядовых членов КПСС, в чем мы смогли убедиться на одном из общих партийных собраний в Одесском госуниверситете. Это собрание, по замыслу его устроителей, как раз и должно было осудить «Демплатформу». Но, проведя в перерыве анонимный опрос членов парторганизации (всем выходящим из зала, давалась небольшая анкета, заполнив которую участники собрания бросали в урну) и быстро подсчитав результаты, члены нашей социологической группы выступили при обсуждении проекта решения и привели данные, свидетельствующие о том, что подавляющее большинство участников собрания поддерживает основ-

ные положения «Демплатформы». Причем этому выступлению не смог помешать присутствующий на собрании секретарь горкома КПУ, всеми силами пытавшийся это сделать.

Не погрешу против истины, если скажу, что *других сколько-нибудь значимых (в смысле соответствия интересам большинства населения) и массовых идейных течений и общественных движений практически не было*. Об этом свидетельствует история самостоятельных политических объединений послевоенного периода (см. 24), об этом свидетельствует и судьба более поздних диссидентских движений. Я согласна с тем, что, хотя диссидентское движение сыграло «известную роль в подготовке горбачевской «перестройки», как фактор расшатывания массового сознания в антисоветском духе», эта роль неправомерно преувеличивается «правлящими кругами и идеологами либерализма» [15, 64]. Считаю также вполне возможным для себя солидаризоваться со следующей оценкой диссидентского движения, с его акцентами на свободе слова и соблюдении прав на эмиграцию: «Согласитесь, однако, что как то, так и другое замечательное право не могут считаться приоритетными для народа. Передовая общественность, как видно, этим не озабочена, расхождение между тем кардинальное» [25, 136]. О том, что эффективных массовых движений, существенно повлиявших на судьбу перестройки и дальнейшие преобразования, практически не было, свидетельствует и история такого национального движения в Украине, как «Рух», популярность которого упала, как только выяснилась узкосоциальная его база.

Доказательством того, что в тот период отсутствовало сколько-нибудь массовое эффективное движение, являются и наши опросы, проводимые в 1989–1991 гг. Компартия же не смогла перевооружиться и использовать ресурс «первичек». И объяснение этому следует искать в плоскости оппозиции «руководитель — подчиненный», которая, о чем речь шла ранее, четко обозначилась в опросах. Именно *действия руководящего состава партии (центральных и республиканских ее органов) обусловили провал перестройки, активное неприятие населением и перестройки, и самой партии и, наконец, парализовали большую армию «рядовых коммунистов»*. Вряд ли дело было в том, что кто-то сознательно и умело направлял «народное недовольство партией». Причем были предположения, что это дело рук самого Генсека [26, 221]. Безусловно, личность его сыграла значительную роль во всем ходе событий и особенно

в кризисный период 1989–1991 гг. Но вернее говорить именно о *неумелости*, о непонимании существа обстоятельств, в которых надо было решать судьбоносные проблемы, о том, что *личность Генсека оказалась не на высоте тех исторических задач, которые стояли перед страной и ее народом*.

Относительно личности М. Горбачева и в описываемый период, и в настоящее время не утихают споры. Подытоживая содержание его шестилетней политической деятельности, о нем писали следующее: «Это один из тех нередких в истории реформаторов, которые, начав за здравие, кончают за упокой; услышав голос времени и откликнувшись на него, не находят в себе, однако, достаточно любви и мужества, чтобы твердо ему последовать, на полпути пугаются, сворачивают, отступают и в результате не только портят благое дело, но и сеют новое зло» [7, 54]. Но такая оценка давалась теми, кто не испытывал явной симпатии к М. Горбачеву, кто считал к тому же его властолюбивым, «великим тактиком аппаратно-политических игр», хотя по-своему и одаренным [7, 55].

Приведу и другую оценку, данную Генсеку человеком, для которого, по его собственному свидетельству, Горбачев был кумиром: «Горбачев — трагическая фигура. Помните? Дорога в ад вымощена хорошими намерениями. Но он, безусловно, великая фигура, одна из великих политических фигур XX века... Как Петр I, он поднял Россию на дыбы. Но, в отличие от Петра, не сумел совладать с поводьями. Но это не столько вина его, не столько выбор, сколько беда, судьба» [27, 7]. Если бы речь шла об обычном человеке, то Бог с ним, с его неумением сделать выбор, вынужденностью подчиниться судьбе и тем самым попасть в беду. Но ведь речь идет о политическом лидере, вздыбившем целую страну, не умея в руках держать поводья! А главное — принесли беду не только (и я бы сказала, не столько) себе, сколько десяткам тысяч своих соотечественников. Его действия порождали разочарование и пассивность основной массы населения, обусловили невозможность самоорганизоваться и противостоять тем силам, которые увлекли на «конфронтационно-криминальный» путь и навязали свои правила игры, о которых речь шла выше. Хотя, конечно, были и внешние, и внутренние враги, а враг, как известно, никогда не дремлет.

Изучая результаты наших опросов 1989–1990 года, анализируя различные документы прошлого и происходящие тогда события,

я хочу выразить согласие с теми, кто считает, что *в те годы еще была возможность реализовать «советско-рыночный» вариант развития, являющийся наиболее приемлемым для большинства населения и в принципе достижимым*. Я считаю также, что *необходимым условием для этого было наличие «компартии реформ», «обновленной» партии, как тогда говорили*. Такая партия нашла бы поддержку среди передовой части интеллигенции и могла бы опереться на большой отряд «рядовых коммунистов», представляющих собой реальную и, что очень важно подчеркнуть, *организованную социальную базу преобразований*.

Отдельные попытки «рядовых коммунистов» самоорганизоваться и противостоять «официальной» линии были неудачными. Так, в Одессе 19 октября 1991 года состоялась учредительная конференция новой общественно-политической организации «Союз левых сил Одесщины», заявившей о своей позиции фактически «демократического социализма». Предполагалась смешанная экономика, многообразие и равноправие различных форм собственности, формирование социально-ответственного, компетентно-регулируемого рынка, стимулирующего эффективность экономики. Интерес представляет и пункт о необходимости последовательного проведения политики на воссоздание целостного экономического пространства в рамках союза суверенных государств (не к этому ли позже пришло наше руководство, но теперь колеблется и занимает неопределенную позицию). Знаменательны и требования Союза добиться судебного разбирательства по вопросу об обстоятельствах запрета компартии Украины, а также проведения съезда коммунистов Украины, где именно коммунистами была бы *дана оценка действиям лидеров КПСС и КПУ и определена дальнейшая судьба компартии* [28]. Но «поезд ушел». Верхушка партии приняла другое решение, «номенклатура» перегруппировалась и сумела навязать стране иной путь развития.

Попробую сформулировать в самом общем виде, что же представляла собой та главная «ошибка», для определения которой пришлось совершить экскурс в прошлое, тот роковой «урок», который так и не был усвоен, о чем свидетельствуют и последствия «оранжевой революции». Считаю, что следует указать именно на отсутствие либо, по меньшей мере, *дефицит эффективных массовых организаций, которые были бы равноправными «игроками» на исторической сцене, где происходят политические битвы и решаются*

судьбы людей. Причем речь идет не о стихийных порывах, возможности периодически собраться в толпу и прокричать (может быть, и очень громко) о своих требованиях. Не о тех «массовых действиях», где мы являемся лишь статистами, а организуются они теми, кого мы как раз и должны контролировать и на чьи решения должны иметь возможность влиять. Речь идет о массовой самоорганизации, о тех организованных действиях населения, которые носят упорядоченный или, как говорят социологи, институциональный характер и образуют реальные структуры общества, без которых оно не может эффективно функционировать.

Повторю также то, о чем речь шла в заключительной части раздела, посвященного прессовым опросам. Как отмечалось ранее, опросы эти давали представление об оценке происходящего определенной частью населения, людьми, которые сочли необходимым откликнуться на наше обращение. Характеризуя ситуацию, которая сложилась уже через 10 лет после интересующего нас времени, и определяя перспективы дальнейшего развития общества, эти люди подчеркивали, что положительные результаты вряд ли достижимы из-за *неорганизованности и разобщенности людей*. Причину этой «болезни» видели в том, что люди *поглощены борьбой за выживание*. Постоянное воспроизведение этой ситуации связывали с *произволом власти, ее незаинтересованностью в том, чтобы основная масса населения имела благоприятные условия для организованного отстаивания своих интересов*. Трудно не согласиться с данной характеристикой сложившейся в тот период ситуации. К этому можно лишь добавить, что «ситуация» растянулась на десятилетие и более, и причины ее постоянного воспроизведения остались теми же самыми.

Но виновны ли в этом только «сильные мира сего»? Будучи уверенной в том, что «кому больше дано, с того больше и спрашивается», считаю все же, что определенная доля ответственности лежит и на каждом из нас. Ибо, как сказал К. Маркс, характеризуя приход к власти во Франции в 1852 году Луи Бонапарта: «Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие» [29, 124]. Это тоже следует принять к сведению, объясняя происходящее.

Но нужно ли возвращаться к прошлому? Следует ли еще и еще раз вспоминать об ошибках и «уроках», обсуждать утерянные возможности? Отвечая на этот вопрос, сошлюсь на мнение, выражен-

ное при обсуждении проблем исторической социологии: «Ситуации в истории бывают однажды, поэтому доказуемо ли, что одна и та же ситуация могла развиваться иначе? Кратко ответ таков: недоказуемо, но возможны умозрительные предположения» [30, 42].

Возможно, и мои предположения умозрительны. И все же на вопрос «нужно ли обсуждать утерянные возможности», я считаю необходимым дать положительный ответ. Тем самым я выражаю свое согласие с теми, кто считает, что «сравнительный *ретроспективный* анализ возможных вариантов вхождения советского (именно советского) общества в рынок «крайне полезен» [20, 27]. Это дает возможность глубже осмыслить то, что происходит сейчас, определить те трудности, которые могут возникнуть в будущем. Ибо прошлое, настоящее и будущее — единое целое, и понять его — это значит не исчезнуть бесследно в неумолимом беге Времени.

Литература

1. Норо А. «Диагноз времени как третий жанр социологической теории» // Социологические исследования». — 2002. — № 2. — С. 3-11.
2. Тарасенко В.І., Іваненко О.О. Проблема соціальної ідентифікації українського суспільства (соціотехнологічна парадигма). — К. — 2004. — С. 575.
3. Медведев Рой. Советский Союз: последний год жизни. — М., 2003. — С. 333.
4. Шляпентох В.Э. Советский Союз — нормальное тоталитарное общество // Социологические исследования. — 2000. — № 2. — С. 115-124.
5. Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса. — М., 1999. — С. 351.
6. Осипов Г.В. Мифы уходящего времени // Социологические исследования. — 1992. — № 6. — С. 3-13.
7. Год после августа. Горечь и выбор. — М., 1992. — С. 268.
8. Левада Юрий. 1989—1998: десятилетие вынужденных поворотов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — № 1(39). — Январь — февраль 1999. — С. 7-12.
9. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. От великой победы до наших дней: Книга вторая. — М. — 2000. — С. 688.
10. Головаха Е.И., Панина Н.В., Чурилов Н.Н. Киев: 1990—1991. Социологические репортажи. — К., 1992. — С. 139.
11. Лейн Д. Глобальный капитализм и трансформация социализма // Социологический журнал. — 2005. — № 1. — С. 51—72.
12. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства». Т. 1. — М., 2000. — С. 302.
13. Попова И.М. Социальные представления в обыденном сознании // Социологические исследования. — 1991. — № 11. — С. 66—76.
14. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. — М., 2001. — С. 398.
15. Ларцев В. К проблеме периодизации процесса приватизации // Экономика Украины. — 2000. — № 12. — С. 41—46.
16. Руткевич М.Н. Возрастание социальной напряженности к концу советского периода // Социологические исследования. — 2004. — № 7. — С. 62-70.
17. Фесенко В. Политическая элита Украины // Полис. — 1995. — № 6.
18. Куценко О.Д. Динамика элит в изменяющемся социальном пространстве // Харьковские социологические чтения — 95. — Харьков , 1995. — С. 107—110.

19. Аргументы и факты. — 2005. — № 34. — С. 3.
20. Деревянко Борис. Хочу быть услышанным. — Одесса, 2002. — С. 616.
21. Косалс Р.Я., Рывкина Р.В. Социология перехода к рынку в России. — М., 1998. — С. 368.
22. Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований // Социологические исследования. — 2002. — № 2. — С. 3-16.
23. Мендрас Мари. Слабое государство и сильная администрация: к оценке российской бюрократии // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации. — М. — 2003. — С. 408.
24. Рождественский С.Д. Материалы к истории самостоятельных политических объединений в СССР после 1945 года // Память. — М., 1981; Париж, 1982.
25. Гальцева Рената. Тяжба о России // Новый мир. — 2002. — № 7.
26. Врублевский Виталий. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. — К., 1993. — С. 254.
27. Бовин Александр. Записки ненастоящего посла. Из дневника. — Захаров-Москва, 2004. — С. 815.
28. Заявление «Союза левых сил Одесщины» // Юг. — 1991. — 30 окт.
29. Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. — Т. 8. — М. — 1957.
30. Историческая социология: опыт и перспективы // Социологические исследования. — 2005. — № 1. — С. 41–53.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОБСЛЕДОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ГАЗЕТОЙ «ЗНАМЯ КОММУНИЗМА» И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППОЙ ОДЕССКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№№ п/п	Дата проведения	Тематика обследования	Метод сбора инфор- мации	Данные о публикации результатов
1,	15.06.83	Зондаж общественного мнения по проблеме «Бытовое обслуживание» (По мнению клиента)	Прессовый опрос	
2.	23.08.83 и 1.09.85	Изучение отношения читателя к газете в 1983 г. («К нашим читателям»)	Прессовый опрос	5.04, 1984 («О нашей газете и наших читателях»)
3.	10.12.83	Изучение предложений и пожеланий читателей газеты на 1984 г.	Прессовый опрос	
4.	8.09.84	Изучение отношения читателей к газете в 1984 г. («К нашим читателям»)	Прессовый опрос	
5.	20.12.84	Изучение предложений и пожеланий читателей газеты на 1985 г.	Прессовый опрос	
6.	1984–1985	Изучение отношения сельской читательской аудитории к газете	Формализованное интервью	
7.	02. 1986	Изучение отношения сельской читательской аудитории к газете	Формализованное интервью	
8.	20.02.1986	Зондаж общественного мнения по проблеме организации и проведения свободного времени («Это несвободное время»)	Прессовый опрос	17.04.86 «Наш досуг, или Что показывает анкета»

№№ пп	Дата проведения	Тематика обследования	Метод сбора инфор- мации	Данные о публикации результатов
9.	19.04.86	Зондаж общественного мнения по проблеме организации и проведения свободного времени («Ваше свободное время»)	Прессовый опрос	3.07 86 «Ваш досуг, или Что показывает анкета»
10.	17.07. 86	Зондаж общественного мнения по проблеме организации сменного режима труда («Трехсменная работа»)	Прессовый опрос	24-25.04.87 16.08.86 («Трехсменная работа Мнения читателей»)
11.	15.11.86	Зондаж общественного мнения по проблеме организации и проведения свободного времени. (Опрос родителей «Свободное время старшеклассников»)	Прессовый опрос	24-25.04 1987 «Досуг подростков» Мнение учеников и родителей
12.	12.03.86	Зондаж общественного мнения по проблеме организации и проведения свободного времени. (Опрос старшеклассников)	Прессовый опрос	
13.	7.04.87	Изучение общественного мнения 0 перестройке	Прессовый опрос	16.04.87.7.07.87 (« Перестройка глазами читателя Подводим итоги социологической анкеты»)
14.	24.06.87	Выборность руководителей (Одесский политехнический выбирает ректора Хроника Мнения Комментарии)		
15.	19.09.87	Изучение мнения читателей о желаемых изменениях в газете в новом году («Знамя коммунизма». 1988)	Прессовый опрос	29 II 87 «Штрихи к портрету времени и газеты»

№№ п/п	Дата проведения	Тематика обследования	Метод сбора инфор- мации	Данные о публикации результатов
16.	23.01.88	Зондаж общественного мнения по проблеме перестройки народного образования («Школа, какой вы ее видите?»)	Прессовый опрос	17.02.88 («Перестройка образования. Цифры и мнения»)
17.	9.06.88	Опрос по проблемам, поднятым в Тезисах ЦК КПСС и XIX Всесоюзной партконференции («Пути перестройки». Мнения читателей)	Прессовый опрос	23.25.06.88 («Пути перестройки». Мнения читателей)
18.	9.07.88	Опрос по итогам работы XIX Всесоюзной партконференции («За словом дело»)	Прессовый опрос	(«За словом дело». Анкета читателя)
19.	12.11.88	Опрос по проблемам социальной справедливости («Социальная справедливость. Ваше мнение?»)	Прессовый опрос	21.12.88 («Социальная справедливость. Ваше мнение?»)
20.	11.05.89	Анкета «Навстречу съезду народных депутатов. Ваше мнение?»	Прессовый опрос	24.05. 89
21.	25.06.89	Анкета «Съезд окончен. Диалог продолжается»	Прессовый опрос	13.07.89 «Съезд окончен. Диалог продолжается»
22.	23.08.89	Анкета «Обсуждаем проекты законов»	Прессовый опрос	

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ МАССИВОВ ИНФОРМАЦИИ***1. МАССИВЫ ИНФОРМАЦИИ*****МАССИВ 1 — май-сентябрь 1989 г.**

Анкетный опрос проведен в трудовых коллективах. Генеральная совокупность — занятые в основных отраслях народного хозяйства г. Одессы. Опрошено 909 человек. Сравнение генеральной и выборочной совокупностей показало, что средняя ошибка выборки по контролируемым и неконтролируемым переменным (занятости в основных отраслях народного хозяйства, полу, возрасту, уровню образования) равна 2,4%.

МАССИВ 2 — январь 1990 г.

Анкетный опрос по месту жительства. Генеральная совокупность — население Одесской области в возрасте старше 18 лет. Опрошено 982 человека. Выборка четырехступенчатая. Контролируемые переменные — пол, возраст, тип поселения. Отклонение выборочной совокупности от генеральной не превышает 2%.

МАССИВ 3 — май 1990 г.

Анкетный опрос по месту жительства взрослого населения (старше 18 лет) Одесской области. Опрошено 975 человек. Контролируемые переменные — пол, возраст, тип поселения. Средняя ошибка выборки по контролируемым переменным не превышает 3%.

МАССИВ 4 — март 1991 г.

Анкетный опрос по месту жительства в Одесской области, опрошено 994 человека. Выборка репрезентативно представляет взрослое население области (по полу, возрасту, типу поселения). Средняя ошибка выборки по контролируемым переменным в пределах 2,5–3,7%. Анкетирование по месту жительства проведено незадолго до Всесоюзного референдума и республиканского опроса.

МАССИВ 5 — конец сентября — начало октября 1991 г.

Анкетный опрос, опрошено 998 человек. Выборочная совокупность репрезентативно представляет взрослое население (18 лет и старше) Одесской области. Средняя ошибка выборки по контро-

лируемым и неконтролируемым во время формирования выборочной совокупности переменным (типу поселения, полу, возрасту, социальной принадлежности и национальности) находится в пределах от 1 до 3%.

МАССИВ 6 — конец ноября 1991 г.

Анкетный опрос, проведенный в Одесской области. Опрошено 1004 человека. Выборочная совокупность репрезентативно представляет взрослое население области.

Средняя ошибка выборки по контролируемым и неконтролируемым переменным (типу поселения, полу, возрасту и национальной принадлежности) находится в пределах от 0 до 3%.

МАССИВ 7 — конец ноября 1991 г.

Анкетный опрос проведен в г. Одессе за 10 дней до Всеукраинского референдума. Опрошено 605 человек. Выборочная совокупность репрезентативно представляет взрослое население города. Средняя ошибка выборки по контролируемым переменным (полу, возрасту, социальной принадлежности) находится в пределах от 1 до 5%.

II. ПРАВИЛА ФОРМИРОВАНИЯ ВЫБОРКИ

А. ДЛЯ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ (Массив 1)

1. Генеральная совокупность — занятые в основных отраслях народного хозяйства г. Одессы.

2. Планируемый объем выборки — 1000 человек, реальная выборка — 909 человек.

3. Выборка двухступенчатая.

I СТУПЕНЬ. Единица отбора — предприятия (организации, учреждения). Выборка простая, случайная, бесповторная. Основа выборки — полный список предприятий (организаций, учреждений), расположенных в г. Одессе. Отбор производился по таблице случайных чисел.

В выборку были включены следующие предприятия (организации, учреждения):

1. Мебельный комбинат. 2. Продмаш. 3. Пищереммаш. 4. Полиграфмаш. 5. Точмаш. 6. Завод им. Кирова. 7. Завод «Больше-

вик». 8. Консервный завод. 9. АТП-35128. 10. Одесса-главная. 11. Ч М П (пассажирский флот). 12. Ч М П (сухогрузный флот). 13. Высотстрой. 14. С М У №10. 15. Ц У М. 16. Трест общественно-го питания (кафе «Ивушка» и «Солнышко»). 17. Рембыттехника. 18. Горбольница №2. 19. Горбольница №6. 20. С П Т У №8. 21. С Ш №46.

II СТУПЕНЬ. Единица отбора — респондент. Выборка квотная. Квоты определялись по полу, возрасту и по группам персонала (рабочие, руководители, специалисты-. Источник информации о генеральной совокупности — данные Всесоюзной переписи населения 1989 г. и формы государственной отчетности предприятий: форма №1 (почтовая-единовременная) и форма №2 — Т (годовая).

4. Оценка репрезентативности выборки

4.1. Сравнение генеральной и выборочной совокупностей позволило получить данные для расчета средней ошибки репрезентативности по отраслям народного хозяйства (табл. 1).

Таблица 1

Распределение генеральной и выборочной совокупностей
по отраслям народного хозяйства

Наименование отрасли	Удельный вес в генеральной совокупности, %	Удельный вес в выборочной совокупности, %	Ошибка репрезентативности, %
Промышленность	33,6	41,9	8,3
Транспорт	18,2	15,5	2,7
Строительство	10,3	10,2	0,1
Торговля, общепит	10,1	10,1	0,0
Жилищно-коммунальное и бытовое обслуживание	5,7	5,4	0,3
Здравоохранение	9,9	8,3	1,6
Народное образование	12,2	8,6	3,6
Всего:	100,0	100,0	16,6

Расчетная величина средней ошибки репрезентативности находится в пределах допустимой величины и составляет 2,4%.

Таким образом, выборочная совокупность достаточно точно представляет генеральную совокупность работников основных отраслей народного хозяйства г. Одессы.

4.2. Сравнение генеральной и выборочной совокупности по полу и возрасту подтвердило репрезентативность выборки (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение генеральной и выборочной совокупностей
по полу и возрасту**

Демографические характеристики	Генеральная совокупность, %	Выборка, %	Ошибка репре- зентативности, %
Пол			
Мужчины	52	57	5
Женщины	48	43	5
Возраст			
До 20 лет	5	3	2
20 - 29 лет	23	24	1
30 - 39 лет	26	28	2
40 - 49 лет	22	24	2
50 - 59 лет	17	17	0
60 лет и старше	7	4	3

Расчетная величина средней ошибки по этим контролируемым переменным равна соответственно 5% и 1,7%.

4.3. Особо следует отметить, что выборочная совокупность репрезентативно представляет генеральную совокупность по неконтролируемой переменной «Образование» (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение генеральной и выборочной совокупностей
по образованию**

Образование	Генеральная совокупность, %	Выборка, %	Ошибка репре- зентативности, %
Неполное среднее	12	8	4
Среднее общее	31	37	6
Среднее специальное, высшее незаконченное	28	27	1
Высшее	29	28	1

Расчетная величина средней ошибки репрезентативности — 3%.

Б. ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА. (Массив 2 и др.)

1. Генеральная совокупность — взрослое население области в возрасте от 18 до 70 лет.

2. Планируемый объем выборки — 1000 человек; реальная выборка — 982.

3. Выборка четырехступенчатая.

I СТУПЕНЬ. Единица отбора — избирательные округа. Выборка районированная, пропорциональная. Критерий районирования — место жительства: г. Одесса, города и пгт области, села.

Основа выборки — списки избирательных округов. Процедура отбора — простой случайный отбор по таблице случайных чисел.

В г. Одессе из 250 округов в выборку включен 21 округ (3, 13, 17, 18, 50, 55, 58, 72, 77, 80, 91, 93, 101, 105, 113, 150, 165, 192, 202, 208, 229). В Одесской области из 140 округов, расположенных вне г. Одессы, отобрано 20 округов (9 округов — в других городах и поселках городского типа — 96, 102, 106, 114, 123, 152, 179, 208, 215; 11 округов — в сельской местности — 120, 132, 141, 150, 160, 168, 187, 195, 203, 223, 231).

II СТУПЕНЬ. Единица отбора — опросные участки. В г. Одессе, городах и пгт области — это улицы и дома внутри избирательных округов, в которых проводится опрос; в сельской местности — сельские советы. Основа выборки — соответствующие данные в постановлениях избирательных комиссий «Об образовании избирательных округов...». Процедура отбора — простой случайный отбор по алфавиту.

III СТУПЕНЬ. Единица отбора — жилище (квартира, индивидуальной дом, комната в общежитии и т. п.). Основа — перечень жилищ на опросном участке, процедура отбора — систематический отбор. Величина интервала (шаг выборки) определяется путем деления общей численности жилищ на опросном участке на запланированный объем выборки на данном участке.

IV СТУПЕНЬ. Единица отбора — респондент, выборка — квотная. Квоты определяются по полу и возрасту.

4. Оценка репрезентативности выборки (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение населения в выборочной
и генеральной совокупностях (в %)**

	Выборка	Население области	Ошибка репрезент.
Место жительства			
Одесса	42	42	0
Города и пгт области	24	24	0
Села	34	34	0
Пол			
Мужчины	47	47	0
Женщины	53	53	0
Возраст			
До 20 лет	3	4	1
20 - 29	23	22	1
30 - 39	23	23	0
40 - 49	19	18	1
50 - 59	21	18	3
60 - 69	11	15	4

Отклонение выборочной совокупности от генеральной совокупности по контролируемым переменным не превышает 2%.

Г.П. Бессокирная

МЕТОДИКА СБОРА ОБЪЕКТИВНЫХ ДАННЫХ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Сбор объективных данных о трудовых коллективах осуществлялся по программе НИР «Представления массового сознания о социальной справедливости».

1.2. Отбор трудовых коллективов проведен по правилам, изложенным в Приложении 2.

1.3. Сбор данных о трудовом коллективе каждого из попавших в выборку трудовых коллективов включал два этапа:

а) сбор данных на предприятии («Инструкция» Раздел 4).

б) сбор данных в Облстатуправлении («Инструкция» Раздел 5).

1.4. В разделе 2 перечислены показатели, определенные по статистическим данным.

1.5. В разделе 3 изложены общие принципы анализа и использования статистических данных о трудовом коллективе в настоящем социологическом исследовании.

2. СПИСОК ПОКАЗАТЕЛЕЙ

1. Процент женщин

2. Процент молодежи (до 30 лет)

3. Процент работников старше 60 лет

4. Процент украинцев

5. Численность всего персонала

6. Текучесть рабочих, %

7. Оборот рабочих кадров (принято + уволено), %

8. Число неявок на работу по болезни на 1 человека

9. Коэффициент сменности рабочих

10. Численность рабочих ППП

11. Удельный вес руководителей среди ППП

12. Удельный вес специалистов среди ППП

13. Среднемесячная зарплата ППП, в руб.

14. Темп роста производительности труда (1988 к 1987, в %)

15. Численность ППП

16. Прибыль на 1 чел. в руб.

17. Прибыль, направляемая в фонды предприятия, в руб.
18. Прибыль, направляемая в фонды, %
19. Прибыль в ФМП, в руб.
20. Прибыль в ФМП, в %
21. Прибыль в ФСР, в руб.
22. Прибыль в ФСР, в %
23. Прибыль в ФРП, руб.
24. Прибыль в ФРП, %
25. Расходы из ФМП на 1 чел., руб.
26. Расходы из ФСР на 1 чел., руб.
27. Расходы из ФСР + ФМП на 1 чел. в руб.
28. Расходы из ФРП на 1 чел., в руб.
29. Среднесписочная численность работников

3. АНАЛИЗ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ ДАННЫХ

3.1. Полученные данные анализировались как самостоятельный блок признаков (показателей): всего 29. Построены матрицы коэффициентов корреляции для 19 предприятий по 11 признакам (1-8, 10, 13, 15), для 15 предприятий по 15 признакам (1-15), для 8 предприятий по 29 признакам (1-15 и 19-32).

3.2. Полученные данные использованы и для совместного анализа данных опроса по анкете и собранных объективных данных о трудовых коллективах.

3.2.1. В общую матрицу информации включены следующие показатели:

97. Процент женщин в трудовом коллективе
98. Процент молодежи (до 30 лет) в трудовом коллективе
99. Процент работников старше 60 лет
100. Удельный вес руководителей среди ШШ
101. Удельный вес специалистов среди ГШП
-
113. Процент украинцев, %
114. Текучесть кадров, %
115. Среднемесячная зарплата ППП, руб.
116. Темпы роста производительности труда (1988 г. к 1987 г.), %
117. Прибыль (на 1 человека), руб.
119. Прибыль, отчисленная в фонды предприятия (на 1 человека), руб.
119. Прибыль в фонд социального развития (на 1 человека), руб.

120. Процент прибыли, направляемой в фонд социального развития, %

121. Прибыль в фонд материального поощрения (на 1 человека), руб,

122. Прибыль в фонд развития производства (на 1 человека), руб.

3.2.2. Каждому трудовому коллективу присвоены коды (1, 2 или 3) в соответствии с величиной показателя (соответственно «ниже нормы», «норма» и «выше нормы»). Расчет «нормы» осуществлялся с использованием информации о среднем арифметическом и среднем квадратичном отклонении.

4. ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ СБОРА НА ПРЕДПРИЯТИИ ОБЪЕКТИВНЫХ ДАННЫХ О ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ

1. Источником информации являются формы государственной отчетности предприятия:

- форма № 1 (почтовая-единовременная) «Отчет о численности работников по полу и возрасту, стажу работы, по продолжительности рабочей недели на 2 июня 1987 года»;

- форма № 2-Т (годовая) «Отчет производственного объединения (комбината, промышленного предприятия) о выполнении плана по труду за 1988 год»;

- форма № 22 «Сводная таблица основных показателей, комплексно характеризующих хозяйственную деятельность предприятия (объединения) за 1988 год».

2. Местонахождение форм: бухгалтерия (№ 2-Т и № 22); отдел кадров (№ 1).

3. Данные из форм статотчетности переносятся в бланк «Объективные данные о трудовом коллективе» (см. приложение к Инструкции). В нем указаны код формы, номера разделов, строк и граф, из которых необходимо взять соответствующие данные (номера разделов, строк и граф приведены в формах для предприятий промышленности).

4. На первом этапе собираются данные в отделе кадров, на втором — в бухгалтерии.

1). Отдел кадров

Данные	Код формы	Раздел	Строка	Графа
	№ 1	1		
Весь персонал				
Итого			1	1
мужчины			1	1
женщины			1	1
Из них в возрасте				
до 29 лет			1	2+3+4+5+6+7+8
30-34			1	9
35-39			1	10
40-44			1	11
45-49			1	12
50-54			1	13
55-59			1	14
60 лет и старше			1	15+16
Из общей численности работников - число лиц основной национальности				17

Массовые группы рабочих и специалистов, их примерная численность /со слов инспектора ОК/

Рабочие:

Специалисты:

1.....1.....

2.....2.....

3.....3.....

4.....4.....

5.....5.....

Справочно. Ф. И. О. инспектора отдела кадров

Телефон

2). Бухгалтерия

Данные	Код формы	Раздел	Строка	Графа	Величина показателя
Среднесписочная численность работников, чел. (всего персонала) в том числе промышленно-производственного персонала	№ 2 - Т (годовая)	1А	1	1	
			2	1	
Из промышленно-производственного персонала: рабочих руководителей специалистов			3	1	
			5	1	
			6	1	
Среднемесячная заработная плата, руб., промышленно-производственного персонала		1Д	39	1	
Темпы роста производительности труда по планируемому показателю		1Ж	353	1	
Промышленно-производственные рабочие: Принято всего Выбыло всего В том числе: По собственному желанию		1Х	161	1	
			171	1	
			175	1	
Число человеко-дней неявок на работу по болезни		Х	226	1	
Коэффициент сменности рабочих			39	2	

Справочно.

С какого времени трудовой коллектив перешел на новые условия хозяйственной деятельности и какая форма хозрасчета внедрена? _____

Фамилия, имя, отчество бухгалтера

Телефон _____

5. ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ СБОРА ОБЪЕКТИВНЫХ ДАННЫХ О ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ В ОБЛСТАТУПРАВЛЕНИИ

1. Источником информации являются формы годового бухгалтерского отчета за 1988 год.

Форма № 1. Баланс по основной деятельности производственного объединения (предприятия) на 1 января 1989 г.

- прибыль отчетного года (стр. 830)

Форма № 2. Приложение к балансу:

- отчисления от прибыли (доходы) в фонд развития производства, раздел 5 (стр. 100)

- в фонд социального развития, раздел 5 (стр. 90)

- в фонд материального поощрения (стр. 110)

Форма № 10. Отчет о движении средств фондов и целевого финансирования за 1988 год.

- израсходовано из фонда (единого) материального поощрения (раздел А, строка 010, графа 4)

- израсходовано из фонда социального развития (строка 060, графа 4)

- израсходовано из фонда развития производства, науки, техники (строка 080, графа 4)

Форма № 20. Отчет о прибыли (доходе) и убытке (потерях) за 1988 год. Прибыль (доход) за отчетный период, раздел П, стр. 320; графа 1.

2. Местонахождение форм: Отдел статистики труда и заработной платы.

3. Данные из форм годовой отчетности переносятся в бланк «Данные о прибыли и распределении прибыли за 1988 год».

(предприятие)

Данные о прибыли и распределении прибыли за 1988 год

Данные	Источники информации	Величина показателя
Прибыль /доход/	Форма № 1 стр. 830. Форма № 20, стр. 320	
Отчисление от прибыли в фонды предприятия	Форма № 2, Стр. 090+100+110	
Отчисление от прибыли в ФРП	Форма № 2, строка 090	
Отчисление от прибыли в ФСР	Форма № 2, строка 100	
Отчисление от прибыли в ФМП	Форма № 2, строка 110	
Израсходовано из ФМП	Форма № 10, строка 010, графа 4	
Израсходовано из ФСР	Форма № 10, строка 060, графа 4	
Израсходовано из ФРП	Форма № 10, строка 080, графа 4	

6. КОДИФИКАТОР ПРЕДПРИЯТИЙ (ПРИЗНАК 87)

01 Мебельный комбинат

02 Продмаш

03 Пишереммаш

04 Полиграфмаш

05 Точмаш

06 Завод им. Кирова

07 Завод «Большевик»

08 Консервный завод

09 АТП-35128

10 Одесса-главная

11 Ч М П (пассажирский флот)

12 Ч М П (сухогрузный флот)

13 Высотстрой

14 С М У 10

15 Ц У М

16 Трест общественного питания /кафе «Ивушка» и «Солнышко»/

17 Рембыттехника

18 Горбольница № 6

19 Горбольница № 2

20 СПТУ № 8

21 С Ш № 46

7. КОДИФИКАТОР ОТРАСЛЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (ПРИЗНАК 194)

1 — промышленность

2 — транспорт

3 — строительство

4 — торговля, общепит, бытов. обслуживание

5 — здравоохранение

6 — образование

Г.П. Бессокирная, О.Р. Лычковская

МЕТОДИКА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Методика разработана с целью определения содержания и основных параметров специализированных представлений о социальных отношениях в официальных документах (ОД).

1.2. Генеральная совокупность — 85 ОД по вопросам труда и благосостояния, опубликованных в официальных изданиях: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, Сборник документов — М.: Политиздат, 1988. Т. 16. Ч. 1; Сборник постановлений Правительства СССР (все номера за 1985-1988 гг.); журнал «Партийная жизнь» (все номера за 1985-1988 гг.)

1.3. Контент-анализ включал два этапа.

1.3.1. На первом этапе осуществлен анализ генеральной совокупности ОД.

Категории анализа и кодировальный лист «Д» приведены в разделе 2. Единицами анализа выступили отдельные документы.

1.3.2. На втором этапе осуществлен анализ выборочной совокупности ОД по более широкому кругу категорий. Правила оформления выборочной совокупности категорий анализа и кодировальный лист «ОД» приведены в разделе 3. Единицами анализа выступили отдельные документы.

2. АНАЛИЗ ГЕНЕРАЛЬНОЙ СОВОКУПНОСТИ

2.1. Категории анализа.

1. Номер документа

2. Автор:

ЦК КПСС — 1.

ЦК КПСС, Президиум ВС СССР и СМ — 2

ЦК КПСС, Президиум ВС СССР, СМ и ЦК ВЛКСМ — 3

ЦК КПСС, СМ, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ — 4

ЦК КПСС, СМ и ВЦСПС — 5

ЦК КПСС и СМ — 6

Президиум ВС СССР — 7

Президиум ВС СССР и СМ — 8

ВС СССР - 9
 СМ, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ - 10
 СМ и ВЦСПС - 11
 СМ - 12
 ЦК КПСС, Президиум ВС СССР, СМ, ВЦСПС и ЦК
 ВЛКСМ - 13

3. Главная тема:

социально-экономическое развитие — 1

труд — 2

благосостояние — 3

4. Уровень освещения темы:

тема в целом — 1

отдельные вопросы темы — 2

чрезвычайные обстоятельства — 3

5. Локальность темы:

СССР - 1

республика — 2

регион, область — 3

отрасль, министерство (ведомство) — 4

трудовой коллектив — 5

смешанная или другая (в том числе общественные организа-
ции) — 6

6. Год издания:

1985 - 1

1986 - 2

1987 - 3

1988 - 4

2.2. Кодировальный лист «Д»

Номер документа	Автор	Главная тема	Уровень освещения темы	Локальность темы	Год издания
1	2	3	4	5	

2. АНАЛИЗ ВЫБОРОЧНОЙ СОВОКУПНОСТИ

3.1. Правила формирования выборочной совокупности.

Выборка проектировалась по трем контрольным переменным: автор (2), главная тема (3) и год издания (6). Из генеральной со-
 вокупности (85 документов) путем систематического отбора в вы-
 борку включены 20 документов (с учетом объема групп, выделен-

ных по контролируемым переменным в генеральной совокупности).

3.2. Категории анализа

1. Тема	
Труд:	Благополучие:
Формы хозяйствования - 1	Экологические условия - 8
Занятость и трудоустройство - 2	Обеспечение продовольственными товарами - 9
Оплата труда - 3	Обеспечение промтоварами и услугами - 10
Самоуправление на производстве - 4	Здравоохранение и медобслуживание - 11
Содержание труда - 5	Коммунальное хозяйство, транспорт и связь - 12
Организация труда и производства - 6	Доходы населения - 13
Условия и охрана труда - 7	Жилье - 14
	Льготы и привилегии - 15
	Социально-культурные учреждения - 16

2. Территориально-производственная локальность темы:

СССР - 1

республика — 2

регион (область, край, округ, группа областей и т. п.) — 3

город — 4

отрасль (министерство) — 5

предприятие — 6

концерн, ассоциация, ПО и т. п. — 7

нет данных — 8

общественные организации — 9

3. Контекст темы:

одна тема — 1

в связи с другой внутри сферы труда (или благополучия) — 2

взаимосвязь с темой другой сферы — 3

взаимосвязь с экономикой — 4

взаимосвязь с правом — 5

взаимосвязь с политикой — 6

взаимосвязь с культурой, образованием — 7

взаимосвязь с нравственностью — 8

4. Объект (о ком речь?)

классы — 1

- демографические группы (включая семью) — 2
- нации, народы — 3
- профессиональные группы — 4
- территориальные группы — 5
- группы по формам собственности (в т. ч. кооператоры) — 6
- группы по месту в политической системе — 7
- производственные коллективы, занятое население, отрасли — 8
- н/х — 8
- инвалиды — 9
- участники ВОВ, воины-интернационалисты — 10
- все советские люди — 11
- 5. Проблемность в освещении темы:
 - есть — 1
 - нет — 2
- 6. Актуальность (приоритетность) проблемы:
 - наиболее актуальная (приоритетная, первоочередная) — 1
 - актуальная (важная, существенная) — 2
 - нет указаний — 3
- 7. Способ аргументации проблемы:
 - нравственно-эмоциональный — 1
 - обыденно-рациональный — 2
 - имеются указания на научные данные (в т. ч. результаты социологических исследований) — 3
 - трудно определить — 4
- 8. Временные границы проблемы (когда возникла?)
 - во время культа личности — 1
 - во времена застоя — 2
 - с началом перестройки — 3
 - в настоящее время — 4
 - нет данных — 5
 - за последние годы — 6
- 9. Субъект (кто виноват?)
 - конкретно не указан — 1
 - партийные, советские и центральные хозяйственные органы — 2
 - партийные, советские органы, общественные организации, центральные хозяйственные органы — 3
 - партийные, советские, правоохранительные органы, общественные организации, центральные хозяйственные органы — 4
 - министерства, ведомства — 5

министерства, ведомства, центральные хозяйственные органы — 6

сложившаяся система — 7

10. Субъект управления (кто должен решать проблему?)

партийные, советские органы, общественные организации, министерства, ведомства, трудовые коллективы — 1

партийные, советские органы, центральные хозяйственные органы, общественные организации, министерства, ведомства, трудовые коллективы — 2

партийные, советские органы, министерства, ведомства, трудовые коллективы — 3

советские органы, центральные хозяйственные органы, общественные организации, министерства, ведомства, трудовые коллективы — 4

советские органы, общественные организации, министерства, ведомства, трудовые коллективы — 5

министерства, ведомства, трудовые коллективы — 6

11. Степень конкретности предлагаемых путей решения проблемы:

абстрактно-теоретические рассуждения — 1

ссылки на отдельные примеры решения проблемы — 2

конкретные предложения, сроки решения проблемы — 3

есть данные о предполагаемых последствиях принимаемых решений — 4

имеются данные о необходимости учесть общественное мнение — 5

3.3. Кодировальный лист «ОД»

Тема	Локальность темы	Контекст темы	О ком идет речь	Проблемность освещения темы	Актуальность проблемы	Способ аргументации проблемы	Когда возникла проблема	Кто виноват	Кто должен решать проблему	Степень конкретности предлагаемых путей решения проблемы
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

4. ПЕРЕЧЕНЬ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ВЫБОРОЧНУЮ СОВОКУПНОСТЬ

1. О предложениях трудящихся, высказанных в ходе Всесоюзного заочного рабочего собрания по вопросам экономии и бережливости, укрепления дисциплины и порядка на производстве. Постановление ЦК КПСС от 30 сентября 1985. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов. — М.: Политиздат, 1988. Т. 16. Ч. 1.

2. О создании кооперативов по выработке кондитерских и хлебобулочных изделий: Постановление Совета Министров СССР, № 1042 от 10 сентября 1987 г. — СПП СССР, 1987, № 44-148.

3. О создании сельских домов семейного типа: Постановление Совета Министров СССР, № 1022 от 17.08.88 г. — СПП СССР, 1988, № 30.

4. О мерах по расширению подготовки и повышению квалификации кадров для отраслей промышленности, выпускающих товары народного потребления и сферы услуг на 1986–1990 гг. и на период до 2000 года. Постановление Совета Министров СССР от 28.06.85. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов. — М.: Политиздат, 1988. — Т. 16. Ч. 1.

5. О мерах по улучшению работы колхозных рынков. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров № 265 от 26.02.87. — СПП СССР, 1987, № 20-75.

6. О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами; Постановление ЦК КПСС от 15 мая 1986 г. — «Партийная жизнь». 1986, № 11; СПП СССР, 1986. — № 21-119.

7. О неотложных мерах по ускорению решения продовольственного вопроса в соответствии с установками июльского (1987) Пленума ЦК КПСС. — «Партийная жизнь», 1987. — № 9. — С. 5.

8. О повышении размеров пособий для детей военнослужащих срочной службы. — Постановление Совета Министров № 58 от 09.01.86. — СПП СССР, 1986. — № 6-37.

9. О предоставлении кредитов гражданам, занимающимся индивидуальной трудовой деятельностью. — Постановление Совета Министров № 351 от 23.03.87. — СПП СССР, 1987. — № 28-97.

10. Об утверждении Положения о защите и сохранении морской среды в экономической зоне СССР. — Постановление Совмина СССР от 15.07.85. Решения партии и правительства по хозяйствен-

ным вопросам: Сборник документов. — М.: Политиздат, 1988. — Т. 16. Ч. 1.

11. Об усилении роли экспертизы проектов на строительство крупных народно-хозяйственных объектов в целях предупреждения отрицательных экологических последствий. Постановление Совета Министров СССР № 589 от 26.05.87. — СПП СССР, 1987. — № 32-112.

12. Об отмене дополнительных отпусков, предоставляемых за выполнение отдельных общественных обязанностей. — Постановление Совета Министров СССР № 333 от 12.03.87. — СПП СССР, 1987. — № 21-80.

13. Об использовании пустующих жилых домов и приусадебных участков, находящихся в сельской местности. — Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР № 654 от 25.07.87. — СПП СССР, 1987. — № 41-134.

14. О введении районных коэффициентов к заработной плате рабочих и служащих, для которых они не установлены в северных районах Кировской обл., в северных и восточных районах Казахской ССР. Постановление Совета Министров СССР № 1114 от 23.09.88. — СПП СССР, 1988. — № 34.

15. О введении аттестации ответственных работников аппарата местных партийных органов. Постановление ЦК КПСС. — Партийная жизнь, 1987. — № 21.

16. Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986–2000 годы. — Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. — «Партийная жизнь», 1985. — № 20.

17. Вопросы Советского фонда милосердия и здоровья. — Постановление Совета Министров СССР от 15.10.88. — СПП СССР, 1988. — № 35.

18. О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве. — Постановление ЦК КПСС. Совета Министров № 325 от 13.03.87 — СПП СССР, 1987, 7. — № 23-82.

19. О мерах по дальнейшей организации протезно-ортопедической помощи населению. — Постановление Совета Министров СССР № 451 от 16.04.87. — СПП СССР 1987. — № 31-107.

5. СОПОСТАВЛЕНИЕ ВЫБОРОЧНОЙ И ГЕНЕРАЛЬНОЙ СОВОКУПНОСТЕЙ

1. Выборочная совокупность репрезентативно представляет генеральную по 3 контрольным переменным:

		Выборка (%)	Генеральная совокупность (%)
Главная тема	Труд	30	32
	Благосостояние	70	68
Автор	КПСС	20	18
	КПСС и СМ	25	21
	СМ	55	61
Год издания	1985	20	21
	1986	20	19
	1987	45	42
	1988	15	18

2. Средние ошибки репрезентативности соответственно: по теме — 2%; по автору — 4%; по году издания — 2%.

Г. П. Бессокирная, Н.И. Тимофеева**ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ В ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ****I. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ**

Таблица I

Население и трудовые ресурсы

	СССР	УССР	Одесская область	Одесса
Численность наличного населения на начало 1990 года (млн. человек)	288,8	51,8	2,6	1,1
Рост численности населения между переписями 1979 и 1989 годов (в процентах)	109	104	104	107
Удельный вес населения в трудоспособном возрасте, %	55,6	59	57,4	62,2
Удельный вес населения старше трудоспособного возраста, в %	17,1	17,7	19,6	18,2
Демографическая нагрузка (до и после трудоспособного возраста) на 100 человек в трудоспособном возрасте	80	79	74	61
Число пенсионеров (всего) на 100 человек населения	21	25	23	*

* Нет данных

Таблица 2

Рождаемость населения

Число родившихся на 1000 человек	1980	1985	1986	1987	1988	1989
СССР	18,3	19,4	20,0	19,8	19,0	17,6
УССР	14,8	15,0	15,5	14,8	14,6	13,4
Одесская область (среди 25 областей УССР)	14,3 16-17	14,8 14	15,5	14,9 13-14	14,3	13,3
Одесса (среди 30 городов СССР)	11,8 29	12,2 28	12,7 30	12,3 30	11,8 30	

Таблица 3

Смертность населения

Число умерших на 1 000 человек	1980	1985	1986	1987	1988	1989
СССР	10,3	10,6	9,8	9,9	10,2	10,1
УССР	11,4	12,1	11,0	11,4	11,6	11,7
Одесская область (среди 25 областей УССР)	11,9 12	12,4 8	11,4	11,6 12	12,1	11,9
Одесса (среди 30 городов СССР)	10,0 6	10,2 8	9,6 9	9,8 9-10	10,2 9-10	10,3

Таблица 4

Естественный прирост населения

Естественный прирост населения на 1000 человек	1980	1985	1986	1987	1988	1989
СССР	8,0	8,2	10,2	9,9	8,8	7,5
УССР	3,4	2,9	4,5	3,4	3,0	1,7
Одесская область (среди 25 областей УССР)	2,4 17	2,4 16-17	4,2	3,3 14	2,2	1,4
Одесса (среди 30 городов СССР)	1,8 28-29	2,0 28	3,1 29	2,5 29	1,6 29	0,7

Таблица 5

Расселение населения (по данным переписи населения 1989 г.)

	УССР	Одесская область
Плотность населения (человек на 1 кв. км)	856	793
Территория, тыс. кв. км	603,7	33,3
Процент городского населения, %	67	66
Процент сельского населения, %	33	34

Таблица 6

Среднемесячная зарплата рабочих и служащих в народном хозяйстве

	1980	1985	1986	1987	1988	1989
СССР	168,9	190,1	195,6	202,9	220	240
УССР	155	174	179	185	200	218
Одесская область	155	170	176	181	195	216
Место Одесской области среди 25 областей УССР	6	9	10	9-11	9-10	

Таблица 7

Среднемесячная оплата труда колхозников

	1980	1985	1986	1987	1988	1989
СССР	118,5	153,4	163,0	170,2	182	196
УССР	103,6	135,6	148,2	156,1	167	177
Одесская область	109,4	138,2	142,7	147,5	165	180
<i>Место Одесской области среди 25 областей УССР</i>	<i>12</i>	<i>14</i>	<i>14</i>	<i>14</i>	<i>14</i>	

Таблица 8

Среднедушевые совокупные доходы в месяц за 1989 г.

(по данным обследования семейных бюджетов)

	СССР	УССР	Одесская область
Рабочих и служащих	159	160	158
Колхозников	125	144	134

Таблица 9

Средняя обеспеченность жильем в расчете на одного жителя

в городских поселениях и сельской местности

(на конец года, кв. метров общей площади)

	1980	1985	1986	1987	1988	1989
СССР	13,4	14,6	14,9	15,2	15,5	15,8
УССР	15,1	16,4	16,8	17,1	17,3	17,6
Одесская область	14,9	15,8	16,2	16,4	16,7	16,7
<i>Место Одесской области среди 25 областей УССР</i>	<i>15-16</i>	<i>19-21</i>	<i>20</i>	<i>21</i>	<i>21</i>	

Таблица 10

Средняя обеспеченность жильем в расчете на одного жителя в городских

поселениях (на конец года, кв. метров общей площади)

	1980	1985	1986	1987	1988	1989
СССР	13,1	14,1	14,3	14,5	14,7	*
УССР	14,2	15,2	15,4	15,5	15,7	16,4
Одесская область	13,4	14,2	14,4	14,1	14,4	15,0
<i>Место Одесской области среди 25 областей УССР</i>	<i>17-18</i>	<i>19-20</i>	<i>19</i>	<i>21-22</i>	<i>22-33</i>	
г. Одесса	12,1	13,7	13,9	13,4	13,7	*

* Нет данных

Таблица 11

Средняя обеспеченность жильем в расчете на одного жителя в сельской местности (на конец года, кв. метров общей площади)

	1980	1985	1986	1987	1988
СССР	13,9	15,6	16,1	16,6	17,0
УССР	16,7	18,6	19,4	20,2	20,7
Одесская область	17,5	18,9	19,6	21,0	21,3
<i>Место Одесской области среди 25 областей УССР</i>	<i>8</i>	<i>11</i>	<i>11</i>	<i>9</i>	<i>10</i>

Таблица 12

Ввод в действие жилых домов
(кв. метров общей площади на 1000 человек)

	XI пятилетка, в т. ч.		1986	1987	1988	1989
	1981-1985	1985				
СССР	406	408	428	465	464	444
УССР	366	378	401	416	405	378
Одесская область	290	345	320	356	348	339
Одесса	*	*	358	346	383	370

* Нет данных

Таблица 13

Производство товаров народного потребления (без алкогольных напитков)
на душу населения в 1988 и 1989 гг. (в розничных ценах, руб.)

	1988	1989
СССР	1224	1301
УССР	1235	1336
Одесская область	1326	1440
<i>Место Одесской области среди 25 областей УССР</i>	<i>9</i>	

Таблица 14

Структура производства товаров народного потребления
(без алкогольных напитков) в 1989 г. (в розничных ценах, %)

	Продовольственные товары	Непродовольственные товары	В т.ч. товары легкой промышленности
СССР	39	61	26
УССР	45	55	23
Одесская область	60	40	14

Таблица 15

**Производство отдельных видов пищевой продукции
на душу населения в Одесской области**

	1980	1985	1986	1987	1988	1989
Мясо (промышленная выработка), кг	40	42	45	47	50	48
Колбасные изделия, кг	13	14	14	14	14	15
Животное масло, кг	5,9	6,8	6,6	6,3	6,8	7,3
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко), кг	92	104	120	125	122	122
Жирные сыры, кг	3,6	3,4	3,8	4,2	4,4	4,4
Сахар-песок, кг	135	153	182	199	160	183
Растительное масло, кг	40	34	39	31	41	39

Таблица 16

**Розничный товарооборот государственной
и кооперативной торговли (включая общественное
питание на душу населения, руб.)**

	1985	1986
УССР	1089	1324
Одесская область	1066	1297
Одесса	1349	1668

Таблица 17

**Потребление основных продуктов питания на душу населения
в Одесской области (в год, кг)**

	1980	1985	1986	1987	1988
Мясо и мясопродукты	61,5	69,7	69,3	69,2	72,8
Молоко и молочные продукты	314	355	362	340	338
Яйца, штук	278	348	360	345	346
Картофель	77	96	87	87	80
Овощи и бахчевые	124	133	130	124	115
Рыба и рыбопродукты	21,0	22,3	21,9	22,4	23,0
Сахар	50	47	50	52	49
Растительное масло	10,1	11,5	10,5	11,0	п.з
Хлебные продукты	134	123	121	119	109

Объем платных услуг населению в 1988 и 1989 гг.
(в расчете на одного жителя, руб.)

	1988	1989
СССР	217	233
УССР	217	230
Одесская область	253	210*
Одесса	270*	303*
<i>Место Одесской области среди 25 областей УССР</i>	<i>2</i>	

*Без централизованной части

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (число лет)

Период, для которого вычислен показатель	СССР	УССР	Одесская область
1986-1987 гг., в т. ч. мужчины	69,8 64,8	71,0 66	69,3 65
женщины	73,6	75	73
1988 г., в т. ч. мужчины	69,5 65	71 67	71 66
женщины	73,8	75	75

Младенческая смертность

Число детей, умерших в возрасте до 1 года (на 1000 родившихся)	1980	1985	1986	1987	1988
СССР	27,3	26,0	25,4	25,4	24,7
УССР	16,6	15,7	14,8	14,5	14,2
Одесская область	17,8	18,5	17,2	17,5	16,6
Одесса	*	*	*	*	15,3

* Нет данных

Таблица 21

Обеспеченность населения врачами (на 1000 человек)

Численность врачей на 1000 человек	1980	1985	1986	1987	1988
СССР	37,5	42,0	42,7	43,3	44,0
УССР	36,5	41,4	41,9	42,8	43,1
Одесская область	45,5	51,0	50,7	51,1	51,6
<i>Место среди 25 областей УССР</i>	<i>3</i>	<i>3</i>	<i>3</i>	<i>3</i>	<i>3</i>
Одесса	82,5	80,4	78,9	83,1	73,3
<i>Место среди 30 городов СССР</i>	<i>6</i>	<i>12</i>	<i>13</i>	<i>9</i>	<i>17</i>

Таблица 22

Обеспеченность населения средним медицинским персоналом

Численность среднего медицинского персонала	1980	1985	1986	1987	1988
СССР	105,7	113,5	114,7	115,7	118
УССР	103,1	11,4	113	115	115,5
Одесская область	108,8	121,9	123,8	124,9	126
<i>Место среди 25 областей УССР</i>	<i>5</i>	<i>4</i>	<i>4</i>	<i>4</i>	<i>4</i>
Одесса	151	149	150	160	149
<i>Место среди 30 городов СССР</i>	<i>3</i>	<i>7</i>	<i>7</i>	<i>6</i>	<i>4</i>

Таблица 23

Обеспеченность населения больничными учреждениями

Число больничных коек на 10000 человек	1980	1985	1986	1987	1988
СССР	125	130	130	131	132
УССР	125	131,5	132	133	134
Одесская область	118	124,5	125	125	126
<i>Место среди 25 областей УССР</i>	<i>19</i>	<i>22</i>	<i>22</i>	<i>23</i>	<i>22</i>
Одесса	123	123	123,5	127	127
<i>Место среди 30 городов СССР</i>	<i>28</i>	<i>27</i>	<i>27-28</i>	<i>25</i>	<i>27</i>

Таблица 24

Обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями

Посещений в смену на 10000 человек	1980	1985	1986	1987
СССР	175	177	182	184
УССР	149	155	159	163
Одесская область	160	162	164,5	168

Таблица 25

Ввод в действие больничных учреждений

Число коек на 10000 человек	1981-1985 в среднем	1986	1987	1988	1989
СССР	2,3	2,6	2,7	2,8	2,3
УССР	2,4	2,1	2,5	2,5	1,5
Одесская область	2,1	2,3	1,7	2,3	2,3

Таблица 26

Ввод в действие амбулаторно-поликлинических учреждений
(посещений в смену на 10000 жителей)

	1981-1985 в среднем	1986	1987	1988	1989
СССР	5,2	6,3	7,7	7,2	6,3
УССР	5,5	6,8	6,5	5,9	4,7
Одесская область	3,2	4,6	4,6	6,8	7,7

Таблица 27

Охват детей постоянными детскими дошкольными учреждениями

% к численности детей соответствующего возраста	1980	1985	1986	1987	1989
СССР	54	58	57	58	58
УССР	57	60	61	61	62
Одесская область	67	66	68	66	66
<i>Место среди 25 областей УССР</i>	<i>8</i>	<i>10</i>	<i>10-11</i>	<i>11</i>	<i>10</i>

Таблица 28

Численность детей в ДДУ на 100 мест

Численность детей на 100 мест	1985	1986	1987	1988
СССР	106	*	107	106
УССР	103	*	107	
Одесская область:	104	119	118	115
в городских поселениях	115	127	126	122
в сельской местности	85	106	103	101
Одесса	114	122	123	119

* Нет данных

Таблица 29

Ввод в действие ДДУ

Место на 10000 жителей	1981-1985 гг. в среднем	1986	1987	1988	1989
СССР	20,9	22,5	24,5	21,6	18,7
УССР	16,4	16,3	15,8	16,1	12,5
Одесская область:	14,1	9,9	14,1	19,0	12,9
в т. ч. в сельской местности	18,1	13,5	21,6	26,0	
г. Одесса	*	12,1	6,7	13,8	11,3

Таблица 30

Сменность занятий в дневных общеобразовательных школах
(на начало года)

Численность учащихся занимающихся во 2 и 3 смены, % от общей численности учащихся	1980-81	1985-86	1988-89	1989-90
СССР	20,0	21,2	22,7	
УССР	11,6	12,5	14,8	
Одесская область	14,5	15,2	18,1	17,7
<i>Место среди 25 областей УССР</i>	<i>4</i>	<i>4</i>	<i>1</i>	
Одесса	*	29,1	30,9	33,1

* Нет данных

5.2. КРАТКИЕ ПОЯСНЕНИЯ К ОТДЕЛЬНЫМ СТАТИСТИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ

1. *Распределение населения на городское и сельское* производится по месту проживания, при этом городскими поселениями считаются населенные пункты, утвержденные законодательными актами союзной республики в качестве городов, поселков городского типа, рабочих поселков, курортных поселков. Все остальные населенные пункты являются сельскими.

2. *Ожидаемая продолжительность жизни при рождении* — число лет, которое предстоит прожить в среднем родившимся в данный период, если на протяжении их жизни уровень смертности в каждом возрасте останется таким, каким он был в годы рождения.

3. *Среднемесячная денежная заработная плата* рабочих и служащих по народному хозяйству и отраслям народного хозяйства определена делением начисленного фонда заработной платы,

включая суммы, начисленные из фонда (единого фонда) материального поощрения (кроме единовременной помощи), а также единовременные и другие премии, не входящие в фонд заработной платы и фонд материального поощрения, на среднегодовую численность рабочих и служащих. Пособия, получаемые рабочими и служащими из средств социального страхования, в фонд заработной платы и среднюю денежную заработную плату не включаются.

4. **Розничный товарооборот** государственной и кооперативной торговой сетью, сетью общественного питания, а также помимо торговой сети (через ателье, ремонтные мастерские, непосредственно промышленными и транспортными предприятиями и др.). Кроме того, в розничный товарооборот включается продажа торговой сетью, организациями, учреждениями и предприятиями продовольственных товаров для питания обслуживаемых ими контингентов (в санаториях, детских учреждениях, больницах и др.) и непосредственных товаров для их текущих хозяйственных нужд.

В объеме товарооборота отражена выручка от реализации товаров (продукции) кооперативами общественного питания, торговыми, торгово-закупочными кооперативами, а также товаров, изготовленных в порядке индивидуальной трудовой деятельности и реализованных через общую торговую сеть. Розничный товарооборот без реализации алкогольных напитков исчислен, исходя из общего объема реализации алкогольных напитков, включая наценку в общественном питании.

5. **Потребление основных продовольственных продуктов** на душу населения определяется с учетом потребления всех произведенных в стране и импортированных продуктов независимо от вида потребления и способа продажи продуктов населению. При исчислении отдельных показателей потребления:

- в показатель **мясо и мясопродукты** включается мясо, мясопродукты, сало-шпиг, жир-сырец, птица домашняя, дичь и субпродукты в натуре;

- в показатель **рыба и рыбопродукты** по всем социалистическим странам включается пищевая рыбная продукция в товарном весе (свежая, мороженная, копченая, вяленая и консервированная рыба в пересчете на свежую);

- в показатель **молоко и молочные продукты** включаются моло-

ко свежее и квашеное, масло животное, сметана, творог и другие молочные продукты в пересчете на молоко;

— в показатель **масло растительное** входят все виды масел в натуре. Кроме того, включая масло, израсходованное на выработку маргарина, консервов, хлебобулочных изделий и пр.;

— в показатель **сахар** включается сахар рафинированный, колотый, песок рафинированный и нерафинированный в натуре. Кроме того, учитывается сахар, израсходованный на приготовление других продуктов — кондитерских изделий, консервов молочных и фруктовых, мороженого и пр.;

— в показатель **хлебные продукты** включается хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупа, бобовые;

— в показатель **овощи и бахчевые** включаются овощи и бахчевые свежие, а также сушеные, вяленые и консервированные в пересчете на свежие.

6. **Платные услуги** населению включают: бытовые услуги, услуги пассажирского транспорта, связи, жилищно-коммунального хозяйства, услуги по содержанию детей в дошкольных учреждениях, туристско-экскурсионные и санаторно-курортные услуги, услуги учреждений культуры, здравоохранения, физической культуры и спорта, услуги правового характера и учреждений Сберегательного банка СССР и другие.

7. **Общая площадь жилых домов** состоит из жилой площади и площади подсобных помещений. К подсобным (вспомогательным) помещениям относятся помещения, расположенные внутри квартир: кухни, коридоры, санитарные узлы, ванны и гардеробные комнаты, кладовые, встроенные шкафы. В общежитиях к подсобным (вспомогательным) помещениям, кроме вышеуказанных, относятся помещения культурно-бытового назначения и медицинского обслуживания. В площадь подсобных (вспомогательных) помещений включаются также крытые приквартирные веранды, лоджии, террасы и балконы с установленными понижающими коэффициентами, если это предусмотрено технико-экономическими показателями проектов жилых домов. В общую площадь жилых зданий не входит площадь вестибюлей, тамбуров, лестничных площадок, общих коридоров, а также площадь жилых домов, предназначенных для встроенно-пристроенных нежилых помещений.

Г.П. Бессокирная, М.Б. Кунявский

**МЕТОДИКА РАЙОНИРОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ
ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ ПО ЭТНИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ
(с использованием материалов Всесоюзной переписи населения 1989 г.)**

1. Для характеристики этнических общностей южноукраинского региона (Одесская, Николаевская и Херсонская области) в исследовании широко использовались данные Всесоюзной переписи населения 1989 года. Данные переписи были получены непосредственно из разработочных таблиц, хранящихся в Одесском областном статуправлении и Министерстве статистики Украины (г. Киев), поскольку публикация их только началась.

2. Сведения об этнических общностях имеются в следующих разработочных таблицах: 9с, 10с, 29с, 31с, 32с, 33с, 34в, 35в, 36в, 42с, 54в, 55в, 57с, 30с, 51в, 53в. В настоящем исследовании для вторичного анализа использованы данные таблиц: 9с, 10с, 29с, 31с, 32с, 33с, 34в, 35в, 36в, 42с, 54в, 55в, 57с по Одесской, Николаевской, Херсонской областям и Украине в целом.

3. В ходе вторичного анализа данные по всем трем областям сопоставлялись между собой и с данными по республике в целом. В ряде случаев при характеристике этнических общностей в Одесской области (самой многонациональной в республике по критерию численности многочисленных национальностей) отдельно анализировались данные об этнических общностях в различных типах поселений (городские, сельские, Одесса).

4. Материалы Всесоюзной переписи анализировались по следующим направлениям: национальный состав населения, демографические характеристики представителей различных этнических общностей, расселение, миграция, социально-этническая структура, языковая ситуация.

5. При анализе национального состава населения, кроме имеющих в материалах данных о распределении жителей по этническим общностям и изменении численности этнических общностей (1989 г. в процентах к 1979 г.), были дополнительно рассчитаны индексы мозаичности национального состава населения для некоторых территориальных общностей. Индекс мозаичности вычислялся по формуле, предложенной Б.М. Эккелем (Советская

этнография, 1976, № 4, с. 34). Предполагается, что между мозаичностью национального состава и теоретической вероятностью вступления национальностей в межнациональные контакты существует прямая взаимосвязь. Индекс мозаичности тем выше, чем больше многочисленных групп (не менее 0,1% населения) и чем более равномерно по численности они распределены.

6. При анализе демографических характеристик представителей наиболее многочисленных этнических общностей использованы данные о распределении этнических общностей по полу, о среднем возрасте, а также о соотношении и величине мононациональных и смешанных семей в трех областях региона и на Украине в целом.

7. При анализе расселения использованы материалы переписи о распределении жителей различных национальностей между городскими и сельскими поселениями. При этом в Одесской области с учетом типа городских поселений (Одесса — крупнейший город, другие города областного подчинения, прочие города и поселки городского типа).

8. При анализе миграции использованы материалы о распределении населения по месту рождения (в этой же области, на территории Украины), по предыдущему месту жительства (городские и сельские поселения), по непрерывности проживания в месте постоянного жительства (с рождения, не с рождения), а также о продолжительности проживания в месте постоянного жительства.

9. При анализе социально-этнической структуры использованы материалы об уровне образования занятого населения, социальной принадлежности (рабочие, колхозники, служащие), соотношении лиц с преимущественно умственным и преимущественно физическим трудом, а также данные о распределении по отраслям народного хозяйства представителей наиболее многочисленных этнических общностей.

10. При анализе языковой ситуации использовались данные о родном языке, двуязычии многочисленных национальностей, а также о степени владения государственным (украинским) языком представителями различных этнических общностей.

11. С целью проектирования выборки взрослого населения Одесской области (с учетом распределения жителей по национальностям) осуществляется районирование 26 сельских районов. Для районирования использованы следующие показатели: удельный вес

свободно владеющих украинским и русским языком; количество многочисленных этнических общностей в районе (не менее 0,1%, и от 1% и более от общей численности населения); доля самых массовых этнических групп (украинцев, русских, молдаван, болгар); коэффициент этнической мозаичности, процент русских и украинцев в городских и сельских поселениях.

12. Произведен регрессионный анализ влияния учитываемых этнических показателей на показатели, характеризующие политическую активность и позиции избирателей во Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. Результаты анализа показали, что этнические показатели районов не оказывали сколько-нибудь значимого воздействия на этнополитические процессы весной 1991 г.

13. В дальнейшем предполагается выполнить регрессионный анализ взаимосвязи этнических показателей районов и итогов Всеукраинского референдума и выборов Президента Украины для выявления наиболее информативных (значимых для развития этнополитических процессов) этнических показателей.

14. Выделенные в результате статистического анализа этнические показатели будут использованы для классификации сельских районов и размещения выборки при проведении широкомасштабного исследования этнополитических процессов в южноукраинском регионе.

**СПИСОК ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ СПРАВОК,
ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ**

1. Об особенностях общественного мнения населения, 1989 г.
2. Докладная записка «О возможных формах практического использования результатов изучения общественного мнения» 1989 г.
3. Общественное мнение о проектах республиканских законов о выборах, 1989 г.
4. Предвыборная ситуация, декабрь 1989 — январь 1990 г. Мнения избирателей Одесской области.
5. Социальная справедливость. Мнения трудящихся г. Одессы, 1990 г.
6. Социальная ситуация в Одесской области. (Оценка состояния и динамики). 1990 г.
7. Этническая среда и общественное мнение, 1991 г.
8. Этнические общности южноукраинского региона (Одесская, Николаевская, Херсонская области). Национальный состав и его динамика, 1991 г.
9. Этнические общности южноукраинского региона (Одесская, Николаевская, Херсонская области). Демографические характеристики, 1991.
10. Этнические общности южноукраинского региона (Одесская, Николаевская, Херсонская области). Расселение, 1991.
11. Этнические общности южноукраинского региона (Одесская, Николаевская, Херсонская области). Миграция, 1991.
12. Этнические общности южноукраинского региона (Одесская, Николаевская, Херсонская области). Социально-этническая структура, 1991.
13. Этнические общности южноукраинского региона (Одесская, Николаевская, Херсонская области). Языковая ситуация, 1991.
14. Этнические общности южноукраинского региона (Одесская, Николаевская, Херсонская области). Этнические общности в местных советах Одесской области, 1991.

АДРЕСАТЫ СПРАВОК:

- Первый секретарь обкома КПУ Г.К. Крючков;
- Председатель исполкома областного Совета народных депутатов А.В. Печеров;
- Первый секретарь горкома КПУ Б.Я. Хмельнюк;
- Председатель исполкома городского совета народных депутатов В.К. Симоненко;
- Сопредседатели Одесской областной организации народного движения Украины за перестройку (Рух);
- Директор Института социологии АН СССР В.А. Ядов.

**СПИСОК ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСОВ**

1. Перестройка образования, цифры и мнения // Знамя коммунизма от 17.02.1988.
2. Без компромиссов // Знамя коммунизма от 11.06.1988, № 111.
3. Пути перестройки. Мнения читателей // Знамя коммунизма от 23. 06. 1988, № 120.
4. За словом — дело // Знамя коммунизма от 24.07.1988.
5. Необходимость или очередная кампания // № 240, 17.12.1986.
6. Социальная справедливость. Ваше мнение? //Знамя коммунизма от 21.12.1966, № 243.
7. Мнение читателей // Знамя коммунизма от 24.05.1989 г.
8. Съезд окончен. Диалог продолжается // Знамя коммунизма от 15.06.1989, № 114.
9. Дадим ли власть Советам? // Знамя коммунизма от 27.09.1989, № 184.
10. Читатели о выборах // Знамя коммунизма от 4.10.1989, № 195.
11. Ищем выход из тупика. Мнения о выборах // Знамя коммунизма от 13.02.1990, № 30.
12. Позиция кандидата // Знамя коммунизма от 15.02.1990, № 32.
13. Определяем позицию // Знамя коммунизма от 2.03.90, № 43.
14. Подведем итоги // Знамя коммунизма от 1.03.90, № 42.
15. Кандидаты и избиратели // Знамя коммунизма от 28.02.90, № 41.
16. Поле сражения — социология // Знамя коммунизма от 21.02.90, № 36.
17. В ваше досье // Знамя коммунизма от 3.06.90. № 107.
18. За консолидацию партии на принципах перестройки (с 28-ой областной партийной конференцией) // Знамя коммунизма от 13.06.09, № 114.
19. «Репетиция» областного масштаба // Знамя коммунизма от 14.03.91, № 50.
20. Навстречу референдуму: Мнения и ориентации населения // Вечерняя Одесса от 15.03.91, № 56.
21. Референдум завершен. Спор продолжается // Знамя коммунизма от 23.03.91, № 57.

22. Немного статистики // Одесский университет от 1.10.91, № 20.
23. Социологический опрос // Пале-Рояль, окт. 1991, № 5.
24. Осень тревоги нашей. О явном пессимизме и... осторожном оптимизме // Знамя коммунизма от 24.10.91, № 199.
25. Претенденты определились? // Знамя коммунизма от 29.10.91, № 201.
26. Нужен ли референдум? // Знамя коммунизма от 5.11.91, № 205.
27. Оценки противоречивы // Знамя коммунизма от 13.11.91, № 210.
28. Готовы сделать выбор? // Вечерняя Одесса от 22.11.91, № 234.
29. Межнациональные отношения. Существуют ли проблемы? // Знамя коммунизма от 23.11.91. № 217.
30. За что проголосует одессит // Вечерняя Одесса от 26.11.91, № 236.
31. Остаются долг и надежда // Вечерняя Одесса от 27.11.91, № 237.
32. Общественность да услышит! // Вечерняя Одесса от 28.12.91, № 238).
32. Нетерпение и нетерпимость // Вечерняя Одесса от 28.11.91, № 238.
33. Кто пойдет голосовать? // Знамя коммунизма от 28.11.91, № 220.
34. А решаться надо... // Вечерняя Одесса от 29.11.91, № 239.
35. На каком языке общаться // Знамя коммунизма от 4.12.91, № 224.
36. Доверяем ли своим избранникам // Знамя коммунизма от 7.12.91, № 226.
37. Национальности в Советах: есть перекосы // Знамя коммунизма от 17.12.91, № 234.

Наукове видання

ПОПОВА Ірина Марківна

1989–1991

ДІАГНОЗ ЧАСУ

(Одесити про себе та зміни у суспільстві)

Історико-соціологічні нариси

Російською мовою

Зав. редакцією *Т. М. Забанова*

Голов. редактор *Ж. Б. Мельниченко*

Технічні редактори *Р. М. Кучинська, М. М. Бушин*

Коректор *О. Г. Дайбова*

Здано у виробництво 17.02.2006. Підписано до друку 25.08.2006. Формат 60х84/16.
Папір офсетний. Гарнітура “Таймс”. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 13,49.
Тираж 300 прим. Зам. № 87.

Видавництво і друкарня “Астропринт”
(Свідоцтво ДК № 1373 від 28.05.2003 р.)
65082, м. Одеса, вул. Преображенська, 24.
Тел.: (048) 726-98-82, 726-96-82, (0482) 37-14-25.
www.fotoalbom-odessa.com

Попова І. М.

П 58 1989–1991. Діагноз часу (Одесити про себе та зміни у суспільстві): Історико-соціологічні нариси. — Одеса: Астропринт, 2006. — 232 с.

Рос. мовою.

ISBN 966–318–564–3.

П $\frac{0503020902-102}{318-2006}$ Без оголош.

ББК 63.3(4Ук-4Од-20)
УДК 94(477.74-21):316.3“1989/1991”

ДЛЯ ЗАМЕТОК